

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

802-11
ЖУРНАЛЪ 214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ДВѢНАДЦАТАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № V.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ГУСТАВЪ ВАЗА.

(Окончаніе.)

Однажды, когда я вышелъ изъ рудника, предсталъ передо мною благовидный мужчина — подаль мнѣ дружески руку и повелъ меня въ свой домъ. Это былъ Аксель Биорнзень; жена одного работника видѣла вышитый воробникъ сорочки моей и сказала Акселю, который заключилъ изъ того, что я бѣглецъ, преслѣдуемый бѣшенствомъ Христиерна, и какъ онъ былъ добрый человекъ, то и принялъ меня къ себѣ.

Онъ обходился со мною дружески и со-
страдателью. Я хвалилъ Даларійцевъ и
легонько изъявилъ боязнь свою на счетъ
того, когда и до нихъ дойдетъ очередь ис-
пытать шираспиво Христиерна. Тутъ
спалъ Аксель выдалъ обширность спра-
ны, многочисленность и храбрость мужей

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктшербургъ, Февраля
15 дня 1827 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ
Константинъ Сербиновичъ.*

ея и независшь ихъ къ гнѣшущему Шведовъ игу; онъ клялся, что Христіерну никогда не удастся покорить ихъ своей власни. Я радостно обнаружилъ передъ нимъ свои мысли. Тогда Аксель вдругъ поблѣднѣлъ и сшалъ пошчасъ оговаривашъ, что прежде превозносилъ хвалами. Трусъ не можешь бышь вѣрнымъ другомъ. Я взялъ съ него обѣщаніе бышь скромнымъ, и ночью ушелъ ошъ него. Безъ вожакаго, блуждалъ я по горамъ и долинамъ, и наконецъ нашель жилище шариннаго своего шоварица въ бишахъ, Пешерсона.

Онъ принялъ меня по-брашски, съ громкими восклицаніями радости. „Какъ ты“ говорилъ онъ: „увернулса ошъ Дашскаго палача? Ну, слава Богу, что живешь хоша одинъ Шведъ, на кошораго ошечество можешь полагашь надежду. Сшупай ко мнѣ; ѣшь, пей, подкрѣпи себя; въ домъ швоего друга все швое.“

Тутъ ударили мы дружески по рукамъ, и я не скрылъ ошъ него спремленія моего сердца. Онъ общалъ мнѣ пособіе и назвалъ человекъ пятьдесятъ, все знашихъ особъ, говоря, что на нихъ могу положиться. Два дня пробыли мы вмѣстѣ и условилсь, какъ бышь дѣлу; шогда пошелъ онъ, какъ сказалъ, переговорить съ прочими.

Тоскливо и горестно посманпривала на меня хозяйка Имгарда, когда онъ вышелъ. Я спросилъ, почему; она ошвѣчала, что нездорова. Однако при наступленіи вечера, когда спало темно и я, взявши фонарь, ошправилса спать, она догнала меня, схватила за руку и спала плакашь. „Густавъ,“ сказала она: — „сердце мое разрывается, но я должна осперечь себя: мой мужъ пошелъ предашь тебя Дашчанамъ за золошо. Бѣги; мой старый слуга Іенсъ проводишь тебя въ вѣрное мѣсто.“

„Куда ты ведешь меня?“ спросилъ я стараго слугу, идучи съ нимъ шѣсною, почти непроходимую пропою. „Къ Пастору“ ошвѣчалъ онъ. Эшо не понравилось мнѣ; не скрою передъ вами, друзья: шогда никто не казалса мнѣ опасіе Пастора. Что сдѣлалъ Густавъ Тролле (*) на пагубу своему ошечеству, шо было у меня въ свѣжей на-

(*) Смерть Сшуре и Эрика Тролле, искали оба достоинства Намѣшника; Сшуре поблѣднѣлъ. Чтобы успокоить Папу, который вмѣшалса въ распрю, и паршю Эрика, Сшуре согласилса признашь Эрика сына, Густава, Архіепископомъ Упсальскимъ. Сей послѣдній оказалса дѣшательнымъ и непримиримымъ врагомъ Сшуре, и безъ него никогда Христіернъ, возбуждавшій еще болѣе деньгами его испишельность, не пришелъ бы въ Швецію. *Сог.*

мяши; и хоша однажды приходила мнѣ бѣглая мысль привлечь на свою сторону Епископовъ, однако я бросилъ ее; мнѣ мнилось, что всякій Епископъ подобенъ Тролле — не захочешь быть болѣе гражданиномъ и человѣкомъ, чѣмъ Епископомъ.

Однако, благодареніе Богу, Пасторъ, называвшійся Іоанномъ, былъ хоша и не Епископъ, но гражданинъ и человѣкъ добрый. И онъ сидѣлъ бы здѣсь, за эшимъ спомомъ, если бъ не былъ шамъ, гдѣ носишь корону превосходитѣ моея! — Онъ спросилъ меня объ имени и обѣщаль мнѣ покровительство. Когда старый слуга ушелъ, онъ повелъ меня въ церковь и заперъ въ ризницѣ. „Здѣсь“ — сказала онъ: — „тебя икшо искашь не будешь. Гдѣ господинъ бездѣльникъ, шамъ нельзя вѣрнш и слугѣ. Въ домѣ моемъ тебѣ не было бы хорошаго убѣжища.“ — По ночамъ приходилъ онъ, приносилъ мнѣ пищу и бесѣдовалъ со мною. Тушь узналъ я вскорѣ здравый умъ эшого чловѣка и чесныя свойства. Слезы пробивались изъ глазъ его при мысли, что естѣ еще Шведъ не робкаго духа, для блага своего опечесива. „О, счастливы шы“ — восклицалъ онъ: — „что Богъ къ отважной душѣ даровалъ тебѣ швердую руку на спасеніе народа съ геройскою силою. Благо-

словаю тебя къ шому во имя Господа! Но если не могу носишь меча на опорѣ тебѣ, шо буду служишь совѣшомъ и дѣломъ. Не ищи въ здѣшнемъ дворянствѣ! Его низкое корыстолюбіе не доставишь тебѣ славы, къ которой стремишься; охотише изгибаешя оно передъ чуждымъ шираномъ, нежелн передъ душевнымъ величіемъ себѣ подобнаго. Къ шому же дворяне бояшя войны, могущей уменьшишь ихъ запасы и испортишь пашни. Но поселяне Даларншскіе смѣлы, раздражены прошиву чужевласнш, бѣдны и пошому не скупы, гораздо ниже тебѣ званіемъ, и пошому не позавидуюшь швоимъ добродѣтелямъ. Черезъ нѣсколько дней приходи въ Мору, на крешьянскую сходку, я прежде схожу шуда, чтошбъ узнашь расположеніе умовъ. Надежный чловѣкъ снабдишь тебѣ всѣмъ лужнымъ, и проводишь.

Я пришелъ въ Мору на сходку Даларншцевъ. Іоаннъ шамъ встрѣшилъ меня. „Все ладно!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо, и подхватя меня подъ руку, ввелъ въ среду ихъ. „Вопгъ Гусшавъ Ваза!“ вскричалъ онъ шумъ: „который ищешъ защиты отъ жестокостей Христіерна, въ долинахъ и между мужами Даларни.“

Радосный крикъ разсѣкъ воздухъ. Добрадушныя Даларнійцы обступили меня, хватая за руку и пожимали ее. Иной, съ дикимъ лицомъ, съ звѣрскимъ взоромъ, сморщивъ на меня шакъ умилно, что слезы порывались изъ глазъ его. „Даларнійцы!“ — сказала я, по минованіи бури восторга — „не для спасенія своей жизни убѣжалъ я отъ ширана. Честь и богатство достались бы мнѣ въ удѣлъ, если бы я поклонился ему въ вѣрности. Въ моихъ замкахъ могъ бы я вести укронную, покойную жизнь. И на чужбинѣ эта рука приобрѣла бы себѣ милость и покровительство Монарховъ. Но мой народъ составляетъ жизнь мою, честь и богатство. Мнѣ ли шерсть, чтобы Шведы медленно пожираемы были горстью чужаго народа? Я перенесъ уже много опасностей, испытывалъ измѣну, прошель горы и лѣса Кальмара, Осигонландіи, Зюдерманландіи, Нерики и Вестманландіи: нигдѣ не нашель, чего искалъ. Дворяне изгибающся подъ гнетомъ власти, воины покорившующъ ласкашельству, Епископы возносятъ мольбу за ширана, отъ котораго принимающъ подарки и угрозы, береговые жители счишающъ свои барыши превыше свободы. Даларнійцы, вы — сердце Швеции. Въ васъ живель благородство предковъ на-

шихъ, умершее въ другихъ. За мною, друзья! — Отъ вашего мужества, отъ крѣпости руки вашей побѣгушь все испребишели народа, все шайные его кровонійцы, и благодарное опечесство восхвалишь васъ на вѣки вѣковъ.“

Тутъ, какъ бурные валы, взволновался народъ, и громкія восклицанія раздалось въ воздухъ. Поклонился мщеніемъ Дашчанамъ, достали въ мигъ оружіе, и 400 человекъ потребовали, чтобы я велъ ихъ на битву. Мы осадили замокъ, въ которомъ жилъ Дашскій Намѣстникъ. Все крестьяне собрались вокругъ меня. Явились и нѣкоторые изъ дворянъ, по видимому на помощь мнѣ, въ самомъ же дѣлѣ — чтобы развѣданы о силахъ моихъ и съ ними сообразовашься. Я мало о томъ заботился, и предводительствуя храбрымъ народомъ, полешель на встрѣчу побѣды. Дашскіе полководцы падали или бѣжали. Вѣроломный Гуснавъ Тролле, думавшій поразить меня при Упсаль, едва успѣлъ убраться свои ноги.

Тогда закипѣло ширанское сердце Христіерна. Мать моя и сестра, двѣ благородныя женщины, умерщвлены были съ жесточайшими муками. Много другихъ благородныхъ женщинъ брошены имъ съ утеса въ море, въ мѣшкахъ, которые ихъ самихъ за-

схватили шпиль. Знавшійшихъ юношей убивалъ онъ и уродовалъ. Въ Швеціи, наемники его испребляли мечемъ и огнемъ всѣхъ безъ различія. Это воспламеняло въ монахъ мужество, и съ каждымъ днемъ умножало число ихъ. Небольшую толпу воиновъ прислалъ мнѣ Николай изъ Любека и писалъ, что тамошній Совѣтъ готовъ заключить со мною союзъ. Тутъ выползли и дворяне изъ своихъ замковъ, и старые товарищи, копорымъ Христіернъ не давалъ жалованья, вдругъ вспомнили о герое Спуре, объ ошечествѣ, и предложили мнѣ свои услуги. Я принималъ всѣхъ, но Даларнійцы съ неуспрашимостию, швердостию духа и сильными мышцами, стояли у меня высоко предъ всѣми.

Я сдѣлалъ приступъ къ Спокгольму. Гуславъ Тролле и его приверженцы бѣжали. Тутъ мнѣ потребовалась помощь. Я послалъ Сванна Поссе въ Любекъ, заключить союзъ и потребовать скорѣйшаго пособія. Онъ привезъ шо и другое; но когда доносилъ онъ о посольствѣ своемъ, очень живо возобновлялись въ моей памяти старые господа, засѣдающіе въ Совѣтѣ, въ ихъ мѣховыхъ плащахъ съ золотыми перевязями. Опъ меня шребовали, заплашить 60,000 марокъ за снаряженное воинство, а пока этого не сдѣлаю, дозволишь безпощадный

ввозъ товаровъ для Любчанъ, не допуская никого, кромѣ нихъ, къ шорговлѣ со Швеціею и не заключаешь мира безъ согласія Любека. Вопъ что называется по купчески распшаннымъ дружесшвомъ, господинъ Посланчикъ; никогда бы я не забылъ о шомъ, если бъ вы и не напоминали мнѣ.

Надобно было на все согласиться, чтообъ довершишь начашое. Тутъ случилось, что Норби (*), понышавшись щещно подашь помощь сидящимъ въ Спокгольмѣ Дашчанамъ, былъ загнанъ моими Любекскими кораблями къ ближнему острову, и шамъ заперло его льдомъ со всѣмъ его флотомъ. Это узналъ я на другой день, и рѣшился однимъ ударомъ сокрушить всю Дашскую силу. Мои Шведы были, правда, ошважны, какъ львы, но къ устройству и порядку еще не совсемъ привыкли они; почему и повелъ я въ шу же ночь къ нападенію однихъ Любчанъ. И они пошли храбро въ слѣдъ за мною, и не смотря на сильный огонь Дашчанъ, загли многіе корабли ихъ, шакъ, что я уже радовался удачному предпріятію. Вдругъ Либскій предводитель скомандовалъ решителъду, и какъ я ни просилъ, сколько ни

(*) Зеренъ Норби былъ Христіерновъ Адмиралъ, человекъ храбрый. *Сог.*

угрожалъ, не могъ опклонить ось шого Любчанъ. Тушь я узналъ, что значить помощь союзниковъ!

Однако тогда было не до шого, чтобъ сердиться: освобожденный Норби угрожалъ всею силою опразить осаждающихъ Штокгольмъ, и мнѣ нужны были Любчане, чтобы не допустишь его къ этому. Впрочемъ, если бь Шведы мои не устояли съ удивительною швердосцію прошиву люпоси холодной зимы, я былъ бы принужденъ опспунишь, пошому, что эти чужіе друзья хотѣли шолько сладко ѣсть, а не мерзнуть и не воевать. Тираны низвергають сами себя. Данчане возсали прошиву Христіерна и прогнали его. Швеція очиснилась, шолько Штокгольмъ оказывалъ еще слабое, почти умирающее упорство. Цѣль, кошорая лежала у меня на душѣ, была достигнута, и я пожелалъ видѣть народъ, за свободу кошорого сражался и побѣждалъ; мнѣ хотѣлось дать ему правительство и законы, чтобъ упрочить за нимъ эту благодѣтельную свободу.

По силѣ возложеннаго на меня Чинами званія Правителя, назначилъ я Сеймъ въ Спрегнесъ. Туда собралась во множествѣ Чины, Епископы, и шьмочисленными полками народъ мой изъ всѣхъ провинцій. Гдѣ

ни появлялся я, вездѣ принимали меня съ радосными восклицаніями, какъ божество. Я былъ предметомъ ихъ разговоровъ, героемъ ихъ пѣснопѣній. Всѣ шѣснились вкругъ меня, какъ дѣти около отца, и эти брадашые мужи плакали ось радосни, когда я имъ дружески кланялся.

Не подумайше, друзья, чтобъ человекъ, кошорый скоро станешъ предъ престоломъ Всевышняго, рѣшился говорить вамъ это изъ суетной горделивости. Если душа, возмимъвъ благіе, великіе помыслы, безшрепешно преборала опасосни и непоколебимо выносила шруды, ради одной высокой цѣли, и если эта цѣль достигнута и шраведливоснь расшочаетъ награду за наградою для счастливца, кошорый шого удостоился: тогда умолкаетъ уже голосъ обыкновеннаго честолюбія и радосни, и просшая, но искренняя и безкорышная похвала народа гораздо ушѣшишельнѣе сердцу, нежели шумное, блисшашельное одобреніе, при кошоромъ иные хотяшь высшавишь шолько самихъ себя.

Это испытано мною въ Спрегнесъ. Зашла рѣчь объ избраніи меня въ Короли. Чины и Епископы видѣли, что нѣкому бышь Королемъ, кромѣ меня. Я и самъ чувшвовалъ, и не смѣжусь сказать, что радовался

тогда, считая себя достойнымъ вѣнца, кошорого шягость въ печеніе сорока лѣтъ не подавила моего мужества, кошорого обязанности пребылъ я вѣренъ. Однако поменѣ мужества врядъ ли не пріятнѣе было бы Чинамъ и Епископамъ. Чшобъ шолько выиграшь для себя, сколько возможно болѣе, спаралсъ они придашь высокую цѣну доброй своей воли, и со всеусердіемъ поуждали меня къ пріяшю короны, надѣясь, что въ упоеніи радости, не ошвергну я шѣхъ условий, какія выдуманы ими были для ихъ собшвеннаго возвеличенія и обогащенія.

Туть я согласился, чшобъ о шомъ предложено было во всенародномъ собраніи. Выступилъ ораторъ и, возвеличавъ мои подвиги и добродѣтели, прибавилъ, что Швеція нужень Король, и что нѣтъ никого къ шому достойнѣе меня; поэтому и должны разсудить Чины, могу ли я и съ какими условиями бышь Королемъ. Но сердечный порывъ народа не далъ ему договорить. Спокойно слушали дѣланнныя мнѣ похвалы; но едва произнесено было, что я достоинъ бышь Королемъ, какъ воздухъ засноналъ ошъ громкихъ восклицаній: „да, Король, Король нашъ герой, ошець нашъ, избавишель, Гусавъ Эрикзонъ, нашъ Король! Хвала, хвала и долгодѣшніе!“ — и всѣ

присщупили и пребывали, чшобъ имъ показали ихъ Короля, хватали одежду мою, цѣловали ее; совсѣмъ чуждые другъ другу обнимались съ радостными слезами, и какъ бы щедро одаренные на всю жизнь, какъ бы получившіе доступъ ко вратамъ небесъ ошъ дворянъ и Епископовъ, восшорженные поселне и граждане обхвашывали ихъ и цѣловали.

Есть что-то великое, друзья мои, сдѣлашь предметомъ любви и обожанія народа, съ увѣренностью, что эша любовь пріобрѣтена заслугами!“

Старый Король умолкъ, и гости въ глубокой задумчивости смощрѣли каждый передъ собою. Спусти нѣсколько минушь, Гусавъ продолжалъ:

„Я рассказалъ вамъ, что для спасенія Швеции, для моего счастья и моей славы сдѣлано было щедросшію купцевъ, храброю рукою солдатъ, нащпріошическою отважносшію дворянъ и постояннымъ усердіемъ союзниковъ. Но не полна была бы рѣчь моя, когда бы умолчалъ я о заслугахъ служителей церкви во время моего правленія.

Народъ громко и великодушно провозгласилъ меня Королемъ, и всѣ благоволи предо мною безъ сопротивленія. Туть представали мнѣ Епископы и спшали говорить,

весьма назидательно, о томъ, сколь необходимо возвести благословеніе Божіе на державную главу мою, посредствомъ коронаванія оныхъ освященныхъ рукъ ихъ. По своему обычаю; принявъ я предложеніе скоро, безъ околичностей; но святыя мужи, видя равнодушную готовность мою, не опустили намекушь о дачахъ и привиллегіяхъ въ пользу церквей и Чиновъ. Я помнилъ, шѣ времена, когда пашыри и дворяне наперывъ шерзали по клочкамъ Королевскую маншію, и замѣнили, что хочешся имъ добытое моимъ мужествомъ и кровію народа распредѣлишь большею частію, какъ добрую находку, по монастырямъ и замкамъ ихъ. Посему-то я ошклонилъ это дѣло, подѣ предлогомъ, что осада Спокгольма шребуетъ личнаго моего присушенія.

Вскорѣ Спокгольмъ палъ и Швеція сдѣдалась моею. Возсѣвъ на престолахъ моего отечества, я долженъ былъ выкинушь въ дѣла его съ царскою заботливостію. Тогда-то спало разрывашся сердце мое, ибо во всемъ Государствѣ увидѣлъ я безпорядки, опустошенія и бѣдность. Своимъ и чужимъ еодамамъ шребовалась плаша, а въ сокровищницѣ было пусто и народъ споналъ подѣ ярмомъ налоговъ. Если бѣ я спалъ ходишь и въ дрянномъ долукашанѣ, какъ въ

ту пору, когда явился предѣ купеческимъ собраніемъ, если бѣ жилъ не богаче Даларнійскаго мужика, и тогда не сконилъ бы я, сколько мнѣ было нужно.

Между шѣмъ видѣлъ я пышность Епископовъ, блескъ и богашство церковныхъ ушварей; принималъ участіе въ роскошныхъ пирахъ, въ чести мою ушроемыхъ, и думалъ про себя, неуже ли на то есть воля Божія, чтообы Его служители ушпали въ лѣтъ, а народъ шомился, и пріянно ли Ему благодѣпіе дома Его, когда селянинъ едва можешъ выспроишь себя хижину? Какъ мнѣ показалось, что это не можешъ бышь угодно Богу и что не будешъ прошивно Ему, если избыткомъ Его служителей ошвращена будешъ нищета въ Государствѣ, то я призвалъ къ себѣ Епископовъ и пошребовалъ отъ нихъ нѣкоторой части ихъ сокровищъ. Святыя ошцы перепугались и горько жаловались на свою бѣдность. Я былъ споекъ и напомнилъ, что лучше подавашъ народу примѣръ добродѣтели, нежели выманивашъ у него послѣднія крохи и приспѣжашъ его любоспрасшіемъ. Тупъ прозвали меня ерешкомъ и бѣшеный Брусъ Линкопінгскій ошкрыто вызвалъ къ возмущенію.

Тогда появился ученый и смиренный Олай Пешри из Випшенберга. Онъ рассказъ мнѣ объ ученіи Люперовомъ — говорилъ такъ скромно и умно, что я никакъ не могъ запрешить ему вразумлять и наставлятъ другихъ, какъ онъ меня вразумлялъ и наставлялъ. Это раздражило монаховъ и духовенство еще болѣе; повсюду бѣгали они и языками злобы, какъ горящими головнями, распалили противъ меня умы народа; изъ прежде бывшаго избавителя, провозглашенъ я былъ, съ церковныхъ кафедръ, врагомъ Божиимъ и порожденіемъ дьявольскимъ.

На все это не обращая я вниманія, и шѣмъ еще болѣе склонилось мое сердце къ умному и крошкому Олаю. Пускай они бѣснующся, думалъ я, себя хранишь любовь швоего народа. Однако ядовитое бышенство пастырей нашло средшво уязвишь меня въ самой глубинѣ моего сердца. Ошважные, вѣрные Даларнійцы, кошорыхъ нѣкогда соспраданіе ко мнѣ и къ ушѣсенному опеществу одушевило къ такимъ подвигамъ — кошорыхъ пособіе возвело меня на прешполь, вдругъ возмущены были ими. Въ шѣ долины, обитатели кошорыхъ ежедневно благословлялъ я въ благодарной душѣ, тяжкій долгъ принуждалъ меня вещи воору-

женныя шолны для усмиренія. Презришельнѣйшимъ, Богомъ опшвергнушимъ злодѣемъ казался я шѣмъ, кошорые нѣкогда считали меня въ Морѣ испосланнымъ опъ неба избавителемъ. Хотя еще разъ послушались они моего голоса и не нужно было прибѣгать къ оружію, чтошбъ укрощишь ихъ; но какъ раздраженные пастыри не прешакали подшпрекашь и ослѣвляшь ихъ прешодушія, шю Даларнійскія долины снова наполнились ужасами мяшежа. Тогда почувштовала я, что корона, кошорая должна бышь подкрѣпляема молишвами и ученіемъ служителей церкви, не должна бышь подчинена правамъ ихъ и силѣ. Я созвалъ Чиновъ швоего Государства, и объяснилъ имъ швои мысли.

Благородные господа и мужи Швеціи, говорилъ я: вы избрали меня Королемъ, да власшвую надъ народомъ вашимъ во благо его. Но гдѣ Епископы и монахи, во имя Господа, высасывають области и пользуются прешодушіемъ вѣрныхъ подданныхъ на возмущеніе ихъ противу Государя, шамъ не можешъ преушѣвашъ благо народное — не можешъ и Король, хотя бы смысломъ и мудросшію подобный ангеламъ, исполняшь швоего долга. Я хочу, чтошбъ сіи, корышлюбивые, безпокойные пастыри, удалились

опъ насъ. Хочу, чѣмъ у новаго Густава Тролле опияша была власшь устроить гибель отечеству. Хочу, чѣмъ бы пышность и блескъ церковный исчезли изъ спраны обдѣлѣвшей. Хочу, чѣмъ мы повиновались не ушавамъ Римскаго Двора, а единственно Слову Божію и испинѣ. Хочу сего во имя Господа и ко благу моего народа.

По сей сѣмной народъ, орудіе раздраженнаго духовенства, заноситъ мечъ на челоуѣка, которому самъ въ Спирегнесъ вручилъ единодушно корону. Благородные господа и мужи Швеціи! не хочу я долѣе носить короны, которая дѣлаетъ меня ненавистнымъ народу, не давая возможности приносить ему пользу. Опрекитесь отъ Папы, изгоните власшь его на вѣчныя времена и покоритесь, именемъ Швеціи, Евангельской испинѣ. Вы первенствуете въ народъ; съ вашею помощію могу и хочу я власшествовать и возвеличить Швецію, сдѣлавъ ее счастливою. Если моя воля не пропавша вамъ, шо произнесите сіе торжественно, съ силою закона, вѣчно неизмѣннаго. Если жъ вы несогласны со мною, шо возьмите у меня корону, въ которой нѣтъ могущества и чести, возьмите ее назадъ и возвратите мнѣ мое родительское наследіе, которое опдалъ я на освобожденіе своего

отечества. Въ дальнія спраны удалюсь и тогда, и постараюсь забыть народъ, который былъ мною любимъ, которому всею и пожертвовалъ — который меня богошворилъ, а спустя мало времени, преслѣдуешь съ поруганіемъ и ненавистью.

Сказавъ эшо, всшалъ я и ушелъ къ себѣ во дворець. Четыре дня оставался я тамъ взаперти; со мною небольшое число благородныхъ и вѣрныхъ служителей. Да, признаюсь, шо были горестинные для меня дни. Бога призываю въ свидѣтели, чѣмъ я не искалъ престола Швеціи, какъ знака опшличія, который вывѣшивается на панцирь храбраго, въ узаніе свѣшу о его подвигахъ; онъ посланъ мнѣ былъ отъ Бога и любви Швеціи, какъ драгоценный подарокъ, и я клялся Богу и Швеціи украситъ его добродѣтелями и заслужитъ новыми благодѣяніями. И вдругъ остался я въ уединенной комнатѣ, лишенный чести, кака я подлежитъ добродѣтели, лишенный могущества дѣлавъ добро моему народу; вокругъ меня мятежъ; во мнѣ ожиданіе презрительнаго слова отъ тѣхъ людей, для которыхъ, можешь быть, суевѣріе священіе Вѣры, и которыми личная значительность цѣнитъ выше народнаго блага! О, по испинѣ, мнѣ было легче

въ рудникахъ Даларній, легче въ ризницѣ Священника Іоанна!

Въ собраніи Чиновъ, прежде всѣхъ началъ рѣчь зяпъ мой Туре Янзонъ. Дерзновеннымъ и пагубнымъ назвалъ онъ мое намѣреніе, наглымъ нововведеніемъ ученіе Лютера. Капюлицескую же церковь святилищемъ, съ кошорымъ связано земное благо и блаженство небесное. Хотя Швеція, говорилъ онъ, перяешъ во мнѣ мужественнаго, храбраго Государя, но самое дѣло: разстройство всего царства и возмущеніе вѣрныхъ Даларнійцевъ, доказываешь недоспашокъ во мнѣ царской мудрости; что до него касается, онъ никогда не согласился на мои требованія и пребудешъ по конецъ дней вѣренъ шой религіи, кошорая одна въ состояніи низвести на него благоспъ небесъ.

Эшо мнѣніе было ясно, и кѣо бы могъ прошиворѣчьнъ ему, когда шощъ, кого природа назначила мнѣ защитникомъ, первый возсашъ прошивъ меня? Много и съ жаромъ было говорено *за* и *противъ*, но ничшо не вело къ дѣлу. Епископы не щадили хитрыхъ уловокъ. Туре Язонъ шоржесшвовалъ и говорилъ все громче и сильнѣе; друзья мои роббли и умолкали.

Наконецъ въ четвертый день предсашъ собранію Эрикъ Тролле, кошорый прежде

молчалъ. Никогда не искалъ онъ моего благоволенія, и былъ, по дядѣ своемъ, опдалемъ и надзираемъ мною.

„Благородные господа и брашья!“ сказашъ онъ. „Вы знаете мое имя и шо, что Гусшавъ Тролле мой дядя. Сшуръ были прежде врагами нашего дома, шеперь Ваза. Никогда я не ласкашельствовалъ ему, никогда онъ меня не приманивалъ. При всемъ шомъ, если Шведы не хощашъ покориться чуждой власши, если они могутъ и должны имѣть Короля, шо никто другой не можетъ и не долженъ быть имъ, кромъ Гусшавъ Эриксона, спасшеля, кошорого благодарный народъ провозгласилъ Королемъ въ Сшрегнесъ. Онъ не только храбрѣйшій, но мудрѣйшій, и я думаю, самый лучший между нами. Я опрекаюсь опъ Папы и покарюсь волѣ Короля, какъ силъ Государешвеннаго закона, на вѣки!

Изумленіе, благородное умленіе объяло другихъ. Никшо уже не думалъ о своей личности; кромъ Туре Язона, всѣ возчувшвовали, что когда рѣчь идешъ о благѣ народа, всякій долженъ мыслишь, какъ Эрикъ Тролле. Топчасъ заключили, Папскую власть изгнать навѣкъ изъ Швеціи, а Евангелическое ученіе сдѣлашь господешвующею въ Государешвѣ Религію. Одинъ изъ привер-

женныхъ мнѣ пришелъ къ замкнутой двери дворца моего и принесъ извѣстіе. Черезъ нѣсколько минушь, явились первѣйшіе Чины, и объявили мнѣ согласіе на мою волю, и желаніе, чѣобы я предсѣлъ въ ихъ собраніе Королемъ, и съ полною властію ввелъ новый законъ.

Тогда-то сдѣлался я Королемъ, не въ бурѣ благодарности и радости, а уваженіемъ одного благороднаго врага. Чѣмъ я тогда сдѣлался, шѣмъ и осмѣлся; ни Даларнійцевъ фанатическое броженіе, ни Христіерновы нападенія, ни высокомеріе Любчанъ, ни коварное бѣшенство Епископовъ, ни вѣроломство Туре Янзона, не могли уже поколебать короны, кошорою обязанъ я заслугамъ, и кошорую доселѣ споль же доспойно несъ, какъ и принималъ ее.

Вы Шведы; я спарь — жестокимъ никогда не бываалъ, да и смерть вскорѣ сняла бы съ васъ бремя моего неблаговоленія. Говорице, если хоша что нибудь сказано мною несправедливо!“

Всѣ въ почтительномъ безмолвіи взирали на стараго героя, испощеннаго заботами и трудами, согбеннаго лѣшми, кошорый въ сіе мгновеніе выпрямился и спольлъ, какъ нѣкогда юношею, призывая къ яраженію своихъ воиновъ, и подобно небес-

ному огню, блиспало изъ глазъ его чувствво собсвенной силы и добродѣтели.

„И шакъ,“ говорилъ онъ далѣе: „знайше же: не оспроуміемъ школьныхъ мудрецовъ, не Любскимъ золошомъ, не опыннымъ мечемъ спарыхъ солдашь, не мужествомъ и великодушіемъ дворянства, не усердіемъ союзниковъ, не помощію кровнаго родства, спасена Швеція и основанъ престоль мой. Нѣтъ! эшо сдѣлано добродушіемъ Баннера, честностію Николая, великодушною преданностію Ивара Нельсона, состраданіемъ Имгарды, отважностію и благоразуміемъ Иоанна, благородствомъ Тролле и мужествомъ, преданностію моего грубаго, но славнаго народа. И для чего мнѣ молчашъ при эшихъ сѣдинахъ, и съ упомянутыми, гошовыми скоро смежинься глазами? Цѣлый народъ былъ сорокъ лѣтъ свидѣтелемъ моей жизни; я не захочу кончить ее неаппымъ хвасновствомъ. Да, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу. — “

Туть спарый Король возвелъ съ умиленіемъ глаза свои къ небу, и нѣсколько минушь безмолвствовала.

„Вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу писалъ я въ себѣ пошь царскій, доблестный духъ, кошорый въ юности подвизалъ меня

къ благороднымъ дѣламъ, въ зрѣломъ возрастѣ возложилъ съ честью корону на главу мою, и теперь, въ старости, крошко и радостно низводишь меня въ могилу. Онъ-то давалъ мнѣ мужество среди опасностей, твердость въ несчастіи, благоразуміе въ счастіи; онъ-то причаровывалъ друзей, гдѣ мнѣ грозила опасность, имъ основалась власть моя надъ сердцами, чрезъ него получалъ я вѣрныхъ слугъ, и даже враговъ моихъ обращалъ онъ на вспоможеніе мнѣ.

И такъ, Эрикъ, основывая власть свою не на золотѣ, спрегомомъ скупостию, не на храбрости, продажной щеславію и любостыжанію, не на высокой породѣ, которая уязвляется зависію и унижается эгоизмомъ, не на союзникахъ, которыхъ не любяшь вдаваться въ опасности, но не упускаешь пребывать себѣ награды, ниже на всеобщемъ восторгѣ и любви народа, котораго простоша поддаешься внушеніямъ хитрости проклинаешь сегодня то, что благословляла вчера! Въ тебя самомъ блескъ и сила твоей короны! Будь Королемъ твердостью духа и добродѣтелью. Тогда любовь и уваженіе соиздуть престола твоего, и никакая вражья сила не поколеблетъ его. Онъ высокаго всегда въ зависимости низкое, къ истинному ве-

личію прильплешься всякій охотно, и благо, во вѣки благо Царю, въ кошоромъ народъ почитаетъ лучшаго изъ мужей своихъ!»

Такъ говорилъ державный спарець, и сложа руки, возвелъ опять къ небу глаза свои; и долго оставался онъ погруженъ въ священную задумчивость, потомъ вдругъ поспѣшно поднялся и пошелъ твердою стопою, подобно юношѣ, въ свой ближній покой. Въ изумленіи взирали въ слѣдъ ему гости. Но лихорадка съ большею силою попрясла его. Уже не вставалъ онъ съ одра своего, и чрезъ нѣсколько дней заключилъ свое поприще.

2.

С В Ъ Т Ъ Г А Р Е М А (1).

(Изъ Томаса Мура.)

Кто не слыхалъ о долинѣ Кашемирской, о ея розахъ, предеснѣйшихъ въ міръ (2), ея храмахъ, прохладныхъ пещерахъ,

(1) Нурмагалъ, имя героини сей Повѣсти, значить Свѣтъ Гарема. Ея послѣ назвали Гургханъ, ш. е. Свѣтъ міра.

(2) Нѣжный цвѣтъ и опмѣнный запахъ Кашемирской розы вошли въ пословицу на Востоцкѣ. (Фортсберг.)

источникахъ, еполь же свѣшлхъ, какъ очи милыхъ красавицъ, которыя любяшь смопрѣшь на ихъ воды прозрачныя?

Пріятно видѣшь сію долину при закатѣ солнца, когда прекрасный, весенній вечеръ льещъ на озеро послѣдній свой свѣшь; пакъ юная супруга закраснѣетъ, бросивъ послѣдній взглядъ на зеркало, и пойдешъ широкими шагами къ ложу брачному.

Сквозь зелень деревъ видны разные храмы, и всякая вѣра освящаетъ сей часъ особымъ своимъ служеніемъ. Здѣсь слышишь набожный крикъ Муецына, раздающійся съ вершины минарета; шамъ — Магъ колеблеть свою кадильницу, наполненную благовоніями; далѣе — прелесная Баядерка потрясаетъ у Индійскаго жершвенника свой поясъ, низанный изъ колокольчиковъ, издающихъ сладосные звуки (3).

Прекрасна долина сія и въ часы ночи, когда блѣдный свѣшь луны шомно освѣчается на ея дворцахъ, садахъ и храмахъ, когда водопады блещуть, какъ падающія звѣзды, и умильная пѣснь соловья перерываешъ шумнымъ веселіемъ и рзвою пляс-

(3) „Она опоясала свое шѣло поясомъ изъ колокольчиковъ, которыя звенѣли, какъ восхитительная музыка.“ (Пѣснь Яйадевы).

кою молодыхъ любовниковъ, кои собираются подъ сводами деревъ, дышащихъ прохладою.

Люблю долину Кашемирскую и въ часъ разсвѣта, когда волшебная прелесъ луча утренняго открываешъ намъ съ каждымъ мигомъ новыя чудеса, когда верхи горъ, кровы зданій и свѣшлые источники, вдругъ выходя изъ мрачности, кажутся какъ бы пвореніемъ солнца. Геній аромашовъ пробуждаешъ вмѣстѣ съ денницею и вылеташъ изъ своего гарема цвѣшвовъ; непосоянный, игривый вѣтерокъ съ любовію лобзаетъ юныя осины, конхъ шрепещущій листъ плавно колеблеться (4). Воспкозъ загараешъ, какъ сердце юноши, отдающееся первымъ надеждамъ, и день, развивъ свое знамя свѣша, выходишь изъ великолѣпныхъ вращъ, образуемыхъ горами сей счастливой долины (5).

Но, освѣщенная ли слабыми лучами луны, или яркимъ блескомъ солнца, освѣженная ли рососою весеннею, или богатая сокро-

(4) Малые островки Кашемирскаго озера устланы кустарниками и широколиственными осинами. (Бернъ).

(5) Тукшъ-Сулиманъ, имя, которое Магомешане даютъ сей возвышенности, представляешъ надъ озеромъ половину огромныхъ воровъ. (Форстеръ).

вищами льша, — никогда долина Кашемирская не является столь прекрасною, какъ въ это счастливое время. Все въ ней любовь и свѣтъ: здѣсь покояшся въ день сладкимъ опдыхомъ; ночь проводишь въ забавяхъ. Улыбка оживляетъ всѣ лица, всѣ сердца предаются радости. . . нынѣ долина празднуетъ веселый праздникъ розъ (6). Удовольствія стекаются оповсюду, и сердца для нихъ раскрываются, какъ роза, шеперь цвѣтущая, роза сполнственная (7), когда она принимаетъ въ роскошную свою чашечку благовонную росу утра.

Насупилъ вечеръ и освѣжилъ серебряную поверхность озера, солнце скрыло жгущій свой ликъ за пальмами Барамульскими (8); юныя дѣвы начинали осматривать свои узорныя ложа, на которыхъ онѣ покоились во время зноя дневнаго, и сходились играть при свѣтѣ лунномъ. Онѣ бѣгали по долины подобно рою пчелъ, съ жужжаніемъ летающему по вышамъ Белы (9), когда

(6) Праздникъ розъ продолжается во все то время, когда онѣ въ цвѣту. (См. Pietro d'Halvalle).

(7) Гуль-сад-беркъ, сполнственная роза; кажется, это особый родъ. (*Узлей*).

(8) *Верге*.

(9) Мѣсто, упоминаемое въ Тузекъ-Джехангири,

шафранъ расцвѣтаетъ. Тысячи свѣспильниковъ мелькали по рощамъ и просѣкамъ оспрова; тысячи свѣсплыхъ лампъ горѣли на домахъ и минаретахъ; сады и пропники были освѣщены столь яркимъ свѣспомъ, что можно было видѣть малѣйшіе лепесточки розы, размешанные по землѣ. Въспъ юныя дѣвы и ихъ машери сняли покрывала; повсюду встрѣчаешь очи восхищительныя, и даже иногда такія лица, кои не осмѣливались бы показаться при дневномъ свѣспѣ, но шеперь мыслятъ нравиться въ сумракахъ ночи. Онѣ свободно гуляютъ, повспоря, что никогда праздникъ розъ не былъ такъ веселъ, никогда луна не разливала такого чистаго свѣспта, цвѣсны не блискали такими яркими красками, сами онѣ не были столь прекрасны. Онѣ удивляются обилію розъ; казалось, что роскошнѣйшіе цвѣспники принесли сюда лучшіе цвѣсны свои. Само озеро дышетъ благовоніями, подобно саду, опъ предеспныхъ цвѣспковъ, висящихъ надъ его водами, какъ будто бы дождь изъ цвѣспочныхъ гирляндъ упалъ съ неба.

Весело повспоряетъ эхо звуки бубновъ и мѣрный шумъ легкихъ шаговъ подъ нихъ

или въ запискахъ Джехангира. Въ сихъ же запискахъ говорится о шафрановыхъ постеляхъ.

пляшущихъ; муецыны поюшь пѣсни празднества на высокихъ галлерейхъ минарешовъ, восхитительные голоса ошвѣчаютъ имъ изъ ближняго гарема радостными зиралитами (10). Далѣ слышенъ громкій смѣхъ молодой Кашемирянки, которая взлетаетъ на шелковыхъ качеляхъ выше деревъ помранцовыхъ. Въ палаткахъ (11), стоящихъ по обѣимъ сторонамъ дорогъ, малыя дѣти, не боясь угрозъ наставника или махери, борются, бросаясь другъ на друга съ коврами розовыхъ. Какіе звуки несущи съ середины озера! Всѣ говорятъ тихо другъ съ другомъ на челнокахъ, скачущихъ по волнамъ при свѣтѣ лунномъ; мѣрное движеніе легкихъ весель мѣшается съ воздушнымъ роношомъ, слышимымъ по роцамъ и вокругъ острововъ; кажется, что сіи берега, подобно берегамъ Кашая, ошвѣчаютъ сладостными звуками лобзанію каждой волны (12).

(10) У женщинъ на Востоку, есть обыкновеніе, заставлятъ муецына пѣть на галлейхъ ближняго минареша, который для сего освѣщается; на пѣснь сію время отъ времени ошвѣчаютъ *зиралитомъ*, или веселымъ хоромъ. (*Буссеги*).

(11) „Во время праздника розъ, во всѣхъ мѣстахъ разбиваются палатки, и мы видѣли толпы мужчинъ, женщинъ и проч.“ (*Гербертъ*).

(12) Одинъ шаринный ишлокователь Шу-Кинга,

Но изъ всѣхъ сихъ звуковъ сладостнѣйшіе, какъ бы украдкою, срываючися съ люшины возлюбленнаго юноши, который знаешь всю силу люшины и вздоха въ сей часъ очарованій. Наслажденіе восхитительнѣйшее: быть подлѣ дѣвы любимой! Какое пріятное изступленіе чувствуешь, кто можешь, при таинственномъ свѣтѣ луны, передавать вздохи свои люши на тихомъ озерѣ, сиди рядомъ съ подругою сердца!

Если женщина можешь содѣлать для насъ безцѣннымъ уединеніе пустынное, то въ какой рай превращаетъ она долину Кашемирскую!

Такъ думалъ сынъ Акбаровъ (13), когда, удаляясь отъ власни, пышности и шоржествъ побѣдныхъ, пришелъ въ сію долину забывъ все свое величіе съ Свѣтомъ Гарема, юною Нурмагалъ. Свободный отъ всѣхъ суешъ дворскихъ, завоеватель бродилъ по берегамъ озера съ своею милою; вѣнки, которые она, рѣзвая, плела подъ сѣнями цвѣтущими, казались ему дороже вѣнца побѣд-

говоритъ, что древніе, замѣшивъ, что каждый прибой воды ошдавался въ скалахъ береговъ, какъ музыка, были восхищены сими звуками и взяли нѣсколько камней, изъ которыхъ они сдѣлали музыкальные инструменты. (*Грозье*).

(13) Джебхангиръ былъ сынъ великаго Акбара.

наго, и въ сердцѣ своемъ онъ опдалъ бы престолы міра за одну изъ кудрей, падавшихъ на прелестную, бѣлую грудь Сулшанши.

Есть красота, всегда одинаковая и всегда ослабляющая, которая, какъ продолжительное сіяніе дня лѣшняго, неизмѣняемое никакою тѣнью, никакою счастливою противоположностью, усыпляетъ любовь однообразиемъ своего блеска. Не сія красота разливала очарованія свои на лицѣ юной Нурмагалъ; но прелестъ всегда новая, которая, какъ лучъ, разгоняющій легкія тѣни осенія, никогда не останавливается въ своемъ равномъ своемъ разнообразіи, одушевляя попеременно уста, ланиты и взоры; мигучно скрываясь въ облакъ, и вдругъ потомъ блеснувъ, какъ тѣ мерцанія небесныя, которыми восхищаются любимца неба въ его снахъ пророческихъ.

Задумывалась ли Нурмагалъ? казалось, что сія прелестъ, драгоценный шалисманъ, была всегда напечатлѣна въ чертахъ лица ея; если веселость ея измѣнялась (и подъ самымъ благословеннымъ небомъ, легкіе Зефиры колеблютъ иногда цвѣты на ихъ шпателькахъ), неперѣливаемость Нурмагалъ, мигучій гнѣвъ ея, какъ бы пробуждали въ ней новыя красоты, подобно цвѣтамъ, раз-

ливающимъ пріятнѣйшій запахъ, когда въ шерокъ ихъ колышетъ. Предавалось ли сердце ея нѣжнымъ волненіямъ? Въ черныхъ глазахъ ея свѣтились небеса; огонь чувствуясь вырывался изъ сѣхъ глазъ, какъ святыя опроверженія выходящія изъ святилища храма; но веселость ея одушевлялась рѣзвостью и живостью, и вдругъ вылетала, какъ пшичка весенняя. Игривая, какъ Пери, когда ея кляпка опворена (14), Нурмагалъ могла бы однако жъ пльннть самаго мудреца умомъ своимъ. Наконецъ, улыбка, полная жизни, улыбка, внушенная любовью и крошостью, была выраженіемъ души ея; нельзя было загадать, что болѣе всего она украшала въ лицѣ красавицы? Такъ озеро спрушется въ кругахъ пріятныхъ и оживляется опять лучей солнца, когда легкій въ шерокъ пробѣжитъ по водамъ его зеркальнымъ.

Сими несравненными прелестями Нурмагалъ наложила оковы на гордаго побѣдителя Воспока. Сколь ни пышенъ былъ его

(14) Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, когда первые брали въ плѣнъ послѣднихъ, то заперали ихъ въ желѣзныя кляшки и привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнныхъ Пери прилежали съ ними повидаться и приносили имъ лучшія благовопія. (Ригардсонъ).

гаремъ, живой цвѣтникъ прекраснѣйшихъ цвѣтковь нашего шара (15), хотя сокровища, въ немъ заключавшіяся, самимъ Солиманомъ были бы предпочтены всѣмъ богатствамъ, несомымъ кораблями его опъ береговъ Офира, — но чья улыбка могла сравняться съ ея улыбкою? Юная Нурмагалъ была Свѣтъ Гарема.

Но что дѣлаешь она въ сію ночь радостей, когда удовольствіе — цѣль всѣхъ сердець? Гдѣ Султанша любимая, когда все, что блистаетъ здѣсь очамъ удивленнымъ, кажется обольстительною мечтою сна? Такъ! если бы кто пришелъ случайно въ эту счастливую ночь на долину Кашемирскую, шонъ почелъ бы себя перенесеннымъ въ *градъ утпхъ* (16) страны очарованій, кошорого дворцы и башни сложены изъ перловъ, свѣта дневнаго и цвѣтковь. Когда веселіе сзываетъ юныхъ красавиць, гдѣ же прекраснѣйшая скрыла грусть свою?

(15) На Малайскомъ языкѣ одно и то же слово значить цвѣтокъ и женщину.

(16) Столица Шидукіама, ш. е. *страны счастья*, (такъ называется одна область Королевства Джиннистана, или царства Фей). Столица сія есть городъ Алмазовъ. Амберабадъ — другой городъ Джиннистана.

Увы! какъ часто малѣйшая причина можетъ посясть раздоръ между нѣжными любовниками! Сердца, вопще искушаемыя свѣтломъ и еще крѣпче связанныя бѣдспіемъ, сердца, успоявшія въ волненіяхъ на бурномъ морѣ жизни, заблуждаются въ день пищины и счастья, подобно кораблямъ, поглощаемымъ волнами, когда небо ясно и безоблачно.

Что-то споль же легкое, какъ воздухъ, одно слово суровое, или худо исполкованное, короче одно дуновение, часто пошрясало любовь, непошрясенную дошоль порывами бури; слова, еще суровѣйшія, скоро довершаютъ разрывъ сердце, начатый съ одного слова. Очи забудушь шѣ нѣжные взоры, кошорыхъ они искали въ улыбающіеся дни первыхъ волненій любви, и голосъ пошряетъ шонъ сладосный звукъ, кошорый придавалъ сполько пріятности всему сказанному. Мало по малу очарованія любви исчезнушь, и сердца, шѣсно между собою связанныя, будутъ подобны облакамъ, силою разорваннымъ, или испочнику, игриво выбѣгающему изъ нѣдръ горы, какъ будшо бы волны его никогда не должны разлучишь; но еще не доснигъ онъ долины, а уже дѣлишь на многіе ручьи, кошорые вѣчно не сольюкся.

О вы, хотящiе удержатъ любовь! удерживайте ея въ цвѣтахъ изъ цвѣтшыхъ, такъ какъ она видима въ жилищѣ блаженствъ (17), не упускайте ни одного узла и не давайте ей владѣть крыльями: одинъ часъ, одна минута бѣгства, лишила бы ея перья половины ихъ блеска. Такъ птица небесная, вьющая гнѣзда въ дальнихъ спранахъ Восшока, блистаетъ крыльями, когда сидитъ на мѣшѣ, но летая, лишается своего блеска (18).

Такое легкое, но опасное несогласiе, мгомъ разрывающее цѣпи двухъ нѣжныхъ сердець, поселилось между Судшаномъ и его любезною: эшо одна пѣнь въ ясную погоду любви; но сіе малое облачко можетъ породить громъ. Таково облако, лежащее на сердцѣ Судшана и побудившее его изгнать ошь очей своихъ Свѣшь Гарема. Ошь сегошо, въ эту ночь счастливую, когда веселiя спеклись на лугахъ и въ рощахъ, когда каж-

(17) См. Описанiе Эроша Восточныхъ народовъ, опушаннаго цвѣточными гирляндами, въ книгѣ: *Les cérémonies religieuses des Orientaux, par Pieurt.*

(18) Между птицами Тонкина есть особаго рода щегленокъ, поющій такъ прiятно, что его назвали небесною птичкою. Когда онъ сидитъ, то крылья его кажутся составленными изъ множества яркихъ красокъ, но какъ скоро полетитъ, то сего блеска непримѣтно. (*Грозье*).

дое сердце нашло свое, — смѣнь Акбаровъ; унылъ и одинокъ, бродишь далеко ошь всѣхъ съ своею грустiю, подобно птицѣ Эракийской, ненаходящей мѣста къ успокоенiю (19). Напрасно являюся ему лица самыя милыя видныя, глаза самыя прелестныя, раждаемыя симъ земнымъ раемъ, — онъ не находитъ въ нихъ прелести; напрасно сіе жилище богато тысячами цвѣтшыхъ различныхъ: что нужды до нихъ соловью, когда между ними нѣтъ милой его розы (20)? Красавицы долины съ улыбкой и поклономъ подходятъ къ своему Государю; улыбка подруги его сердца дороже для него всѣхъ почестей мiра: онъ естъ звезда чпимая; а она небо, дающее сей звѣздѣ весь блескъ ея.

Ошь пого жъ, среди всей пышности, Нурмагалъ удаляется ошь праздниства и сидитъ одна въ своей ролицѣ; нѣтъ при ней другой подруги для ушѣшенiя, кромѣ дѣвы вдохновенной, чародѣйки Намуны. Мно-

(19) Эшихъ птицъ Восфорскихъ никогда не видывали сидящихъ; и потому Французы называютъ ихъ *отверженными душами* (*les âmes damnées*). (*Dalway*).

(20) „Предлагай соловью корзины цвѣтшыхъ и травъ благовонныхъ: эшо сердце вѣрное ничего не пожелаетъ, кромѣ сладкаго запаха — своей розы-любимицы.“ (*Джамми*).

гіе вѣки проходитьъ солнце по зламьмъ стезямъ неба, и никогда еще не видѣло оно румянаго лица ея, оживленнаго шакою свѣжешью и юношью; и даже, подобно какъ вздохъ западнаго вѣпра украшаетъ цвѣшокъ, на которьй онъ повѣшетъ, шакъ быстрое время, каженся, осмываетъ на бѣгу своемъ Намуну еще прекраснѣе: но въ улыбка ея видна какая-то тайная грусть, и когда она вѣщала о мірахъ невидимыхъ, изъ черныхъ очей ея выражался свѣтъ сподь чудный, чшо всѣ, ей внимавшіе, не сомнѣвались въ шомъ, чшо Намуна есть дочь геніевъ.

Она знала всѣ шалисманы и всѣ чары, ошъ великаго Маншры (21), сзывавшаго всѣхъ выпреннихъ духовъ воздуха, до зламьхъ камней Африканскихъ (22); кошорые кочевый Арабъ привязываетъ къ рукъ своей, дабы зашщипишься ошъ злыхъ козней Силпима (23). Какъ ни была она свыше людей, но знала, чего спѣишь лишиться милаго

(21) Сказываютъ, чшо она нашла великій Маншру, шалисманъ, давшій ей власть управлять спихіями и духами всѣхъ степеней. (*Вильфордъ*).

(22) Золотые камни Джинійскіе, кошорые, по причинѣ волшебной своей силы, Арабами названы *Езмил-Херре*. (*Джаксонъ*).

(23) Злой духъ, живущій въ лѣсахъ и принимающій видъ человека. (*Ригардсонъ*).

сердцу; она поклялась силою своей науки, найши очарованіе, кошорое возвратишь Нурмагалъ улыбки Селимовы (24).

Была ночь... Сквозь зеленую сѣнь, увѣчанную козелешвенникомъ, пьмы благовоной разливались ошъ сихъ растений, кошорья бодрешвують погда, когда другія спяшь. Такъ смиренные цвѣшки ясмина скрываютъ днемъ сладкій запахъ въ скромныхъ своихъ чашечкахъ; но едва солнце закашился, повѣряюшь сей скрышнний залогъ вѣшперкамъ, вкругъ нихъ порхающимъ.

Намуна воскликнула: „вошъ часъ, проливающій тайныя очарованія на мураву и на цвѣшы: шеперь можно сплесни възъ цвѣшочную, кошорая, бывъ положена на чело уснувшаго, явишь ему во снѣ каршины восхитительныя и виды чудесные. Таково очаровательное зрѣлище, коему дивяшся духи солнца, когда играюшь вечеромъ въ золотыхъ шашрахъ своихъ, пока сумракъ не изгладишь одно за другимъ ихъ жилищъ, сошпавленныхъ изъ лучей свѣша.

„Могу сплесни вѣнокъ изъ цвѣшовъ, на кошорыхъ луна покоила свое зыблющееся сіяніе. Сей вѣнокъ, носимый пою, кого лю-

(24) Селимъ, имя Дехангира до вѣшешья на престолъ.

бовь оставляетъ, сведешь съ небесъ какую нибудь Пери, или духа, коего душа соспавлена изъ запаха цвѣшовъ и вздоховъ любовниковъ, и копорый можешь ей сказашъ... „Вопшь“, вскричала Нурмагалъ съ неперпѣливостію: „вощъ шакой вънокъ, шы совьешь мнѣ въ эшу ночь;“ и не медля пустилась, какъ легкая серна, рвашъ цвѣшы, освященные лучами лунными и назначенные къ соспавленію сего вѣнка волшебнаго. Въ саду помъ расцвѣшали анемоны и *море золота* (25), водяныя лѣліи съ цвѣшками лазурными, и шѣ нѣжныя цвѣшы, копорые распускающя въ колчанѣ Камадевы (26): шамъ красовалась шубероза сребровидная, копорая въ садахъ Малайскихъ слывешъ *красавицей ночи* (27), пошому, что являешся въ благовоныхъ и убраншѣхъ, какъ юная супруга, когда солнце скроешся; амараншъ, украшающій чело дѣвъ, бродящихъ въ шѣ-

(25) Гемасагара, или *море золота*. Цвѣшы его самаго яркаго золошаго цвѣта. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(26) Сіе дерево (Нагацезара), ешь одно изъ прекрасѣйшихъ въ мірѣ, и пріятный запахъ его цвѣшовъ даешъ имъ мѣсто въ колчанѣ Камадевы, божка любви. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(27) *Polyanthes Tuberosa*. Малайцы называютъ шуберозу Сандаль-Маламъ, ш. е. *красавицей ногъ*. (*Пеннентъ*).

ниспыхъ рощахъ Замары (28); бѣлый цвѣшокъ луны, шакъ какъ онъ кажешся съ высокихъ скалъ Серендиба плаващеламъ, проходящимъ близъ оспрова, чтообъ обоняшь по въшру запахъ гвоздики; словомъ, ошь несравненной Амришы (29), дающей жителамъ небесъ свои плоды безмертія, до василька (30), колеблющаго благовоныя лисшы свои надъ гробницами и скромнаго розмарина (31), нѣшь распенія, нѣшь дерева, копорое бы не украсило сихъ садовъ. Юная Нурмагалъ наполнила свою корзинку лисшьями и цвѣшьями ихъ, и возвращаясь къ Намуяъ, высыпала на ея колѣна всѣ сіи богашешва долины.

(28) Жители Башшы, области оспрова Сунатры (коего древнее имя ешь Замара), вешущъ, когда у нихъ нѣшь войны, жизнь самую львивую. Цѣлый день они играють на особаго рода свирѣли, украся голову вѣнкомъ изъ цвѣшовъ, между коими первое мѣсто занимаешъ амараншъ. (*Марсденъ*).

(29) Самый пышный и красивый родъ ямбу, или *яблока розы*, называешся амриша, или безмертвный; Тибетскіе Теологи дають эшо же имя небесному дереву, носящему плодъ благовоный. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(30) Персидскій василекъ, называемый Байнанъ, вообще бываешъ сажаемъ на кладбищахъ.

(31) Розмаринъ и леванда находятяся изобильно въ великой степи. (*Recherches Asiaticques*).

Съ какимъ наслажденіемъ чародѣйка любовалась сими цвѣтками, окропленными тонкою рососо свѣжилъ! Взоръ ея выражалъ воспоргъ свѣше всѣхъ удовольствій чело-вѣческихъ; она почти въ изступленіи наклонилась на сіи цвѣты душистые и вли-вала ихъ запахъ, какъ будто бы смѣшала свою душу съ ихъ душою. И въ самомъ дѣль ихъ сладостное дыханіе подкрѣпляло ея жизнь чародѣйственную; ибо никто не видѣлъ, чтобъ она вкушала пищу смертныхъ, или подносила къ устамъ своимъ что нибудь земное, кромѣ росы утренняя.

Чародѣйка, внезапно вдохновенная, начала свои вохновенія; она спела вѣнокъ съ таинственнымъ искусствомъ и запѣла сіи слова:

„Я знаю, гдѣ обитають сны крыла-тые, летающіе вокругъ одра ночнаго. Мнѣ знакомы всѣ растенія, кои во время дня дають имъ приспанище въ сосудахъ, своихъ. Поспѣшимъ, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ. Завтра ни сновъ, ни цвѣтень уже не будетъ.

„Сонъ любви, посѣщающей каждую ночь дѣву спыдаливую, выходить изъ цвѣтка ле-миннаго, кошорый, подобно ей, изливаетъ душу свою въ сумракахъ ночи. Упѣшитель-ный сонъ надежды, летающей надъ челомъ

несчастлиаго, выходить изъ сребристаго цвѣтка миндалянаго, кошорому вѣшь без-лиственная служить опоромъ (32). Поспѣ-шимъ же, юная подруга, поспѣшимъ спле-сти нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣ-тень уже не будетъ.

„Сны, открывающіе очамъ спящата ослѣпительный блескъ рудъ подземныхъ, жи-вуть въ семь цвѣткѣ горномъ (33), кошорый золотитъ зубы дикаго оленя. Ужасные призраки, успрашающіе убійцу, вырывающ-ся изъ сего мрачнаго растенія... не до-прогивайся до него. Это Мандрагора, испу-скающая вопли, когда ее рвутъ во мракѣ ночи. Поспѣшимъ, юная подруга! поспѣ-шимъ сплести нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣтень уже не будетъ.

„Сонъ души, пертливо сносящей о-скорбленія и улыбающейся своимъ мучише-лямъ, находится въ разбитой корицѣ, ко-шорой онъ усиливаетъ благовоіе. Поспѣ-шимъ же, юная подруга, поспѣшимъ спле-сти нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣ-тень уже не будетъ!“

(32) Бѣлые цвѣты миндалянаго дерева выраста-ють на голыхъ вѣшвахъ. (*Гасселькентъ*).

(33) Трава горы Ливана, о кошорой говорятъ, будто бы она сообщаетъ желтый цвѣтъ зубамъ козь и другихъ животныхъ, ее съдающихъ.

Какъ скоро вънокъ былъ положенъ на голову Нурмагалъ, сонъ спустился на глаза ея, шакъ шихо, какъ пѣни въ ночь лѣшнюю. Въ шонъ же мигъ шиховѣйный въперокъ, шюль богатый сладостными звуками, какъ въшры, дующiе въ шапры Азаба (34), богашы благовонiями, прокрамса въ ея слухъ, подобно какъ раннiй Зѣфиръ ушра залетаешъ въ красивыя раковины моря Чернаго, въ коихъ сама любовь когда-то любила покоишья сномъ (35). Нѣкоторый духъ порхаешъ вокругъ ея, и кажешся смѣшенiемъ музыки и свѣша: шакъ лучезарны черны лица его, шакъ движенiе крыль его наполнешъ воздухъ сладкозвучiемъ. Въ минушу онъ запѣлъ сiн слова:

„Призванный чародѣйствомъ сего вѣнка, освященнаго сiянiемъ луны, я прилешѣлъ онъ сладкогласнаго источника Хиндары (36), жилища очаровательнаго, гдѣ я живу день

(34) Страна мирры, или ладона.

(35) Суевѣрiе, что божества языческiя жили иногда въ раковинахъ, было извѣстно и древнимъ Грекамъ, кои представляли юныхъ Перить обитавшими въ раковинахъ Чернаго моря. (*Вильфордъ*).

(36) Виснословный источникъ, въ кошоромъ, по словамъ Восточныхъ язычниковъ, музыкальные инструменшы безирешанно играющъ. (*Ригардсонъ*).

и ночь при звукахъ музыки. Люшны шамъ раздаюшся въ воздухъ, голоса поюшъ онъ зари ушренной до зари вечерней, шамъ каждый вздохъ вырывается въ звукахъ сладостныхъ. Я прилешѣлъ изъ моего жилища очаровательнаго, и если гармонiя имѣешъ силу волшебную, шо, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, любезный швой снова будешъ вздыхашъ у ногъ швоихъ.

„Я внушаю пѣснь шихую и звуки умиращющiе, кои падаюшъ шюль же легко, какъ снѣгъ на море, и скоро исчезаюшъ въ сердцѣ; я сосшавляю шѣ шпрасшныя переливы, кошорые глубоко закрадываюшся въ душу, ими волнуемую, подобно какъ въперокъ, наполненный благовонiями, сообщашъ прiятный свой запахъ волнѣ, имъ движимой.

„Мнѣ принадлежишъ шанисшвенное очарованiе, коему повинуюшся духи блаженсшва минувшаго. Едва раздаешся звучный мой шамлеманъ — они спекаюшся и слешаюшся вокругъ, какъ гени; я изобрѣлъ нѣжныя пѣсни, навѣвающiя онъ души въ душу желанiя любви, подобно шой пшщцѣ, кошорая разносишъ въ долинахъ воздушныхъ сѣмена кошоры онъ одной рошцы въ другую (37).

(37) Голубъ Помпадуръ (*Pompadour*) разносишъ въ разныя мѣшса плоды коричневаго дерева, и чрезъ

„Я совокупаю въ сладостной мѣрѣ прошедшее, настоящее и будущее счастья, когда память связываетъ звукъ исчезнувшей съ звукомъ, еще слышимымъ, когда опъ одной ношы восхищительной, надежда перепархиваетъ къ другой, еще восхищительнѣйшей и близкой ношѣ.

„Сердце война, когда я привожу его въ умиленіе, дѣлаешь споль же мягкимъ, какъ бѣлое перо его, за минушу гордо сіявшее среди бипвы... и колеблющееся опъ легкаго дуновения! Но какъ блистають очи юной дѣвы, когда музыка льется въ ея душу, подобную молчаливымъ свѣщамъ, внемлющимъ вѣчную гармонию небесъ!

„Я прилетѣлъ сюда изъ своего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣетъ силу волшебную, — шо, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, — любезный швой сно ва будешь вздыхать у ногъ швоихъ.“

Заря является... или по крайней мѣрѣ та заря преждевременная (38), кошорой свѣтъ вдругъ исчезаетъ, какъ будто бы

шо весьма способствующъ размноженію сего драгоценнаго растѣнія. (См. *Поясненія Брауна*).

(38) У Восточныхъ жителей двѣ зари: *Субхи-казымъ* и *Субхи-садингъ*, ш. е. ложный и настоящий разсвѣтъ. (*Варингъ*).

день проснувшійся снова закрывъ блестящія свои вѣжды.

Уже Нурмагаль испытываетъ чудесную свою люшну, — и, о счастье! спруны ея звучать, какъ гармоническія крылья сего генія воздушнаго... а голосъ ея!... Это голосъ не смершной: никогда уша жены не издавали споль пѣвительныхъ звуковъ; вздохи Ангеловъ не могутъ быть сладостнѣе. „Ахъ! пусть Селимъ услышитъ меня въ эту ночь,“ вскричала она: — „и тогда спанешь меня любишь болѣе прежняго!“ И съ часу на часъ повторяетъ она свои пѣсни, боясь, чтооь онъ не потерял до вечера своей сладости; что споль прелестно, шо не долговременно! Но пѣсни не ослабѣвали: онъ спановились еще восхищительнѣе; и Нурмагаль, въ восторгъ, безпрестанно вопрошаетъ каждую спруну своей люшны и прислушивается къ переливамъ своего голоса, подобно эху, влюбленному въ собственныя пѣсни.

Вечеръ наступаетъ; Султанъ учреждаетъ пиршество въ великолѣпномъ своемъ шалимарѣ, надѣясь, что веселіе, музыка и пѣвнщійся кубокъ помогутъ ему изгнать изъ сердца призракъ любви.

Едва первая звѣзда ночи освѣтила прелещущимъ лучемъ своимъ воды озера, юныя

дѣвы долины спекались въ черпоги свѣтлые. Одиѣ, вѣрныя родной землѣ своей, никогда еще не оставляли шѣхъ мѣстѣ очаровательныхъ, гдѣ онѣ мелькають сквозь чащу деревьевъ, какъ Нимфы воздушныя по берегамъ источниковъ красоны (39); другія часто говорящія: „просни!“ снѣжмъ долины (и для чего бы разлучаться съ сими мѣстами прелестными?); бродя, какъ пѣвцы Европы (40), онѣ повшоряють въ садахъ полуденныхъ (41) пѣсни, коимъ ѣспа Кашемирянокъ придають шакую сладость. Здѣсь видны также Одалиски гарема, юныя, златовласыя дѣвы Запада и дѣвы садовъ Нила, румяныя, какъ розы береговъ его (42); дѣвы любви, пришедшія съ ушесовъ Кипра и украшающія свои

(39) Болѣе всего дѣлаешь извѣстными источники долины мысля, что Кашемирянки водамъ ихъ одолжены свою красосою и свѣжестью. (*Али-Лезди*).

(40) Трубадуры.

(41) „Я получилъ отъ него эшошъ малый *Газзелъ*, или пѣснь любви, коего онъ начерталъ ношы, слушая одну изъ пѣвицъ Кашемирскихъ, спрансвующихъ по разнымъ краямъ Индіи.“ (*Слѣсь Персидскихъ Стихотвореній*).

(42) Розы *Джинанъ-Нила*, или сада Нильскаго (во дворцѣ Марокскаго Императора), не имѣють себѣ подобныхъ; изъ листовъ ихъ дѣлають подушки для знатныхъ людей. (*Джаксонъ*).

волосы алмазами Пафоса (43); сіи Нимфы съ легкимъ, воздушнымъ спаномъ, которыя топчуть ногами своими золотистые луга Кандагарскіе (44), и шѣ, кои съ нѣгою распростершись въ роцахъ Кашая, сморяють на летающіе вкругъ ихъ рои бабочекъ (45), что глазамъ красавицъ кажется, будто бы всѣ цвѣты сихъ улыбающихся луговъ вдругъ получили жизнь и крылья какимъ-то чуднымъ очарованіемъ. Всѣ красавицы Востока и Запада спекаются въ черпоги Султановы, всѣ... кромѣ тебя, Нурмагалъ! Тебя, прелестнѣйшая, чьей улыбки одной доселѣ искали, чей взоръ, среди сполькихъ прелестныхъ очей, былъ какъ сіе свѣтило, на которое пловець сморитъ среди звѣзднаго

(43) Въ Пафосѣ есть гора, въ коей находишь самый лучшій горный или восточный хрусталь. По блеску своему, онъ названъ Пафосскимъ брилліантомъ.

(44) Въ Кандагарѣ есть страна, называемая Перія, или страна волшебствъ (*Thévenot*); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, на сѣверъ, полагають, что находишь золото въ царствѣ растений.

(45) Есть бабочки, называемыя по-Китайски *летугими листками*. Нѣкоторыя изъ сихъ насѣкомыхъ имѣють столь богато испещренныя крылышки, что ихъ можно бы назвать *летугими цвѣтками*. Ихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много въ самыхъ лучшихъ садахъ.

неба, себя здесь нѣтъ! Селимъ это замѣчаетъ — и для него нѣтъ веселія, потому что себя съ нимъ нѣтъ! Но ты близъ него: ты пришла испытать силу своихъ волшебныхъ звуковъ. Нурмагалъ вмѣшалась въ подпу юныхъ дѣвъ, кои, подобно ей, имѣють люпну сладкогласную; она скрывается подъ личиною (46), кошорая облекаетъ лица дѣвъ Аравіи, не скрывая только ихъ очей, дабы шѣмъ вѣрите плѣняятъ сердца. Она бродитъ по чершогу; сердце ея сильно бьется; она пренецетъ, ожидая благоприятной минуты, въ кошорую можешь узнать, еще ли ея люпня любимая сохранила свою силу волшебную?

Различные плоды и вина покрыли столы роскошныя. Взоръ любуется золотыми гроздами, подобными шѣмъ, кои зрѣють на холмахъ Касбинскихъ (47), сочными гранатами и яблоками, кошорыя Кабуль раждаетъ въ штысячъ садовъ своихъ (48), бана-

(46) Женщины Аравійскія носятъ черныя маски съ небольшими, весьма красивыми прядками. (*Карперн*). Нибуръ упоминаетъ о сей модѣ, говоря съ кѣмъ нибудъ, показывая одинъ только глазъ.

(47) *Золотыя грозды Касбинскіе*. (*Описание Персій*).

(48) Плоды, вывозимые изъ Королевства Кабульскаго, суть: яблоки, груши, гранаты и проч. (*Эль-*

нами зелеными и бананами златоцвѣтными, мангустанами, нектаромъ Малайцевъ (49), сливами Бухарскими, сладкимъ миндалемъ опдаленныхъ лѣсовъ Самаркандскихъ, финиками Баскайскими и абрикосами Изранскими, плодами солнца (50). Не были забыты и сласти изъ плодовъ Висны (51), цвѣтновъ померанцевыхъ и малины, кошорою питаются юныя серны въ каменистыхъ долинахъ Эрака (52). Сіи разныя сласти разспавлены въ драгоценныхъ сосудахъ, въ корзинахъ изъ сандалнаго дерева и въ фарфо-

финстонъ). „Мы съли подъ деревомъ, слушали пѣніе птицъ и разговаривали объ отечествѣ нашемъ и о Кабуль, съ сыномъ нашего Мехмандара: онъ весьма пріятно занималъ насъ описаніемъ города и ста штысячъ садовъ его.“ (*Тамъ же*).

(49) Мангустанъ есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ плодъ, коимъ гордятся островитяне Молукскіе. (*Марсденъ*).

(50) Абрикосъ опмѣннаго вкуса, называемый *Токмъ-экъ-шексъ*, ш. е. *сѣмя солнца*. (*Описание Персій*).

(51) Конфекты, состоявшіе въ вареньяхъ изъ розы, вишень, померанцевъ и проч. (*Русселъ*).

(52) Моаллакаты, Поэма Турафы (*Прим. Подл.*)— *Моаллакаты* зовется вообще нѣкошорый родъ Поэмъ воспочныхъ, какъ напр. недавно переведенная на Русскій языкъ, Моаллака Лебида. (*Прим. Изд.*)

ровыхъ вазахъ, добываемыхъ съ острова (53), поглощеннаго волнами Океана Индійскаго, гдѣ счастливый плавашель нерѣдко съски-
ваешь сосуды, досшойные украшашь чершо-
ги Царей. Въ свѣтломъ хрусталѣ пѣвились
разноцвѣтныя вина всѣхъ спирнъ; амбра
Боссоди (54), бѣлая роса, выжимаемая изъ
винограда Зеленаго Моря (55), и роскошный
напишокъ Ширасскій, кошорый кажется
безцѣннымъ рубиномъ Владѣтели Цейлан-
скаго, распаявшимъ въ кубкъ (56).

Седимъ надѣмся упоишишь свое сердце
въ сихъ винахъ драгоцѣнныхъ, и изгнашь
любовь; онъ не знаешь, что сей малый бо-
жокъ умѣешь плавать по влагѣ чаши весе-
лія и блиснать изъ нее своей улыбкой, по-
добно тому, какъ Поэмы видяшь его въ
мечтахъ своихъ, скачущаго по лазоревымъ

(53) Маури-га-сима, островъ близъ Формозы, по-
глощенный волнами за пресупленія своихъ жише-
лей. Вазы, досшаваемыя здѣсь рыбаками и водолаза-
ми, продаются весьма дорого въ Китаѣ и Японіи.

(54) См. *Персидскія сказки*.

(55) Бѣлое вино Кншмы.

(56) Король Цейланскій, говоряшь, имѣешь пре-
краснѣйшій въ мірѣ рубинъ. Гублай-Ханъ предлагалъ
ему взамиъ за оный цѣну цѣлаго города; но Король
отвѣчалъ, что не уступишь его за всѣ сокровища
свѣта. (*Маріасола*).

волнамъ Ганга, въ гирляндѣ изъ цвѣтновъ ро-
зоваго лотоса (57) и заемлющаго новый
блескъ опть рѣки, въ кошорой отражается
видъ его.

Но что въ чашахъ веселія, безъ пѣсней,
коиши возбуждается вдохновеніе нексара,
изъ нихъ лющагося? Юная Грузинка вы-
спунаешь: въ ней видится весь блескъ, вся
свѣжестъ дѣвъ ея родины, когда онъ выхо-
дитъ изъ ручьевъ Тифлисскихъ (58); черные
глаза ея мещущъ жгушіе взгляды; пустьъ
потъ, у кого сердце слабо, молишь небо,
навсегда опдалаишь опть него сіи взгля-
ды обольстительныя! Роскошно стигаешь
она руку свою вокругъ сиринды (59), и
поеть сію пѣснь:

„Спекайшесь, спекайшесь оповсюду:
днемъ и ночью всѣ удовольствія попереми-
но маняшь васъ сюда; подобно волнамъ въ
пихую погоду, едва одно убѣжишь — дру-
гое вслѣдъ за нимъ являенся; любовь исче-
зающая рождаетъ другую любовь, споль же
счастливаю; и когда естъ жилище утѣхъ
на землѣ, шо оно здѣсь!

(57) Индѣйцы полагаюшь, что Купидона видѣиъ
плывущаго по Гангу, въ цвѣткѣ *Nymphaea Nelumbo*
(*Пеннентъ*).

(58) Тифлисъ славится своими теплыми водами.

(59) Сиринда, Индѣйская гитаря.

„Здѣсь юныя дѣвы вздыхають, и вздохи ихъ благовонны, какъ цвѣтъ Амры, раскрытый пчелою (60). Слезы ихъ столь же драгоценны, какъ сей дождь небесный, который упавъ на море, пошчасъ превращается въ перлы (61).

„Что же должны быть поцѣлуи и улыбки, когда вздохи и слезы такъ восхищительны? Когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!

„Здѣсь пѣнится влага, кошорая, будучи любовью прешворена въ пишіе боговъ, созвала некогда съ круговъ надзвѣздныхъ шѣхъ духовъ, кои забыли источники райскіе для сока нашихъ лозъ, и свѣтла дня и ночи для глазъ нашихъ земныхъ красавицъ (62). Какой духъ оставилъ бы свое обиталище, если бѣ наслаждался шамъ благовоннымъ пишіемъ нашихъ кубковъ? Такъ! когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Едва пѣснь Грузинки умолкла, пошъ же напѣвъ, шѣ же звуки были повпорены дру-

(60) „Сладостны цвѣты Амры, вокругъ конхъ жуждашь пчелы.“ (*Письмъ Яйадевы*).

(61) Низавъ или весенняя роса, изъ кошорой, по мнѣнію восточныхъ жителей, происходитъ жемчугъ, если она падаетъ въ раковины. (*Риардсонъ*).

(62) См. Марипци, о паденіи духовъ.

гою люшиною, кошорой восхищительные переливы вмигъ очаровали внимательное удивленіе; всѣ подняли глаза къ верху, думая, что слышашъ сладкозвучное препенаніе крыль Исразила (63). Голосъ, столь же сладостный, какъ и звуки спруицъ волшебной люшины, соединилъ пѣніе свое съ музыкой столь спройно, что слушающіе не знали, чему отдашь предпочтеніе: люши, или голосу?

„Есть блаженство свыше того, кошорое воспѣно дѣвою: небесный союзъ двухъ сердецъ, вѣрныхъ, вопреки всѣмъ испытаніямъ бѣдшвей... вѣрныхъ до гроба! Одинъ часъ такой любви дороже вѣковъ равнодушія. Такъ, когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Не напѣвъ и не слова, но прелестъ волшебная придавала чудесную силу люши и голосу. Ошовсюду раздася кликъ: „Это дѣва Аравійская, скрывающаяся подъ личиною!“ Седимъ долѣ всѣхъ оставался въ восхищеніи, подобно изсупленному: воспоргъ мѣшалъ ему говорить; онъ подавъ рукой знакъ пѣвицы, и она продолжала.

„Убѣжимъ вмѣстѣ въ пустыню; приди, убѣжимъ вмѣстѣ! Аравійскіе шаптры наши

(63) Ангель музыки, по Миеологіи Магомешанъ.

дадушъ шебѣ убѣжище простое; но какое сердце будетъ нерѣшимо между любовью въ шашрѣ и престоломъ безъ любви?

„Скалы наши обнажены, но улыбающаяся акація колеблетъ шамъ желшья свои верхушки: это уединенное дерево пѣмъ прелеснѣе, чшо цвѣшетъ въ пуспныѣ.

„Пески наши безплодны, но игривая, среброногая серна скачетъ шамъ споль же пріятно, какъ бы по мраморнымъ помостамъ чертоговъ Царскихъ.

„Приди! юная Аравиянка будетъ для тебя пуспынною, милою акаціей; она будетъ серною, копорой легкіе шаги придадутъ прелеснь безмолвію швоего уединенія.

„Есть звуки голоса, есть взоры, разливающие мгновенно въ сердцахъ ясность, какъ будшо мы полько чшо нашли сокровище, всю жизнь нами искомое.

„Уша и очи, копорымъ суждено заглушить всѣ наши вздохи и не бышь никогда забышми, шакъ являющія нашей любви.

„Твой взглядъ, швой голосъ пдѣнили мое сердце, когда я впервые тебя увидѣла! Я не знала тебя, какъ пришельца изъ другаго міра, но, казалось, я давно уже тебя любила.

„Убѣжимъ вмѣстѣ... если ты не горѣшь еще другою любовью, если ты не оп-

бросилъ коварно драгоценнаго камня, копорый клялся вѣчно носить на швоемъ сердцѣ. Приди, если любовь швая ко мнѣ споль же числа, какъ моя любовь, если она шакова, какъ подземный ключъ, находимый луговою пшицею (64).

„Но если ты покидаешь для меня другую, если ты измѣняешь взору милому и даешь мнѣ его мѣсто въ невѣрномъ швоемъ сердцѣ... шо прощай! скорѣ рѣшусь сползти на льду озера, когда весеннее солнце согрѣваетъ его своими лучами, нежели вѣрнись лживой любви швоей.“

Спихи сіи были исполнены споль милой простоты, чшо, даже и безъ помощи чародѣйки, они бы взволновали сердце Селимово; шо какъ онъ могъ успоить пропавшій звукъ, невѣдомыхъ дошоль смертныхъ? Каждая струна люшны Нурмагалъ двигалась геніемъ гармоніи; Селимъ былъ побѣжденъ! Онъ вздрогнулъ, уронилъ чашу, копорая, во время сего сладоспнаго пѣнія, оспадалась какъ бы сплою волшебства въ рукахъ его, недвижныхъ и гошovýchъ поднесши ее къ ушамъ. Онъ проговорилъ на-

(64) *Гуд-гудъ* или пеголица (vanneau), по мнѣнію восточныхъ жителей, находишь подземные источники.

конецъ имя шой, кошорой споль долго не видѣль, и вскрикнулъ въ восторгъ: „Нурмагалъ! Нурмагалъ! я ушупаю всевластнымъ швоимъ звукамъ! я забываю все... я швой на вѣки!“

Она снимаешь личину... она побѣдила, и Селимъ прижимаетъ къ сердцу свою Нурмагалъ, Свѣшь Гарема, кошорую румянецъ спыдливости еще болѣе украшаетъ! Облака, опуманивавшія чело ея, разсѣялись; очи ея блистають новымъ блескомъ, улыбка ея полна новой прелести. Наконецъ, счастливая, она поконшь свою голову на рукъ Селима, и шихо шепчетъ ему съ любовью: „помни праздникъ розъ!“

II.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРИИ.

(Продолженіе.)

Періодъ шестой.

Силезскія войны и послѣдующія до 1792 года.

Съ самаго изобрѣшенія пороха, никакое военное происшествіе не ошмчалось шакимъ

ми необычайными успѣхами, какъ войны Фридерика II съ Авспрійскимъ Домомъ и съ его союзниками. Съ превосходною арміею и въ союзъ съ Франціею и Саксоніею, возсчалъ онъ въ первой Селезской войнѣ, чшобы учиться побѣждать у Леопольда Дессаускаго; вскорѣ оставили его союзники, и шогда онъ одинъ въ шрешней Селезской войнѣ ошалея неуспрашимымъ. Его военный глазомѣръ, быспроша движенія его войскъ, ихъ энпузіазмъ имѣшь полководцемъ самого Короля, даровали ему послѣ кровопролитной семилѣтней брани, лавры его враговъ. Войны сіи, можно рѣшительно сказашъ, перемѣнили весь образъ войны, и даровали ему шо совершенношво, кошорому мы нынѣ удивляемся.

Уже въ предъидущемъ періодѣ шяжелая артиллерія была совершенно оставлена; въ семь же періодъ не раздѣляли уже болѣе орудія на каршауны и шланги, но на легкую или полевую, и башарейную. Къ первой причислялись орудія 6-ши, 9-ши и 12-фуншовыя, а къ послѣдней все шяжелые калибры до 24 фуншовыхъ. Тенерь шолько увидѣли всю важность Артиллеріи для приобрѣшенія побѣды; для сего Фридерикъ II, по примѣру Русекихъ, увеличилъ свою Артиллерію; но какъ такая великая Артиллерія могла бы затруднить быспрыя движенія его

войска, по оны облегчили ее и дали ей лучшей и сообразнейшей видъ. Первое облегчение Прусской Артиллеріи было сдѣлано Полковникомъ Гольцманомъ въ первой Силезской войнѣ, копорый и пушкамъ далъ шарообразныя каморы. Прусскія орудія находились въ сѣдующемъ отношеніи между собою:

12 ф. длина 18 діаметровъ ядра. вѣсъ	2092 ф.
12 — 14	1781
12 — 14	780
6 — 16	668
3 — 15	472

Но послѣ Губертсбургскаго мира, Артиллерія получила опять нѣкоторую тяжесть и величину, а именно:

Калибр.	Длина оруд. по калибр.	Вѣсъ по фунту.
12 ф. большія	22	3100
12 — среднія	18	1980
12 — малыя	14	1150
6 — большія	22	1500
6 — малыя	18	910
3 —	20	600

Главные непріятели Пруссіи, еще болѣе облегчили Артиллерію и увеличили почти до безконечности количество ея орудій, — Князь Венцель Лихтенштейнъ определялъ дѣливу всѣхъ орудій въ 16 калибровъ: 12 ф.

вѣсело 1500 ф., 6 фун., орудіе оны 650—790, а 3 фунт. до 480 фунт. Другія Государства еще болѣе сдѣлали на счетъ облегченія орудій.

Прусская и Австрійская Артиллерія были такъ легки, что оны въ движеніи своемъ никогда не оспанавливали прочіихъ войскъ и всегда приготавливали и довершали побѣду. Французскій Маршалъ Броглю спарался подражать ему; оны спарался облегчить орудія и сдѣлать ихъ чрезъ то способными къ быспрымъ движеніямъ. Наконецъ явился во Франціи славный *Грибоваль*. Людовикъ XV, призвавъ его обратно изъ Австрійской службы, повелѣлъ ему произвести реформу во Французской Артиллеріи и опровергнуть древнюю систему Валліера. Опыты были сдѣланы въ Спрасбургѣ, въ присуществіи многихъ Маршаловъ Франціи и Артиллерійскихъ офицеровъ; они были удачны и Грибоваль увѣчался успѣхомъ. Новая система имѣла многихъ прошивниковъ, между копорыми знаменитѣйшій былъ Валліерь, спорившій до самой своей смерти о превосходствѣ тяжелой Артиллеріи; ему послѣдовали Сп. Обанъ и Дибигешъ, и въ самомъ дѣлѣ, при спараніи Военнаго Министра Моншенарда, они имѣли радость въ 1772 году, видѣвъ возстановленіе древней

пязелой Артиллеріи, но сія ихъ радость не долго продолжилась; Людовикъ XV совзвалъ Военный Совѣтъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Грибоваловой Артиллеріи. Вскорѣ Сардинская, Испанская и Неаполитанская Артиллеріи приняли видъ Французской, и быстро помчались къ совершенству. Графъ Шомбургъ - Линне - Биксбургской преобразовалъ Португальскую Артиллерію.

Къ сему же времени относително изобрѣшеніе *единороговъ* Графомъ Шуваловымъ; это орудіе было нѣчто среднее между пушкою и гаубицею: оръ пераго оплмчался *единорогъ* своею каморою, и оръ послѣднихъ долгою сшвола. Единороги бросали пязелсти оръ 2 — 96 фунш., длина ихъ простиралась до 10 калибровъ, и не только годились они къ спръальбъ ядрами, но и къ спръальбъ карпечью и гранашами. Единороги, спръальвшіе ядрами въсомъ въ 96 фуншовъ, назывались *двойными*, шъ, кои въ 48 фунш. *простыми*, шъ же, кои бросали 12 фуншовое ядро, назывались *четверть-единорогами*. Хотя спръальба ихъ была дальняя, но за то невѣрная; 2 фуншовые единороги были единственнo назначены для драгуновъ и конныхъ гренадеровъ; для сего у лафешной оси находились еще двѣ негорловыя морширки, для спръальбы 3 фуншовыми гранашами.

Въ началѣ семилѣтней войны, изобрѣлъ Графъ Шуваловъ нѣкоторый родъ гаубиць, долго называвшихся по его имени. Онь оплмчались оръ прочихъ гаубиць шѣмъ, что напалы ихъ были вдвое шире прошивъ своей высомы, и что при дулѣ широша сія увеличивалась до 3 калибровъ съ двумя калибрами высомы. Все орудіе было высверлено воронкообразно, и длина его простиралась до 18 калибровъ; камора его была цилиндрическая. Орудіе сіе лежало на прочномъ полевомъ лафешѣ, снабженномъ клиномъ, на которомъ орудіе лежало казеннымъ фризомъ, и посредшвомъ кошораго можно возвышашъ и понижашъ сшволь орудія. Вѣроятно, для скрышія внушрешняго усшроенія, сшволь имѣлъ круглый видъ, и шѣмъ получалъ сверху и внизу чрезвычайную полшпощу мешалла, чрезъ что онь сдѣлался пязелымъ и неспособнымъ для форсированныхъ маршей. Сіе самое и малое ихъ дѣйствіе, было причиною жалобъ Генераловъ Салшыкова и Фермора на сіе орудіе, жалобъ, которыя изобрѣшатель, своими опытами, въ 1760 году, совершенно опровергнулъ.

Въ сіе же время Англичанинъ Каронъ, изобрѣлъ каморное орудіе, и назвалъ его *каронадою*: оно было сдѣлано изъ чугуна и

назначено единственно для нижних кораблей; бросало только ядра.

Къ сему времени публиковали Грибоваль и Моншаламбертъ свои лафеты, но важнее всехъ сихъ лафетовъ былъ лафетъ Англійскаго Поручика *Келера*. Высота Гибралтарской крѣпости не позволяла обыкновенными лафетами поражать непріятеля у подошвы горы; для сего Келеръ изобрѣлъ свой лафетъ, который можетъ быть возвышенъ на 20° надъ горизонтомъ и 70° подъ горизонтомъ.

И теоретическая часть пороха много сдѣлала успѣховъ; много ею занимался *Робинсъ*, примѣнивъ въ 1742 году прежнюю теорію воспламененія пороха къ самой Артиллеріи. Онъ и многіе другіе Математики: Мафей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбертъ, Ноллетъ и Антони занимались опредѣленіемъ количества силъ, происходящихъ отъ упругой пороховой жидкости. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣтіи распространили другой свѣтъ на сію важную часть Артиллеріи. *Сталь*, овецъ Германскихъ Химиковъ, выводилъ дѣйствіе пороха изъ соединенія чего-то *горючаго съ селитряною кислотою*. Сія система была долго принята, пока наконецъ не узнали присущствія газовъ, изъ коихъ върояшше и ближе изъяс-

няли дѣйствіе пороха. Уже *Маіовъ* въ XVII столѣтіи зналъ присущствіе чистаго воздуха въ селитрѣ; однако жъ только къ концу XVIII столѣтія, *Пристлей* доказалъ сіе опытами и наблюденіями, и теперь только поняшше было, почему порохъ горитъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Еще *Шеель*, въ 1776 году, не зная открытія Пристлея, публиковалъ о возрожденіи воздуха изъ селитры. Но полезше были опыты Ингенгуза, Фуркруа, Бертолетта и Ахарда въ отношеніи къ пороху: они спарались точнѣе опредѣлнше составныя части пороха. Ингенгузъ выводилъ дѣйствіе пороха изъ горючаго углекварнаго газа, и говорилъ, что изъ мгновеннаго смѣшенія горючаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селитряной кислоты, производнтся взрывъ и прескъ. — Явился безсмертный Лавуазье, мужъ незабвенный и невозвратимый, слишкомъ рано похищенный у человѣчества Французскою гильотиною (*); онъ уничтожилъ свою теорію всѣ гипотезы Сналя, и доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣтлонворъ и теплонворъ не отъ су-

(*) Онъ родился въ 1743 году 20 Августа въ Парижѣ, и невинно палъ подъ сѣкирою гильотины въ 1794 Мая 8.

щественныхъ частей пороха происходить, но отъ окружающаго ихъ воздуха; мнѣніе Лавуазье осталось между всѣми артиллеристами того времени. Теорія сія, по явному своему превосходству, должна была произвести и лучшій порохъ; пропорціи составныхъ частей пороха были различны, и каждое Государство имѣло свою особую, которую предпочитало всѣмъ другимъ; такъ, во Франціи думали, что сильнѣйшій порохъ долженъ состоять изъ 16 частей селитры, 3 частей угля и 1 части сѣры.

Такъ какъ доброта пороха зависитъ не только отъ хорошаго раздѣленія составныхъ частей, но и отъ надлежащаго смѣшенія, то и въ семь сподѣвнн обращали вниманіе свое на пороховыя мельницы. Хотя валовыя мельницы уже были извѣстны въ Германіи, но все таки еще пользовались полчевыми мельницами, отчасти потому, что механизмъ ихъ простъ и легокъ. Первая валовая мельница была построена въ 1754, въ Эссонѣ, по предложенію Фери; здѣсь двигаются на лежнѣ, у котораго діаметръ въ 8 фушовъ, два мраморные вала. Въ томъ же году, Карлъ Кнупсбергъ построилъ такую же мельницу въ Швеціи; только валы ея были деревянные съ желѣзными шинами.

Многочисленность Артиллеріи. Россіе не въ сіе время имѣли многочислѣннѣйшую артиллерію изъ 11 башалионовъ, а въ 1785 году, вся ихъ Артиллерія проспиралась до 34,000 чел. съ 5,500 крѣпостныхъ артиллеристовъ.

Прусская Артиллерія состояла, въ началѣ 18 столѣтія, изъ 10 ротъ артиллеристовъ, къ которымъ въ 1741 году были прибавлены еще 4. Король повелѣлъ въ семь періодъ прислугу полковой Артиллеріи брать изъ самыхъ полковъ. Въ 1762 году, Прусская Артиллерія состояла изъ 6 башалионовъ пѣшей Артиллеріи и 3-хъ ротъ конной.

Австрійская Артиллерія состояла въ семь періодъ изъ 12 башалионовъ. — Саксонская Артиллерія состояла изъ 1 башалиона. Въ 1747 году, Французская Артиллерія состояла изъ 5 башалионовъ, но въ 1774 году, проспиралась уже до 7 полковъ (они были слѣдующіе, и назывались по городамъ, гдѣ стояли: Лаферъ, Мецъ, Страсбургъ, Безансонъ, Озонь, Гренобль и Туль). Англійская Артиллерія состояла въ семь періодъ изъ 4 башалионовъ или 40 ротъ. Голландцы имѣли въ сіе время 20 ротъ артиллеристовъ съ 10 Шпабъ-офицерами. Неаполитанская Артиллерія состояла, въ 1787 году,

изъ 11 ротъ, или 2008 солдатъ. По устройству Графа Линне-Бюкенбургскаго, Португальская Артиллерія была раздѣлена на 3 полка (въ каждомъ полку находилось 989 чел.). Гессенская Артиллерія состояла изъ 1 баталіона и 2 ротъ полковой Артиллеріи. По словамъ Миллера, Датская Артиллерія состояла изъ 18 ротъ, Шведская, по оппечамъ Кокса, изъ 2900 артиллеристовъ.

Хотя уже прежде нѣсколько разъ удвоивали упряжь легкихъ орудій, и сажали находящихя при нихъ артиллеристовъ на лошадей, чтобы слѣдовать за быстрыми движеніями кавалеріи; но замѣшимъ, что все еще не было особеннаго отдѣленія Артиллеріи, долженствовавшаго всегда оставаться въ шакомъ видѣ и съ шакою цѣлю. Россіане первые драгуновъ своихъ снабдили единорогами и Кегорновыми морширками; сии единороги часто приводили Прусскую конницу въ замѣшательство; ибо случалось, что когда Пруссаки думали имѣть дѣло съ одними козаками и конными гренадерами, то вдругъ были встрѣчены каршечами и гранашами. И такъ мнѣніе, что Россіане имѣли при себѣ конную Артиллерію, вскорѣ подтвердилось, и тогда Фридерикъ II рѣшился подражать сему полезному изобрѣщенію. Уже весной 1759 года, Фридерикъ II устроилъ въ своей Ар-

міи башшарю конной Артиллеріи, которую онъ самъ обучалъ ежедневно. Повѣспвуюющъ, что онъ употребилъ ее въ первый разъ при рекогносцировкѣ въ Силезіи, и прикрывалъ ею очень удачно опспуленіе своихъ драгуновъ. Также во 2-й арміи (состоявшей подъ начальствомъ Принца Генриха) была въ 1760 году, въ Ландсбергскомъ лагерѣ, заведена башшаря конной Артиллеріи, слѣдовавшей всегда за драгунскимъ Линнахъ-Байрешскимъ полкомъ. Къ концу семилѣтней войны въ Прусской арміи, находилось 7 башшарей конной Артиллеріи. Въ каждой находилось по 8 легкихъ шести-фуншовыхъ пушекъ и двухъ семи-фуншовыхъ гаубиць. Въ 1780 году, и Австрійцы завели у себя конную Артиллерію, но ниаго устройства: Артиллерійцы сидѣли не на лошадяхъ, а на длинныхъ лафетахъ шести-фуншовыхъ орудій. Датчане, Ганноверцы, Виршенбергцы и Гессенцы подражали въ устройствѣ своей конной Артиллеріи Пруссакамъ, съ шѣмъ только различіемъ, что у Ганноверцевъ только половинное число артиллеристовъ сидѣло верхомъ, а прочіе сидѣли на лафетѣ и передкѣ. Хотя Русскіе и имѣли кавалерійскую Артиллерію при себѣ, но она еще не имѣла настоящаго своего предназначенія, быстрого занятія важныхъ позицій; она только слѣ-

довала за движеніями драгуновъ и конныхъ гренадеровъ. Покойный Императоръ Павелъ I, еще будучи Великимъ Княземъ, завелъ въ Россіи конную Артиллерію по образцу Прусской; большія услуги при семъ оказали Ему два Саксонскіе артиллериста *Гессе*. Генералъ Шрефъ дѣлалъ опыты въ семь періодъ надъ Ганноверскою конною Артиллерію, и нашелъ, что въ одну минуту она проскакала 300 шаговъ, сняла орудія съ передковъ и производила стрѣльбу. Въ три минуты, проскакала она 1100 шаговъ и стрѣляла. Въ $9\frac{1}{2}$ минутъ проскакала она 3500 шаговъ, а въ двадцать девъ 6000 шаговъ. Опыты сіи согласовались съ опытами Прусской конной Артиллеріи, болѣе другихъ опдичавшейся своею бѣспрохою.

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

III.

К Р И Т И К А

Замѣчанія на книгу: *Воинное Краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ Словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго. Сочиненіе Ординарнаго Профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Якова Толмагева. С. П. б. 1825, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д.*

Каждая Наука, согласно съ природою всего въ мірѣ существующаго, имѣешь свои неизмѣнные законы, уклоненіе оныхъ конхъ, даже самое малѣйшее, преняшпшуваетъ вѣрному оной познанію. Нельзя извинишь, когда самонадѣяность, немогущая постигнушь ихъ, принявъ на себя объясненіе ихъ другимъ, предлагаетъ свои произвольныя правила, не содержація въ себѣ ничего опредѣленнаго, а пошому и ни къ чему доброму не ведущія. Безъ сомнѣнія, предприимчивость сего рода была всегда и нынѣ есть причиною нареканій, каковымъ, къ прискорбію, подвержены нѣкоторыя Науки, и особенно, содержація, по природѣ своей, болѣе передъ другими отвлеченностей, и въ то же время, имѣющія наиболѣе отношеній

къ нравственной, благороднѣйшей половинѣ чловѣка. Сему-то надлежитъ приписать и несогласіе, видимое между разумомъ и вѣрою, долженствующими шествовать рука объ руку, въ небесномъ дружествѣ, и озаряя яркими лучами спези, которыми чловѣкъ долженъ избрать для себя. Онъ того большая часть Наукъ доселѣ оспаются недовольно развитыми, или обращаются въ первобытный свой хаосъ, изъ котораго извели ихъ мужи великіе. Есть Науки, въ коихъ, по обширности ихъ предмета, хотѣніе оспановишься на поспиженомъ, прекращеніе дальнѣйшихъ изслѣдованій, воспрещеніе себѣ открытія — означали бы ничтожную робость ума. Таковы Науки, углубляющіяся въ изслѣдованіе богатыхъ тайнъ природы физической. Однако и здѣсь посредственный умъ лусъ идетъ по пупи, проложенному дарованіями обширными. Не всякому дана сила шворить: славно и послѣдовать дѣламъ великихъ. Но не извинительно созидать новое и на удачу шамъ, гдѣ есть знанія прочныя, освященныя вѣками, уваженныя самыми геліями, испинно шворческими. Новость, сама по себѣ, никогда не составляла совершенства, никогда не подавала права на уваженіе. Худо, по сему, очень худо послунають наставники

юношества, когда, по желанію осплчиться новымъ, оспавляютъ неизмѣнныя, необходимыя законы Наукъ, и вдаются въ нелѣпости. Вотъ грустныя мысли, родившіяся во мнѣ, по проченіи книги — *Военное Красносельчѣ*, и побудившія меня сдѣлать на нее нѣкоторыя замѣчанія.

Господинъ Сочинитель, въ предисловіи своемъ къ первой части, говоритъ, что нѣкоторыя главы своей книги, извѣстныя слушателямъ его, онъ опускалъ во время преподаванія, но что, „издавая въ свѣтъ свое сочиненіе, желалъ издать полную систему, дабы, въ случаѣ нужды, не почли оной недоспапочною шѣ, которые думаютъ, что Военное Красносельчѣ есть только оспраель общей Словесности, и пошому должно быть основано на общихъ началахъ оной.“ — Причина, побуждавшая Г. Сочинителя къ изданію первой части его шворенія, содержащей въ себѣ общія начала Словесности, неудачно избрана и довольно неудачно выражена. Впрочемъ, не входя въ его побужденія, которые изъ его предисловія и угадашь шрудно, мы подвергаемъ и эту первую часть испытанію, какъ изданію для свѣта, какъ учебную книгу.

Достоинство системы и системы *полной*, каковою желалъ издать Г. Сочинитель

свое Военное Краснорѣчіе, сослонишь въ правильномъ изложеніи общихъ началъ Науки, въ вѣрномъ и естественномъ выводѣ изъ сихъ началъ каждаго подчиненнаго имъ понятія, въ ясномъ и опредѣленномъ предписаніи правилъ и въ показаніи безошибочнаго приложенія сихъ правилъ къ дѣйствіямъ — въ Наукахъ практическихъ. Избѣгая всего невразумительнаго, лишняго, не относящагося къ предмету, систематики не опускаешь ничего существеннаго въ Науку его, и поспавляешь все на своемъ мѣстѣ пакъ, чшобы читатель, ищущій наставленія, нигдѣ не впадалъ въ недоумѣніе и все легко уразумѣвалъ, при нужныхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ.

Г. Сочинитель Военнаго Краснорѣчія все это опустил изъ виду; и его твореніе пакъ сбивчиво, смутно, чшо молодой читатель едва ли, и при руководствѣ умнаго и опытнаго истолкователя, можешь изъ онаго вывести для себя чшо либо поучительное, полезное. Въ общихъ началахъ Словесности смѣшаны предметы, относящіеся къ шремъ отдѣльнымъ, хотя и близкимъ между собою, Наукамъ — Грамматикѣ, Логикѣ и Риторикѣ, а въ собственно пакъ называемомъ Военномъ Краснорѣчіи, съ правилами Риторики слишо Нравоученіе.

Такое смѣшеніе, само по себѣ, должно производить великую невразумительность; но читатель еще болѣе затрудняется, или, лучше сказать, ничего не познаешь, когда понятія различныхъ Наукъ, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ безъ связи и порядка, находишь или недоспащочно или ложно опредѣленными, или даже и вовсе оставленными безъ объясненія. Вотъ общій недостатокъ Военнаго Краснорѣчія; но каждая изъ многочисленныхъ главъ его имѣеть свои особенныя пѣжки погрѣшности, неизвинительныя въ учебной книгѣ. Покажемъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, обращая все вниманіе на мысли, и не касаясь языка.

Часть первая — Глава I. — Опредѣленіе Словесности въ разныхъ отношеніяхъ, и Риторики.

Здѣсь шесть періодовъ, и при изъ нихъ наполнены ложными или ошибочными мыслями. Г. Сочинитель, опредѣляя *Словесность* вообще, называешь ее „природною“, „способностію чловѣка изъяснять мысли“, „и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ (articulata)“ — Опредѣленіе ложное; ибо Словесность (Litteratura) означаешь то, чшо произнесено, или написано какимъ либо народомъ, или лицомъ, или иногда самый способъ выраженія мыслей посредшвомъ слова.

Такъ, говоря: *Словесность Грековъ и Римлянъ обнимала многіе предметы и во всемъ совершенна*, — разумѣемъ произведенія сихъ народовъ и качества произведений, а не природную способность, копорую приличіе называшъ *даромъ слова*. Народы дикіе не имѣютъ Словесности; но въ даръ слова опказать имъ не можно.

Ложно начало; нельзя ожидать върности и въ понятіяхъ, изъ него выводимыхъ. Недостаточное опредѣленіе Словесности, вообще произвело неудовлетворительность и въ объясненіяхъ *прозаической и стихотворной* Словесности. Кроме того, что каждая изъ нихъ осмается природною способностію, г. Сочинитель послѣднюю только подчиняетъ какимъ-то „единообразнымъ законамъ музыкальнаго лада,“ а первую заставляетъ слѣдовать „свободному и разнообразному звукошеченію.“ — Неужели только въ этомъ одномъ существенная разность между прозаическою и стихотворною Словесностію? По крайней мѣрѣ надлежало бы сказать, что сіи объясненія касаются одной наружной формы оныхъ.

Въ преніемъ періодъ нельзя не спросить, что такое — „обыкновенная способность, не имѣющая никакихъ отличительныхъ качествъ?“ Чѣмъ отличается *Словес-*

ность вообще отъ *Словесности въ обширномъ смыслѣ*? Гдѣ разность между сею послѣднею и прозаическою, когда и та и другая естъ „способность выражать свободною рѣчью мысли и чувствованія?“ Г. Сочинитель въ помѣ же періодѣ различаетъ *Краснорѣчіе* отъ *Вышійства*, назвавъ одно „искусствомъ выражать мысли и чувствованія ясно и красиво,“ — а другое „искусствомъ выражать оныя *сильно* и *убѣдительно*.“ — Но искусство говорить и писать *сильно* и *убѣдительно*, болѣе или меньше, все однако же прѣбуетъ отъ всѣхъ родовъ прозаическаго слога, въ извѣстныхъ случаяхъ; посему, кажется, раздѣленіе г. Сочинителя напрасно; или надлежало бы опредѣлительнѣе разграничить области сихъ искусствъ. О *Поэзій* не сказано ни слова. Если г. Сочинитель разумѣетъ ее въ опредѣленіи стихотворной Словесности, мы можемъ воскликнуть: бѣдная *Поэзій*! шы ограничена *единообразными законами музыкальнаго лада!* —

Глава II. — Предметъ Риторики и Науки, необходимыя для занимающихся *Краснорѣчіемъ*.

Г. Сочинитель, въ сей главѣ, называетъ Риторикую *системою* правилъ, *касающихся* *Краснорѣчія*, назвавъ ее, въ первой главѣ

(спран. 2), *Наукою, содержащею правила*, руководствующія къ *Краснорѣчию и Витійству*. Замѣшимъ, что *система* и *Наука* имѣютъ нѣкоторую разность, *содержать* и *касаться* — большую; въ одномъ мѣстѣ Ришорика наславляешь *одному* искусству, въ другомъ *двумъ*; чему же вѣришь? Опре- дѣленіе должно выражать одно и то же; ина- че умъ не возможешь вѣрно предсавляшь опредѣляемое. Не всякій шакже согласился съ г. Сочинителемъ, что Науки умозри- тельныя *особенно* полезны для занимающа- гося Словесностію: равно, ежели не болѣе, полезно для него и знаніе *Наукъ* практиче- скихъ. Теорія безъ практики — вещь пу- шная; и не сколько говориться объ общихъ свойствахъ предметовъ, сколько о част- ныхъ и особенныхъ качествахъ ихъ, дѣй- ствіяхъ и способахъ, коими они дѣйству- ютъ.

Глава III. Грамматики и другія средства къ познанію языка.

Описывая Грамматику, г. Сочинитель говоритъ: „Граммика содержитъ прави- ла, составленныя изъ наблюдений, относя- щихся къ языку одного какого либо наро- да или всего рода человѣческаго: въ пер- вомъ случаѣ Граммика называется *част- ною*, въ последнемъ *всеобщю* или *фило-*

софскою.“ — Что вѣрнаго можно вывести о Грамматику изъ сего описанія? Она *содержитъ правила, выведенныя изъ наблю- деній, относящихся къ языку народа*; но къ чему ведутъ сіи правила? Г. Сочини- тель увлекается случайными знаками пред- метовъ и опускаетъ существенныя; отъ этого его ученіе осмается невразумитель- нымъ. Трудно понять, что значатъ его *общая* и *частная* Грамматики; изъ пояс- неній, имъ сдѣланныхъ за шѣмъ — „*част- ная* Граммика занимается по болѣшей „*части* механическими свойствами языка, „а *всеобщая* логическими объясненіями она- „го“ — шакже не видно, въ чемъ состоятъ дѣло каждой. Что это за механическія свойства языка? Что шакое логическія объясненія онаго? — Не лучше ли было бы употребить старое, вѣстное опредѣленіе Науки, чѣмъ выдумывать новое, ничего не- показывающее? Почему раздѣлишь Грам- матику на *частную* и *философскую*, когда правила, касающіяся языка одного народа, могутъ быть шакже философскими, какъ и въ общей Грамматику? Можно философ- ствовать и о предметѣ единственномъ.

Далѣе, въ сей главѣ, показываются „*другія* средства,“ (которыхъ г. Сочини- тель не дозволяетъ отнести ни къ общей,

ни къ частной Грамматицѣ, ниже къ другой какой либо Наукѣ), „служащія къ объясненію языка въ разныхъ отношеніяхъ. „Сии средства суть: а) употребленіе, б) чтеніе классическихъ Писателей, с) переводъ, d) сочиненіе, e) этимологическое изслѣдованіе словъ, и f) логическое объясненіе оныхъ, основанное на историческомъ развитіи мыслей.“ — Средства полезныя; но г. Сочинитель не всё въ надлежащемъ свѣтѣ показываешь. Напримеръ: „ошь перевода иносстранныхъ Писателей мы познаемъ разныя свойства, обиліе и недостатки отечественнаго языка (спр. 7).“ — Какія же разныя свойства *своего* языка познаемъ изъ *иностранныхъ* Писателей? Какая польза происходитъ ошь познанія обилія и недостатковъ его? — Надлежало бы досказашъ. Говоря объ этимологическомъ изслѣдованіи языка (спр. 8), г. Сочинитель называетъ „кореннымъ словомъ то, ошь кошораго произошли другія слова чрезъ нарощеніе и перемѣну окончанія онаго.“ — Но шьми же способами могутъ бытъ производимы слова и ошь производныхъ рѣченій. Положимъ, наприм. ошь *коло* происходитъ, чрезъ нарощеніе, слово *около*. Слова: *окольность*, *окольный*, *окольныйй*, и проч., вѣрно происходятъ не непосредственно ошь *коло*, а

ошь *около*: и такъ, по опредѣленію кореннаго слова, сдѣланному г. Сочинителемъ Военнаго Краспорѣчія, — *около* и *окольный* также будутъ коренныя; ибо ошь перваго производился второе, а ошь сего *окольныйй* и проч.

Трудно также согласиться и съ Филологами г. Сочинителя въ томъ, что „корень слова состоитъ изъ одной или изъ двухъ согласныхъ буквъ,“ — когда неоспоримо, что слова коренныя имѣютъ значеніе и что они шворятся, въ нуждѣ, именно для выраженія новаго понятія. Но одною и двумя согласными буквами, кончорыхъ, безъ соединенія съ ними самогласной и произнести явственно невозможно, едва ли на какомъ либо языкѣ дикарей выражающія понятія. Кроме того, ошь какихъ согласныхъ буквъ произведетъ г. Сочинитель слова — *эй*, *ай*, *ау*, собственное имя *Ю* и проч.? —

Предположенія (спр. 10, 11, до 18) о томъ, какъ частіи рѣчи входили въ языкъ людей одна за другою, кажется, вовсе не служащія къ объясненію и познанію языковъ. По моему мнѣнію, г. Сочинитель лучше бь поступилъ, когда бы остановился на этимологическомъ изслѣдованіи языка, и показалъ съ большею, нежели какъ онъ то сдѣлалъ, основательностію перемѣны значе-

ня словъ, происходяція ошь присоединенія къ кореннымъ другимъ рѣченій и ошь измененія ихъ окончаній. Въ учебной книгѣ неумѣстное толкованье отвлекаешъ учащагося ошь существенныхъ предметовъ Науки.

Глава IV. Опредѣленіе Логики, понятія, сужденія, умозаключенія.

Г. Сочинишель на удачу опредѣляешъ и Логикку, и понятія, и сужденія, и умозаключенія.

„Логика естъ Наука, объясняющая правила, по которымъ умъ долженъ дѣйствовать.“ — Скудное опредѣленіе! Ибо скажущь: Логика прежде предписываетъ правила, попомъ уже объясняетъ ихъ. Спросяшь: на чемъ правила сей Науки основываются? Для чего же не сказать, что они основаны на самой познавательной способности, способности размышленія? — Припомъ Логика объемлетъ не одинъ умъ, а всѣ силы, составляющія способность размышленія; показываетъ законы, по которымъ каждая изъ нихъ дѣйствуетъ при познаніи; предписываетъ правила для вѣрныхъ умозаключеній, которыя могутъ быть производимы умомъ только при содѣйствіи прочихъ силъ. Въ познаніи необходима сила ощущенія; безъ ея дѣйствія не можешъ быть въ насъ удовольствія о бытіи предметовъ и возбуж-

денія къ дѣйствию другихъ силъ. Необходимо вниманіе, осановляющее насъ на предметъ, произведемъ въ насъ перемену, и шѣмъ дославляющее воображенію время принявъ дославночно впечатлѣнія, предметомъ въ чувственныхъ нашихъ органахъ производимыя, и изъ коихъ умъ составляетъ понятія. Разумъ сотворяешъ идеи, поспигаля, при должномъ употребленіи, внутреннюю природу познаваемого, связь его съ другими, отношенія къ другимъ, причины его явленій, чего умъ не можешъ произвести, ибо поспигаешъ одни явленія предметовъ. Память сохраняешъ пріобрѣшенія ума и разума. Фантазія, вѣрная служительница послѣднато, олицетворяющая его идеи и шѣмъ содѣлывающая ихъ болѣе удобопостижимыми, неразлучная подруга шворца — генія и вкуса — дѣлитель всѣхъ изящныхъ произведеній, — также способствуешъ познанію, и посему должна имѣть почтенное мѣсто въ Логикѣ. Нельзя совершенно исключитъ изъ сей Науки и волю, безъ которой многія силы способности познавательной осановятся въ бездѣйствіи, безъ которой не можешъ быть ни сужденій, ни умствованій, а посему ни понятій, ни идей, слѣдовательно никакого познанія. И шакъ, въ опредѣленіи Науки, надлежало бы, вмѣсто *умог*, избрать другое

слово, которое выражало бы все силы мыслящей части человека.

Нигде не можешь быть лучше применено это изречение — *все или ничего*, как в деле Наук. Или, рассуждая о Словесности, Сочинитель не должен был ничего говорить о Логике, предположив, что она известна читателю: никто не вызовет с Сочинителя молчания о ней, ибо его предмет — Риторика; или, взявшись объяснять законы ее, он должен изобразить все необходимые, и в связи; без этого учение заучивает читателей, не принеся им ни малейшей пользы. Да простит меня великодушно г. Сочинитель, если осмелюсь сказать, что едва ли подобные способы объяснения Логике не суть виною того опровержения, каковое ученики оказывают к ней, и того пренебрежения, с которым многие optics смотрят на преподавание правил ее держа их. Какой грех принимаешь на свою душу тот, кто опорочивает в глазах людей одно из надежнейших средств к полезному развитию их способностей и единственно по желанию сокращает Науку и произведет что-то новое!

„Умственное представление предмета, возбуждаемое в души присутствием предмета или воспоминанием оного, называеши-

„ся *понятием* (идеєю).“ В семь определении понятия все, кроме слова *представление*, нейдет к понятию. Во 1) слово *умственное* — излишнее, ибо ни чувственного, ни какого либо другого представления быть не можешь. 2) Вместо — *представление предмета*, надлежало бы сказать — совокупное представление чувственных знаков предмета; ибо в понятии представляем не самый предмет, а то его приметы, кои подышествовали на наши чувства, возбуждали наше внимание и силою воображения напечатланы в души. Если бы мы представляли в ум самый предмет, то наши представления были бы всегда одинаковы, по крайней мере, при разсматривании его с одной точки и доколь он не изменился. Но бываешь противное: предмет тот же и неизменный; человек смотрит на него, в разное время, с одной точки; а его понятия о нем различны, и без сомнения ош того, что не одинаковое число знаков разсматриваемого, и не в равной степени живости представляется. 3) *Возбуждаемое в души присутствие предмета*. По этому о всяком присутствующем предмете мы *неволью* имеем бы понятие (тогда еще более не шло бы к нему название *умственного* представления); но

понятія приобрящаются размышленіемъ, съ-
довашельно *свободно*, хотя и суть съд-
швія чувственныхъ впечатлѣній, принимае-
мыхъ нами по физической необходимости.
Опышь увѣряешь насъ, что иногда изъ пы-
сли присущеннующихъ предметовъ и дѣй-
свующихъ на насъ, мы не познаемъ ни
одного, ибо ни объ одномъ не размышляемъ.
Какъ же г. Сочинитель будешь послѣ сего
наставляшь приобряженію понятій вѣрныхъ
и полныхъ? Безъ размышленія? Какъ нибудь?
Очень худо. 4) *Или воспоминаніемъ онаго.*
Воспоминаніемъ, понятія, уже приобрящен-
ныя, только возобновляются въ душѣ, въ
прежнемъ ихъ видѣ; оно не шворитъ новыхъ.
Если же къ полученнымъ прежде и воспомина-
нуемымъ предшавленіямъ что нибудь при-
совокупляемъ, то все не памято, а фан-
тазію, или умою, или разумомъ. 5) *На-
зывается понятіемъ (идею).* — Объясняя
одно изъ сихъ словъ другимъ и нигдѣ не
опредѣливъ послѣдняго, Сочинитель пока-
зываетъ, что онъ принимаетъ ихъ за одно
и то же. Но *понятіе* (*conceptus*) и *идея* (*idea*)
давно уже въ Логикахъ опщичены, и по ва-
жнымъ причинамъ. Первымъ означаюшь,
какъ я сказалъ, совокупное предшавленіе
чувственныхъ знаковъ предмета познавае-
маго, а вшорю — предшавленіе того

способа, коимъ онъ дѣйствительнo суще-
свуетъ. Въ первомъ предшавляемъ пред-
метъ по его явленіямъ; а во вшорой шакъ,
какъ онъ есть. Понятіе приобрящается по-
мощію ума, идея — помощію разума. Сіе
раздѣленіе предшавленій основано на самой
сущности познаваемыхъ предметовъ, имѣю-
щихъ и чувственныя и невещественныя зна-
ки, и на сущности ума и разума, изъ кошо-
рыхъ одинъ можешь предшавляшь только
по, что, посредшвомъ чувствъ, перехо-
дишь въ душу, а другой самостоятельно
опыскивается по, что не имѣетъ веще-
сва. Умъ и разумъ, только въ совокупно-
сти дѣйсвуй, могушь досшавляшь намъ
полное предшавленіе, полное познаніе пред-
мета. Опредѣливъ шакъ ложно понятіе, Со-
чинитель или вовсе не научишь приобря-
шанъ понятія, или наставишь понятіямъ
ложнымъ: въ обоихъ случаяхъ онъ неправъ.
Оначалахъ понятій, о ихъ раздѣленіи по из-
вѣсшнымъ категоріямъ и о способѣ приобря-
шанъ предшавленія полныхъ, не говоришь
онъ ни слова. Къ чему же служишь его
ученіе?

„Сужденіе есть соединеніе или раздѣле-
ніе понятій въ умъ.“ —

На какой же конецъ соединяюшся или
раздѣляюшся понятія? — Сочинитель объ-

испяеть свое невилпное опредѣленіе сужденія, словами болѣе невразумительными: „мы обыкновенно соединяемъ шѣ понятія, ко- шоря одно въ другомъ включаются; а раздѣляемъ шѣ, кошорья одно въ другомъ не могутъ заключаться.“ — Для учащагося по книгѣ Г. Толмачева, и опредѣленіе и объясненіе сужденія, безъ смѣшливаго исполкователя, останутся непроницаемою шьюю. Мивъ кажешя, лучше опредѣливъ сужденіе шакъ: сужденіе естѣ дѣйствіе души, кошорья она опредѣляетъ одно предшавленіе посредшвомъ другаго, шакъ, что шѣмъ показывается приличіе (*convenientia*) одного изъ нихъ другому, или неприличіе (*inconvenientia*). Мы говоримъ: опредѣляетъ *предшавленіе*, а не понятіе; ибо въ сужденіе входятъ и идеи. Г. Сочинившелъ шакже, какъ и въ спашѣ о понятіяхъ, не показываетъ ни началъ, ни раздѣленія сужденій, ни способа, коимъ они производятся. Къ чему же служишь ученіе?

Не знаю, кто изъ проникшихъ шаништва Логики узнаешъ умшвованіе (*ratiocinium*), кто изъ желающихъ постигнушь шаништва Науки можешъ уразумѣшь дѣло умшвованія по слѣдующимъ словамъ г. Сочинившеля: „*Умозаключеніе* естѣ извлеченіе „одного сужденія изъ другаго, основанное

„на правилахъ Логическиххъ?“ — И шакъ умшвованіе состоишь шолько изъ двухъ сужденій? — Какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе шочности! — Въ главѣ XXII, гдѣ объясняются силлогизмы, шотъ же мракъ облежишь умшвованіе. Какъ же и усердно желающій содѣлаться умшвователемъ, что для занимающагося Словесностію необходимо, можешъ удовлетворить своему желанію, не получивъ къ шому, опъ своего наставника, здравыхъ понятій ни о предшавленіяхъ, ни о сужденіяхъ, не слыша опъ него, ни объ одномъ изъ шрехъ дѣйствій души, ни одного основательнаго правила?

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрение происшествий 1826 года.

(*Продолжение.*)

Нидерландское Королевство, въ началѣ минувшаго 1825 года, много потерпѣло отъ наводненій и разрыва плотины, а въ концѣ отъ великаго затрудненія въ денежныхъ оборотахъ, распространившагося изъ Англии по всей образованной части свѣта; но сіе положеніе, по извѣстной Голландской швердоси, какъ справедливо сказала Король въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій Генеральныхъ Шпашовъ нынѣшняго года, вскорѣ счастливо прекратилось: въ испекшемъ же 1826 году, Королевство сіе должно было бороться съ двумя ужасными бѣдствіями. Первое соспало въ опустошительной моровой язвѣ, бывшей слѣдствіемъ жаркаго сухаго лѣта (для болошихъ странъ сырая погода есть здоровѣйшая) и испребившей многихъ жителей Гренингена, Овериссела и Фрисландіи; другое было опас-

ное возшаніе въ Южно-Индійскихъ владѣніяхъ, преимущественно на главномъ островѣ Явѣ, который до крайности разорень былъ мясешниками. Послѣ победы, одержанной Индійцами 2 Сентября прошедшаго года при Самарангѣ, Европейцы принуждены были бѣжать, и до сихъ поръ возмущеніе не шолько не укрощено, но сдѣлалось еще опаснѣе, пошому что въ войскахъ Нидерландскихъ оказалась повальная болѣзнь cholera morbus. Благодѣтельное и просвѣщенное правленіе Вильгельма I и Нидерландскіе Генеральные Шпашы употребили все силы свои для прекращенія сихъ бѣдствій. Благоразумныя мѣры приняты были для воспрепятствованія дальнѣйшему распространенію язвы, кошорой дѣйствіе все болѣе и болѣе ослабвало къ концу года; въ Яву послано было подкрѣпленіе; положено было сдѣлать заемъ въ 20 милліоновъ въ пользу заморскихъ владѣній большинствомъ 72 голосовъ противу 6, и островъ Ява открытъ былъ для торговли всехъ народовъ. Послѣднія засѣданія Генеральныхъ Шпашовъ имѣли главнымъ предметомъ замятія бюджета на 1826 годъ и введеніе общенароднаго обученія юношества. Нынѣшнія были открыты Королемъ 16 Октябрю въ Брюсселѣ, и въ рѣчи Короля упоминаемо

было о внутренних дѣлахъ Королевства, о счастливомъ прекращеніи кристическаго положенія торговли, о заразѣ, о состояніи Индійскихъ колоній и ш. п. — Въ Нидерландахъ также безпрерывно распространяема была система каналовъ. На мѣсто уволенного Г. де Кошика, поступилъ въ Министры Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Верспукъ ванъ-Зудель. Полковникъ Вербье отправился на Панамскій Конгрессъ въ качествѣ Нидерландскаго Посланника. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ. Колосальный левъ, памятникъ Вашерлоскаго сраженія, нынѣ оконченъ. — Народонаселеніе Амстердама безпрестанно увеличивается; въ прошедшемъ году, родившихся въ семь городѣ было 7352, а умершихъ только 6302 чел. — Въ Амстердамъ прибыло съ моря 1606 кораблей.

Исторія *Швейцаріи* въ прошедшемъ году, имѣла только мѣстную занимательность. И здѣсь равномерно оказывали планетное участіе въ судьбѣ Грековъ. Сеймъ въ Люцернѣ открытъ былъ 3 Юля, и закрытъ уже 13 Августа. Достойны примѣчанія разсужденія объ опмѣненіи смертной казни въ Женевѣ, гдѣ, между прочимъ, не принято было предложеніе соорудить памятникъ Ж. Ж. Руссо. Разведеніе Тибенъ-

скихъ козъ на Альпійскихъ горахъ имѣло нѣкоторый успѣхъ. Опредѣленіе Швейцарскихъ полковъ въ иностранную службу и церковныя дѣла въ Католическихъ Республикахъ принадлежали также къ предметамъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе.

Исторія *Италійскаго полуострова* въ прошедшемъ году, представляешь также не много происшедшій занимательныхъ во всемірномъ отношеніи. *Сицилія* совершенно уже была очищена отъ Австрійскихъ войскъ, которыя мало по малу выходили и изъ *Неапол.* Хотя и здѣсь положеніе земледельцевъ было не слишкомъ счастливо, однако же благоразумное Правительствованіе ревностнѣе старалось объ улучшеніи фабрикъ и усердно пеклось о внутреннемъ усовершеніи; съ другой стороны оно снова было принуждено издавать спротивъ постановленія прошивъ упорныхъ Карбонаровъ. 26 Апрѣля скончалась супруга покойнаго Короля, Герцогиня Флоридія; также лишился Неаполь въ семь году знаменистаго Астронома Пиацци. Въ Римѣ были заповорены Святыя врата 26 Декабря прошедшаго года, введено лучшее Государственное Хозяйство, и учреждены сообразныя съ цѣлію заведенія для бѣдныхъ. Въ Пезаро, что въ *Римской области*, открыта была новая

Карбонарская ложа, и Папское Правитель-
ство, подобно прочимъ въ Италіи, должно
было безпрерывно обращать все свое вни-
маніе на сіи гибельныя шайныя общества
и вообще противодѣйствовать нарушенію
внутренняго спокойствія и безопасности.
Въ одной Болоніи, въ теченіе 6 мѣсяцевъ,
начислано не менѣе 96 убійствъ! — Алжир-
скій Дѣй принужденъ былъ Франціею выдать
Римскихъ пѣвчихъ. — Великій Герцогъ
Тосканскій, коего подданные благоденству-
ють подъ крошкѣмъ его правленіемъ, пред-
принималъ въ семь году путешествіе въ Вѣ-
ну. Въ *Сардинскомъ* Королевствѣ, коего
народонаселеніе простирается нынѣ до 4
милліоновъ душъ, безпрерывно умножается
число монастырей, коихъ теперь уже счи-
тается 348. Къ достопамятнѣйшимъ оп-
крытіямъ въ Италіи, слѣдуетъ прошехнѣть
вѣковъ, принадлежащихъ развалины Геркуле-
сова храма близъ Бресчии съ превосходнѣй-
шими, сохранившимися въ цѣлости, статуя-
ми; въ Помпѣи также продолжаются оп-
рывать много достопамятностей. Доселѣ
еще не исполнилось ожиданіе возстановле-
нія *Мальтійскаго ордена*, который, какъ
полагали, долженъ былъ основаться въ Фер-
рарѣ и сильно дѣйствовать за Грековъ.
Высупившая изъ береговъ рѣка Аніо въ

концъ года, причинила большія опустоше-
нія въ Римской области.

Жестокая и опасная болѣзнь (воспален-
пельная горячка), кошорою одержимъ былъ
Императоръ обширной *Австрійской Мо-
нархіи* (съ 9 Марта), возбудила сильнѣйшее
опасеніе о жизни любимаго Государя, и съ
восторгомъ принято было извѣстіе о вос-
послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ того выздо-
рвленіи сего Монарха. Осторожная Поли-
тика Австріи постоянно клонилась къ то-
му, чтобы предупредить всякое нарушеніе
внѣшняго и внутренняго спокойствія Европы.
Бразилія признана была самостоятельнымъ
Государствомъ; а Инфантъ Дюкъ Мигуэль
одобривъ, какъ выше упомянуто, въ Вѣнѣ
новую Португальскую хартію, и обнародо-
валъ обрученіе свое съ будущею Португал-
скою Королевою. Основываясь на ложныхъ
слухахъ, предполагали слова, что путеше-
ствіе Князя Меттерниха имѣло важную
политическую цѣль. Венгерскій Сеймъ про-
должался и подалъ поводъ ко многимъ пре-
ніямъ о предметахъ, касающихся до образа
правленія Венгрии и отношенія оной къ
прочимъ странамъ, подвластнымъ Австрій-
ской Монархіи. Городъ Зальцбургъ будешь
поставленъ на ряду съ первостепенными
крѣпостями. Здѣсь продолжали строить

большія дороги, и внутренняя дѣятельность
ремесль непрерывно увеличивалась. Къ при-
мѣчательнѣйшимъ изобрѣтеніямъ принадле-
житъ паровое орудіе Г. Безецаго, которое
въ одну минуту бросаетъ 250 пуль.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Ц В Ъ Т Ы.

(К ъ ж е н ѣ м о е й .)

Ложатся на землю

Снѣга;

Поблекли, завяли

Луга!

Какъ жизнь услаждаютъ

Мечты:

Тебя шакъ красуюшь —

Цвѣтны.

Покинемъ, Алчна,

Сей градъ;

Къ полямъ возвращишься

Я радъ!

На всемъ тамъ искусства

Персты;

Убранство пастушки:

Цвѣтны.

Тамъ скучны веселья

Пировъ;

Тамъ взоръ мой былъ мраченъ,

Суровъ;

Тамъ гасла блѣднѣла!

И ты:

Здѣсь вновь на ланинахъ

Цвѣтны!

Какъ знаешь, что въ грядущемъ

Насъ ждешь?

Судьба намъ замѣны

Даетъ!

Нашъ милый младенецъ

И ты:

Мои вы въ сей жизни

Цвѣтны.

2.

СТАРОЙ КОКЕТКѢ.

Ты всякой день, возставъ ошь сна,

Спѣшишь предъ зеркало садиться;

И вдругъ исчезнешь съдына,

И блѣдный цвѣтъ швой оживишься!

Я вижу все, — и не шуша

Совѣтую не прашить красокъ;

Напрасный трудъ! любовь — дѣша:

А дѣти всѣ боаясь масокъ.

(Изъ *Armand-Sevillé.*)

3.

НОВЫЙ НАРЦИССЪ.

Нарциссу было суждено
 Любить свой видъ прекрасной;
 Но я не въ воду, — а въ вино —
 Гляжуся ежечасно!
 Я самолюбиемъ помимъ,
 Спаканъ свой наливаю;
 И съ влажнымъ зеркаломъ монимъ
 Свой образъ — выпиваю!

(Изъ Panard.)
 В. Вердеревскій.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

1 8 2 7.

Мореходство.

7. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности.* Ч. XI. С. П. б. 1826, въ Морск. шип. IV—500 стр. въ 8, со многими таблицами и 3 чершежами.

(У насъ часто выходящъ въ свѣтъ весьма любопытныя и полезныя книги, служащія вообще къ распространенію познаній, — и часто публика холоднымъ окомъ смопритъ на ихъ появленіе. Причина тому очень проста: книги такого рода по большей части издаются Правительственными мѣстами; о нихъ книгопродавцы не трубятъ въ пышныхъ газетныхъ объявленіяхъ, и не всегда даже Журналы знакомятъ насъ съ ихъ содержаніемъ. Къ числу такихъ книгъ должно отнести сія *Записки*. Изъ нихъ любопытныя могутъ видѣть постепенные успѣхи Россійскаго мореплаванія, могутъ почерпнуть весьма занимательныя свѣдѣнія о кругосвѣтныхъ и другихъ путешествіяхъ, совершаемыхъ, по волѣ Правительства, офицерами Императорскаго флота; могутъ въ нихъ найти описанія многихъ портовъ и приморскихъ городовъ Россійскихъ, и ш. п. Сверхъ того, для людей, занимающихся математическими Науками, особенно въ приложеніи оныхъ къ мореходству, помѣщающія въ сихъ Запискахъ весьма важныя вычисления и таблицы, извѣстія о новыхъ изобрѣшеніяхъ по части кораблестроенія и пр. и пр., а для упражняющихся въ Наукахъ Естественныхъ — наблюденія Ученыхъ, посланныхъ на разныхъ судахъ въ разныя

страны свѣта. Желательно, чтобы соотечественники наши, любящие чтение, обращали болѣе вниманія на книги сего рода, доставляющія чтение занимательное и полезное, а не такое, которое только разспроиваетъ воображеніе и ославляетъ пушшу въ умѣ и понятіяхъ.)

Я з ы к о з н а н і е.

8. *Краткая Россійская Грамматика, издавшая Титулярнымъ Советникомъ Михайломъ Радугинымъ.* М. 1826, въ шиногр. П. Кузнецова. 74 стр. въ 8.
(См. No 25 Сѣв. Пчелы.)

9. A practical Grammar of the Russian language, by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка, соч. Якова Герда*). С. П. б. 1827, въ шиногр. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 2 Ч. въ 1й 323, во 2й 197 стр. въ 8.

(Г. Гердъ заслуживаетъ благодарность и соотечественниковъ своихъ и Русскихъ: онъ первый взялся познакомить Англичанъ съ правилами богатаго и звучнаго нашего языка, кошорый, вопреки шушкамъ покойнаго Бейрона (*), по признанію даже мно-

(*) Въ одной изъ послѣднихъ Пѣсней своего Донъ-Жуана, Лордъ Бейронъ шушилъ надъ *звоніемъ* Русскихъ собшвенныхъ именъ. Не двинемся: почтенный Лордъ вѣрно не умѣлъ ихъ выговаривать.

гихъ иностранцевъ, превосходить гармоніею большую часть современныхъ языковъ Европейскихъ. Въ 29 No Сѣвери. Пчелы помѣщено подробное извѣстіе о сей Россійско-Англійской Грамматикѣ, кошорой желаемъ всякаго успѣха, равно какъ и шѣмъ, кои возьмутъ ее съ похвальнымъ намѣреніемъ — выучиться по ней Русскому языку.)

Ж и з н е о п и с а н і е.

10. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten D. M. Posharfski; von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskoiischen Archivs von dem Collegium der auswärtigen Angelegenheiten. In's Deutsche übersezt von seiner Tochter, Katharina Malinowski. (*Достопамятности изъ жизни Князя Пожарскаго, соч. А. Малиновскаго, Сенатора и Управляющаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Перевед. на Нѣмецкій языкъ дочерью его, Катериною Малиновскою*). М. 1826, въ шиногр. Селивановскаго. 70 стр. въ 8.

(См. No 30 Сѣверной Пчелы, гдѣ извѣстіе о сей книжкѣ помѣщено съ любопытными замѣчаніями по сему поводу, извле-

ченными изъ Рижской Газеты: *Offsee-Provinzen-Blatt.*)

С л о в е с н о с т ь .

11. *Der Trauerquell (Бахчисарайскій фонтанъ)*
verfaßt von Alexander Puschkin. Aus dem Rus-
sischen übersezt von Alexander Wulfert. С. П.
б. въ шпогр. Особенной Канцеляри
М. В. Д. 48 стр. въ 12.

(Г. Вульфershъ переложилъ уже въ Нѣ-
мецкіе стихи Поэму Пушкина: Кавказскій
пльникъ. Осмается знаюкамъ Нѣмецкаго
языка оцѣнить достоинство сего новаго
перевода и сравнить его съ подлинникомъ.
Книжка сія напечатана весьма хорошо.)

12. *Balzett, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ,*
въ стихахъ. Сочиненіе Расина. Пере-
велъ съ Французскаго В. Н. Олинъ.
С. П. б. въ шпогр. Медицинскаго Де-
партаментша Мин. Ви. Дѣль. 1827. 84
стр. въ 8.

(Издашели получили довольно простран-
ное размошрѣніе сего перевода, которое
намѣрены помѣстить въ одной изъ слѣдую-
щихъ книжекъ С. О.).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ .

(*Съ перевода Г-жи Монтолле изъ согленией Баро-
нессы де ла. Моттъ-Фуке*)

Отъ Графа Юлія Винфельда къ другу
его, Феликсу Ганвицу.

Поденныя записки.

Замокъ Шарфштейнъ.

Не называй меня болѣе, Феликсъ, любим-
цемъ счастья; горестное доказательство
его непостоянства я испытываю нынѣ; не
говори мнѣ объ оплчии, довѣренности и
особенномъ благоволеніи. . . . Если это ми-
лоссть Герцога, что онъ, опшоргнувъ меня
опъ удовольствій столицы, бросилъ въ со-
вершенно дикую страну и принудилъ сдѣ-
латься спражемъ сумасшедшаго его брата;
то я, право, легко бы могъ обойтись безъ
такой милосши и охотно, весьма охотно
желалъ бы спрыгнуть съ этой, ведущей къ

почестямъ льстивницы. Не смѣйся, когда скажу тебѣ, что еще при одномъ видѣ жилища несчастнаго безумца, неизяснимое уныніе овладѣло моею душою, и съ самой поиминушы я все думаю, что мнѣ суждено кончить жизнь подъ развалинами сего мрачнаго, уединеннаго зданія.

Я пріѣхалъ ночью. Каменистая дорога, сюда ведущая, изнурила лошадей; эскадронъ мой утомился, я также; въ самомъ дурномъ расположеніи духа слѣдовали мы за проводникомъ нашимъ въ дремучій лѣсъ, окружающій замокъ. Бурный вѣтеръ колебалъ верхи елей, съ кошорыхъ сыпался на насъ снѣгъ; жандармы прекратили свои пѣсни, и мы, въ молчаніи, среди ужасной темноты, съ величайшимъ трудомъ взобрались наконецъ на гору, гдѣ выстроены замокъ Шарфшнейнъ. Тутъ остановились мы у подъемнаго моста; онъ былъ опущенъ; старшій солдатъ вышелъ къ намъ изъ караульни съ фонаремъ въ рукѣ. Я показалъ ему повелѣніе Герцога; увидѣвъ Государственную печать, онъ снялъ шляпу и громкимъ голосомъ увѣдомилъ внушреннюю стражу о нашемъ пріѣздѣ; мостъ подняли, мы прошли его, и другой солдатъ, отворивъ ворота, ввелъ насъ на пространный дворъ, окруженный высокими, каменными стѣнами. — Молчаніе, шумъ царство-

вавшее, привело меня въ ужасъ, но вскорѣ двери замка заскрипѣли, и смошрипелъ, въ сопровожденіи двухъ служивелей, несущихъ зажженные свѣчи, вышелъ къ намъ на встрѣчу. Этошъ спарикъ былъ, казалось, чрезвычайно удивленъ моимъ пріѣздомъ; я вѣлъ ему назначить мнѣ комнату для жишья, предупредивъ, что можешь бышь я и долго пробуду въ замкѣ.

„Какъ?“ вскричалъ онъ съ удивленіемъ, смошря на мою конницу: „неужели и эпи люди также здѣсь оспанушя? Или какое нападеніе угрожаетъ замку? Такія предосторожности не могушь бышь нужны для моего арестанта: неужели за мною хошяшь присмашривать? Чѣмъ заслужилъ я эшо?...“ — Я было думалъ его успокоить, но онъ, съ видомъ увѣренности въ своемъ достоинствѣ, продолжалъ: „двадцать одинъ годъ уже находишя Принцъ подъ моимъ присмотромъ, и никшо не можешь въ чемъ либо упрекнуть меня!...“ — Двадцать одинъ годъ! сколько времени для жалкаго безумца! . . . Мысль сія произвела горестное движеніе въ душѣ моей; въ молчаніи и какъ бы прошивъ воли, слѣдовалъ я за эшимъ челоукомъ. Его суровая, непріяшная физиономія не могла внушить мнѣ почшенія, кошорымъ обзаны мы старосши. Пришедь въ

комнату, которую должеѣ былъ я занять, онъ велѣлъ подать мнѣ свѣчей, и поклонившись съ видомъ, не совсемъ доброжелательнымъ, удался. Оставшись одинъ, я началъ ходить и размышлять о своемъ положеніи. Вошелъ служитель съ небольшою вязанкою хвороста и разложилъ огонь въ каминѣ. Здѣсь нѣтъ печей; замокъ былъ выстроенъ для увеселеній охоты, жили въ немъ только осенью короткое время, и пошому такія удобства были не нужны. Судьба, какъ будто желая посмѣяться замысламъ смертныхъ, опредѣлила сей, увеселительный по своему назначенію, замокъ жилищемъ несчастному, котораго ни въ чемъ не можешь находить отрады.

Я спросилъ чернилъ, и въ надеждѣ разсѣять печальныя мысли, съ полчаса уже разговариваю съ шобою. Часто оставляю перо и пошмаприваю на убранство комнаты, гдѣ все, даже и самая слинявшая позолота напоминаетъ о роскоши, когда-то здѣсь бывшей, и о томъ времени, когда люди не были чужды симъ спѣванъ. Какая пустоша! Двадцать одинъ годъ уже, какъ никшо не входилъ въ сію комнату. Надъ дверьми висятъ портреты особъ царствующей фамиліи; взоръ мой усреленъ на одинъ изъ нихъ, и мнѣ кажется, это пор-

портретъ родителя Владѣтельнаго Герцога и брата его, безумца, здѣсь заключеннаго. Видъ его показываетъ ошкровенность и безпечный характеръ, можно угадать, что онъ наслаждался жизнью, не помышляя о будущемъ. Не смотря на спранность шариннаго костюма, наружность его имѣетъ много пріятнаго. Противъ этого портрета я вижу другой, женскій, писанный сухими красками, кошорья не много сперлись, но все легко можно узнать прелестныя черты Герцогини-машери, когда она была еще въ юныхъ лѣтахъ. Можешь быть, сей замокъ былъ нѣкогда свидѣтелемъ счастья ея молодости; она нѣжно любила своего мужа и никогда съ нимъ не разсвавалась. Добродушная Принцесса была тогда увѣрена, что счастье существуетъ на землѣ: веселость милаго лица ея показываетъ, что печаль, въ то время, была известна ей только по слуху. Какъ спранно, что у такой нѣжной, счастливой и прелестной чемы, родились такіе сыновья, каковъ угрюмый Владѣтельный Герцогъ и бѣшеный Принцъ Карлъ! . . . Тебѣ конечно известно, что сей послѣдній, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда приходишь къ нему разсудокъ, сказалъ въ присутствіи другихъ, что найдешь средство убѣжать изъ тюрьмы,

возобновишь прежнія связи свои и поспраешься ошменишь брану за его жестокость. Но сіи слова не имѣли никакихъ послѣдствій; не они побудили Герцога пригласить меня сюда, а одно *сновидѣніе*, обратившееся для меня въ мучительную существованность.

Не давно, возвращаясь съ торжественнаго бала, бывшаго у Сардинскаго Посланника, который живетъ въ домѣ, принадлежавшемъ заключенному Принцу, Герцогъ сдѣлался нездоровъ; Докторъ Леонардъ нашелъ его въ лихорадкѣ: въ сильномъ бреду, онъ говорилъ о томъ, чего добродушный врачъ не могъ, или не хотѣлъ понимать. Передъ ушромъ больной заснулъ. Проснувшись уже въ полдень, онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на предметы, его окружавшіе и увидя Доктора, велѣлъ ему подойти къ постели: „объясните мнѣ“ сказалъ онъ ему насмѣшливо: „онъ волненія ли крови, или онъ чего другаго происходитъ сны?“ Докторъ медлилъ ошвѣтомъ, и Герцогъ продолжалъ: „вчера за ужиномъ, на балѣ у Посланника, прошивъ моего обыкновенія я выпилъ нѣсколько рюмокъ Французскаго вина: мнѣ нужно было подкрѣпленіе; видѣ коныши, гдѣ жилъ нѣкогда несчастный бранъ мой, и бальный шумъ разстроили мою го-

лову и нервъ. Я рано уѣхалъ домой, легъ спать и — послѣ пыячи безпокойныхъ мыслей, заснулъ; но и тогда ужасныя сновидѣнія лишали меня спокойствія. Мнѣ казалось, что бранъ мой, въ бѣшенствѣ, схватилъ меня и держалъ шакъ крѣико, какъ будто бы хотѣлъ задушить.“ Сказавъ сіи слова Герцогъ поблѣднѣлъ, замолчалъ, но вскорѣ, оправаясь, засмѣялся и, внимательно смотря на Доктора, будто желая угадать его мысли, продолжалъ: „какъ вы думаете, не есть ли это только дѣйствіе разгоряченнаго воображенія, или шакой сонъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь предвѣщаетъ?“ Онъ опять замолчалъ и чрезъ нѣсколько минушь прибавилъ тихимъ голосомъ: „можеть бышь мнѣ угрожаетъ несчастіе. . . . Сей часъ, предъ пробужденіемъ, мнѣ видѣлось во снѣ, что я находился въ замкѣ Шарфштейнѣ, и былъ на охотѣ. Увидѣвъ летящую надъ горами птицу, я прицѣлился, выстрѣлилъ, но не попалъ: это былъ прекрасный лебедь; онъ успремился въ рѣку, попалъ, и хоша я даже его не ранилъ, но кровь видна была въ спруяхъ; вдругъ мнѣ сдѣлалось шакъ тяжело, какъ будто бы грудь мою пронзили кинжаломъ. Какъ вы думаете, Леонардъ, не послать ли мнѣ кого въ замокъ, узнать, что шамъ дѣлается?“

Не знаю, что означал на то Докторъ, но чрезъ два дня я получилъ повелѣніе отправиться сюда. Ты говорилъ мнѣ, что я много обязанъ Леонарду: да, вѣроятно онъ опоздалъ обо мнѣ хорошо Герцогу; только я не слишкомъ благодаренъ ему, если по его рекомендаціи попалъ сюда; впрочемъ, я никакъ не думаю, чтобы это сдѣлалось по его милости. Герцогъ всегда изъявлялъ мнѣ благоволеніе; заступивъ мѣсто моего родителя, котораго лишился я еще въ дѣтствѣ, онъ помѣстилъ меня въ военное училище и, по окончаніи наукъ, опредѣлилъ въ гвардію. Спецъ служилъ усердно покойному Герцогу, и кончилъ жизнь свою на полѣ чести. Мать моя воспитывала молодую Герцогиню; признаюсь, послѣдняя милость Герцога не кажется мнѣ такъ велика: безъ нея былъ бы я въ столицѣ и проводилъ бы время, какъ нельзя пріятнѣе. Къ тому же, жилось бы хотѣлось, чтобы меня отличали заслуги, а не одно только благоволеніе моего Государя. Не знаю, отъ чего Герцогъ никогда мнѣ не нравился, а всего меньше мнѣ: онъ всегда такъ угрюмъ, спротививъ... право, я часто готовъ былъ думать, что онъ въ шайнѣ сдѣлалъ какое либо злодѣяніе.

Какая тихая ночь!.... Какъ пріятно свѣтитъ луна!.... Какъ ярко блестящія звѣзды надъ поверхностію горъ!.... Шумъ рѣчки, протекающей подъ перасосою, напоминаетъ мнѣ блага лебедя, видѣннаго во снѣ Герцогомъ....

Но что я слышу?.... Тихіе звуки флейшы несущія съ проливной стороны замка.... Неужели это онъ? Такъ, желѣзныя рѣшетки у оконъ доказываютъ мнѣ, что это его жилище.... Можешь быть несчастный въвряешь любимому инструменту своему горесеть, зашмѣвающую его разсудокъ. Кому жъ будешь онъ повѣрять ее? Кто захочетъ его слушать?.... Бѣдный Принцъ! какъ я о тебѣ сожалею!....

Я его видѣлъ; не могу описатьъ тебѣ впечатлѣнія, которое наружность его произвела во мнѣ. Это было въ полдень, въ то время, когда смѣнялся караулъ: я споялъ у окна, какъ вдругъ не вдалекѣ отъ меня отвораются двери на балконъ, и я вижу Принца. Видъ его привелъ меня въ смущеніе; я опустилъ глаза, но потомъ, оправясь, обратился на арестанта. Онъ высокъ ростомъ, имѣетъ величественную осанку и, не смотря на чрезвычайную блѣдность, лице его совсѣмъ не показываетъ сумасшедшаго. Напрошивъ оно выражаетъ полное спокой-

ствіе духа. Кавалерія моя представила собою зрѣлище совершенно новое для Принца; но, по видимому, онъ не въспревожился шѣмъ, а только изумился. Однако, вскорѣ примѣшивъ я, что онъ задумался. На немъ былъ мундиръ драгунскаго полка и на головѣ шляпа съ султаномъ. При появленіи его, воины спали въ спрѣй. Принцъ благосклонно взглянулъ на нихъ, а попомъ большіе, черные глаза его, показавшіеся мнѣ прекрасными, обратились къ небу, и, далѣе, на ужасныя цѣпи горъ. Никогда, никогда, не забуду я этого взора!.. Вѣрно въ минушу сію былъ онъ въ полномъ разсудкѣ, потому что взглядъ его показывалъ не безуміе, а преданность Провидѣнію; не бѣшенство, а горестъ.

Въ то же самое упрѣ я изъясилъ желаніе бытъ допущеннымъ къ Принцу, но какъ въ повелѣніи Герцога ничего о семъ не сказано, то строгій смотритель замка и имѣлъ полное право отказать мнѣ, увѣряя, что арестантъ чуждаешся всѣхъ; а особенно не шерститъ посѣщеній отъ незнакомыхъ, и что въ семъ случаѣ безуміе его превращается въ ярость. Впрочемъ на что мнѣ его и видѣть? Чрезъ мѣсяць, можетъ бытъ, Герцогъ позабудетъ о своемъ свидѣніи, дастъ мнѣ приказаніе возвра-

титися въ споліцу, и все оныишь пойдеть по прежнему. Ахъ, какъ ужасно положеніе Принца! Неизбѣжная участь не дозволяетъ ему нишашъ какую либо надежду! Счастливъ онъ, если зашмившіи разсудокъ не представляешъ ему ничего прошедшаго!... Но въ минушу пробужденія разсудка, сколь онъ долженъ бытъ досшоннъ сожалѣніи! — Какую грусть поселяють мысли сіи въ душѣ моей!... Нѣшъ, нѣшъ, я не могу бытъ здѣсь; должностъ, на меня возложенная, неприлична ни лѣшамъ моимъ, ни склонностямъ, а всего менѣ сердцу, которое не можетъ сносить равнодушно спраданія другихъ. Удовольствія свѣша еще пѣвляють мое воображеніе. Одна мысль, что я долженъ провешти нѣсколько недѣль здѣсь, въ опдаленіи отъ всего, что мнѣ любезно, приводитъ меня въ содроганіе. Едва только начиналъ я забывашъ о горестяхъ, испытанныхъ мною въ дѣшствѣ, какъ шеперь, окруженный непріятными предметами, невольно о нихъ воспоминаю. Ахъ! я не былъ счастливъ... Такъ, Феликсъ, мнѣ пріятно, очень пріятно было проводить время съ тобою, но это удовольствіе нельзя было назвашъ счастьемъ: оно заключаешся въ сладосныхъ узахъ родства, узахъ, соединяющихъ насъ съ подобными себѣ съ первой

минушы бышя, и чрезь копорыя мы на-
чаемъ въ послѣдствіи цѣнить его. Увы!
для меня не было счастья!... Я имѣлъ
около пяти лѣтъ опъ роду, когда отецъ
мой погибъ въ сраженіи; я проливалъ сле-
зы, пошому что окружающіе меня плакали
и говорили, что я не увижу болѣе папень-
ку... Ахъ, я очень помнилъ, какъ онъ,
распростившись съ своимъ семействомъ,
сѣлъ на лошадь и, смѣясь, сказала мнѣ:
„вошь, Юлій, будь умнѣе, вырастешь, и
тебѣ дадутъ лошадь.“ Съ шѣхъ поръ я ни
о чемъ не думалъ, какъ шолько о шомъ вре-
мени, въ копорое и мнѣ можно будешь
ѣздить верхомъ. Въсь о кончинѣ родилеля
моего поразила мапушку. Ввечеру шого
дня, она посадила меня на колъна и, обли-
ваясь слезами, сказала: „бѣдное дитя, что
будешь шеперь съ шобою?...“ Эши слова,
копорыхъ я никогда не забуду, и шогда за-
сшавили меня горько плакашь; меня поло-
жили въ постель, но я рыдалъ и долго не
могъ заснушь. Чрезъ нѣсколько дней мы
ошправились жишь въ маленькій, ошдален-
ный опъ города домикъ, находившійся среди
горъ; новые предметы скоро разсѣяли пе-
чаль мою; я подружился съ дѣшми Пасно-
ра, игралъ съ ними и почиталъ себя счас-
ливымъ. Въ сіе время мапушка должна была

возвратишься въ резиденцію; Герцогъ и
Герцогиня избрали ее надзирашельницею къ
молодой Принцессѣ, копорая, спушя нѣ-
сколко времени, вышла за мужъ за Англій-
скаго Принца. Мапушка, ошправившись
съ нею въ Англію, скончалась шамъ чрезъ
нѣсколько лѣтъ; осирошвншій сынъ ея
ошстался пансіонеромъ у Паснора съ са-
мага ея опъѣзда. Сперва я былъ очень до-
воленъ, что меня не разлучали съ малень-
кими моими шоварицами, но вскорѣ почув-
стшвовалъ всѣ невыгоды настоящаго моего
положенія въ сравненіи съ шѣмъ, какъ я
жилъ съ мапушкою. Хозяева дома были
угрюмы, скупы и брюзгливы; цѣлый день
шолковали о курахъ и ушкахъ, копорыми
жена Паснора шорговала. Большая, голод-
ная собака, безпрешанно лаяла на дворѣ.
Меня, шакже какъ и всѣхъ дѣшей, засшав-
ляли исправляшь разныя домашнія работы:
не будучи къ шому привыченъ, я всегда
принимался за нихъ не ошопно, исполнялъ
дурно, бывалъ за шо бранимъ, бишь, и по-
шому всегда почти находилъ въ горести
и часшо плакалъ. Мнѣ уже не давали но-
сись прекраснаго моего плашья и шовкаго
бѣлья: Паспорша говорила, что денегъ, за
содержаніе меня ими получаемихъ, не могло
досшавать на подобныя издержки, и пошому

должно было привыкать обходиться без шого. Добрый мужъ ея обращался со мною гораздо ласковѣе: онъ, когда жены его не было дома, призывалъ меня къ себѣ, давалъ мнѣ какого нибудь лакомства, уговаривая меня не крушиться и быть шерпяливымъ; но совѣщя его оставались шщешными: съ каждымъ днемъ спановился я печальнѣе и даже удалялся отъ веселыхъ моихъ шоварищей. Однажды, сидя у дверей нашего жилища, я увидѣлъ идущую на дворъ женщину, у кошорой въ рукахъ была закрытая корзина. Собака, выбѣжавъ изъ кануры, съ ужаснымъ лаемъ бросилась на нее и схватила ее за плашье. Побужденный состраданіемъ и вмѣшавъ любопытствомъ, я вскочилъ, и опогнавъ собаку, кошорой она чрезвычайно испугалась, схватилъ ее за руку и ввелъ въ нашъ домикъ. Вошедши туда, она шончасъ открыла корзину; дѣши Пасшора и я, увидя, что въ ней находились разныя игрушки, съ воспоргомъ окружили незнакомку.

„Сшупай, сшупай, голубушка,“ сказала сей послѣдней жена Пасшора: „здѣсь не спануть плашить денегъ за шакіе пустяки.“ — „Сударыня,“ возразила незнакомка, улыбаясь: „мнѣ не надобны деньги; пускай эшо дшпл, (указывая на меня) выбереть, что ему по-

нравится, а вы пожалуйте мнѣ какое нибудь изъ старыхъ его плашницъ: оно будеть въ пору моему сыну, и я останусь весьма довольна.“ Мы уже начали рышья въ корзинку, Пасшорша сердилась, бранила насъ, и пошомъ однако общала пріискашь какое нибудь старое мое плашье и пошла за нимъ. Я выбралъ деревянную саблю, шакое же ружье, и любовался ими, между шѣмъ какъ незнакомка посмащривала на меня и улыбалась. Пасшорша возвратилась и вручила ей общанное плашье. „Будь всегда добръ“ сказала мнѣ шогда продавщица игрушки, и съ сими словами удалилась. Я и донинѣ еще помню лице и голосъ сей женщины: шогда мнѣ очень хотѣлось ишши въ слѣдъ за нею. Во весь шомъ вечеръ я былъ очень доволенъ и весель. Слѣдующій день былъ Воскресный; пошпру хозяева дома пошли въ церковь, шоварищи мои бѣгали по полямъ, а я, сидя подъ липою при входѣ въ наше селеніе, вдругъ увидѣлъ незнакомку, кошорая была у насъ наканунѣ. Она шла изъ ближней гостиницы, бывшей на дорогѣ; увидѣвъ меня, приблизилась, поклонилась и съла возлѣ на скамьѣ. Помолчавъ нѣсколько минушь, она спросила меня о моемъ имени. Я сказалъ ей. — „Любезный Юлій,“ продолжала она: „вчера я не могла ошблагодарить тебя

за то, что ты ошогнала опять меня собаку, и хочу теперь это сделать.“ Тышь подала она мнѣ маленькую книжку, красиво переплетенную въ алый сафьянъ. Раскрываю и вижу множество картинокъ, которыя означали или что нибудь или Библии, или что нибудь нравственное, съ толкованіемъ въ подписи. При каждой картинкѣ находился бѣлый листокъ. „Эта маленькій календарь, Юлій, продолжала незнакомка: „тышь находишь столько листочковъ, сколько дней въ году. Прочитайвай всякій вечеръ одно изъ сихъ правоученій, спрашивай самъ себя, исполнилъ ли ты въ продолженіе дня то, что оно содержитъ, и пусть совѣсть твоя надиктуешь тебѣ ошвышь, пиши его на бѣленькомъ листочкѣ и спарайся не пропускашь безъ того ни одного дня. Дашь ли ты мнѣ въ этомъ обѣщаніе, милый Юлій?“ прибавила она, съ нѣжностію меня обнимая. — Я былъ распроганъ ея ласками, и со слезами обѣщавая исполняшь ея требованіе. Выслушавъ мои слова, она вскочила и съ поспѣшностію меня оставила; я было побѣждалъ за нею, но напрасно; она вмигъ исчезла за деревьями. — Чрезъ нѣсколько минушь, слышала я въ лѣсу звукъ почтового рожка и стукъ повозки: чувствую сказало мнѣ, что въ ней побѣжала незнакомка,

и въ самомъ дѣлѣ, я съ шѣхъ поръ не видаль ее. Прежде я много посковаля объ ней, но пошомъ ушѣшился; однако и до нынѣ еще помню ту, которая ласкала меня съ машеринскою нѣжностію и научила цѣнишь сладосныя чувства симпатіи, ибо я въ самомъ дѣлѣ полюбилъ ее опять всего сердца.

Я молчала о семъ приключеніи и ни-кто не зналь, что я еще разъ видѣлся съ незнакомкою. Ночью, подарокъ ея былъ у меня подъ подушкою, днемъ на груди моей, и сія драгоценная книжка хранилась мною и въ училищѣ, куда Герцогъ, вспомнивъ послѣ того вскорѣ о заслугахъ ошца моего, велѣль помѣстивъ меня. Часно я забывалъ прочитывавъ нравоучительныя толкованія; но часно шакже одинъ взоръ, обращаемый мною на розовую книжку, напоминаль мнѣ добрую незнакомку съ обѣщаніемъ, ей даннымъ, и укроцалъ порывы пылкаго, упорнаго моего характера. Кто можешь изъяснишь, какими пушями небо ведетъ къ добродѣтели сердце человеческое? Безъ сего приключенія, по видному ничего не значущаго, я былъ бы, можешь спашься, самымъ порочнымъ человекомъ. Никогда не рассказывалъ я тебѣ о помѣ, Феликсъ, пошому что удовольствія, которыми я наслаждался съ тобою, не ошпывали мнѣ времени воспоминашь о дѣшисшѣ

моємъ и о сей незнакомкѣ; но здѣсь, въ этой пустынь, при видѣ невиннаго спрадальца, угнетеннаго жестокостію себя подобнаго, при видѣ всего, что есть ужаснѣйшаго въ сердцѣ человѣческомъ, я спрашусь сдѣлаться совершеннымъ мизантропомъ, а потому хочу и долженъ вспоминать о сей женщи-нѣ, которая, какъ ангелъ небесный, явилась предо мною, вѣроятно для того, чтобы укрѣпить меня на пути добродѣтели.

При чтеніи сихъ спрокъ, ты конечно скажешь, что въ уединеніи обыкновенно уже слишкомъ много занимающа собою; но право, теперь я ни мало не думаю о себѣ самомъ.

Нѣтъ, онъ не безъ ума, не бѣшеный, и я понять не могу, почему его такъ называюшь. Я опять его видѣлъ, говорилъ съ нимъ; это было въ прекрасный вечеръ Февраля мѣсяца, когда уже начинаешь чувствовать приближеніе весны; нѣсколько разъ покушался я отправиться для прогулки въ горы, но еще ни однажды не рѣшился исполнить сего желанія: мнѣ жаль было огорчить моего пѣвника, напомнивъ ему о томъ, чѣмъ онъ не можешь наслаждаться; а потому и на сей разъ я довольствовался только шѣмъ, что сошелъ на террасу и прохаживался вокругъ стѣны. Вдругъ яв-

ляется Принцъ, въ сопровожденіи смотрителя замка и двухъ служителей; встрѣча со мною удивила его; безъ всякаго вниманія, даже съ гордостію, поклонился онъ мнѣ: но это было невольное и даже весьма естественное движеніе при видѣ того, кто былъ орудіемъ жестокой власти; вскорѣ доброта души побѣдила сіе чувство; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ ласково: „какъ мнѣ жаль васъ, бѣдный молодой человекъ! Въ ваши лѣта неприлично жить въ такомъ уединеніи: тому, кто еще можешь чувствовать цѣну жизни и ея удовольствія, тому должно бытъ здѣсь очень грустно . . . „Ахъ, Принцъ“ оцѣвчалъ я въ умиленіи: „я былъ бы настоящимъ эгоистомъ, существо презрѣнія достойное, когда бы, находясь здѣсь, помышлялъ только о самомъ себѣ и о наслажденіяхъ, которыми не могу нѣтъ пользоваться!“ Разговаривая такимъ образомъ, мы возвратились на террасу. Я взглянулъ на Принца; онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на меня и дрожащимъ голосомъ спросилъ о моемъ имени. „Юлій, сынъ Генерала Винфельда“ повторишь онъ нѣсколько разъ, когда я назвалъ себя: „но мнѣ помнишь, у него не было дѣтей; а сколько вамъ лѣтъ?“ — „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ исполнится двадцать одинъ годъ,“ оцѣвчалъ я, съ смущеніемъ произнося счесть

лѣтъ, сославляющихъ время его заключенія. — „Двадцать одинъ годъ? Ахъ, съ этого времени я ни о чемъ уже не могу знать! Васъ зовутъ Юліемъ, не шакъ ли? Сила воспоминаній,“ продолжалъ онъ: „служить неоспоримымъ доказательствомъ, что душа человѣческая безсмертна, пошому что и самое время не дѣлаешь никакого вліянія на нравственное бытіе наше. Воображеніе приводитъ мнѣ на память всѣ прежнія мои связи столь живо, какъ будто бы онъ еще существовали. Я знавалъ вашихъ родныхъ, часто видалъ вашего бапюшку,“ сказалъ онъ послѣ нѣкошораго молчанія: „и шакъ просише моему любопытству, и скажише мнѣ, живы ли ваши родители?“

„Нѣтъ, Милостивый Государь, я лишился ихъ еще въ дѣтствѣ: мнѣ было пять лѣтъ, когда бапюшку убили на сраженіи; а чрезъ три года скончалась и мапушка, въ Англїи, куда поѣхала она съ Принцессою, вашею сесиприцею.“

„Въ Англїи! съ моею сесипрою!“ повторилъ онъ. При сихъ словахъ черны лица его измѣнились и показывали что-то мрачное, похожее въ самомъ дѣлѣ на сумасшествіе. „Такъ, почшо шакъ! Жалкій сирота!“ прибавилъ онъ, простирая ко мнѣ руку. Я схватилъ ее, Феликсъ, и съ сердеч-

нымъ чувствомъ прижалъ къ губамъ моимъ. „Прощайше,“ сказалъ мнѣ тогда Принцъ: „прощайше Юліи, я васъ задержалъ... можетъ быть вамъ это непріятно...“ Онъ пошелъ. — „Ахъ! Принцъ,“ вскричалъ я распроганный его словами, голосомъ, а всего болѣе мыслію о его спраданіяхъ: „будьте увѣрены, что первое мое желаніе есть то, чтобъ доказать вамъ, сколь дорого цѣню я ваше сообщество. Яочень желалъ васъ видѣть, но меня увѣрили, что Ваше Высочество никого не принимаете.“ Принцъ горько улыбнулся. — „Вамъ и еще что нибудь скажущъ,“ возразилъ онъ очень тихо, ибо смолришель замка приближался къ намъ въ сіе время, „не станемъ теперь говорить объ этомъ. Прощайше, Юліи!“ И крѣпко пожавъ мою руку, скорыми шагами пошелъ онъ къ себѣ. Съ часъ уже слушаю я, какъ онъ играетъ на флейтѣ: какая нѣжная, прогашельная мелодія! Нѣтъ, Феликсъ, звуки сіи не доказывающъ разспроенной головы: они суть вопли сердца, расперзаннаго печалію! Но что означать смущеніе, являвшееся на лицѣ его всякій разъ, когда онъ называлъ меня по имени? Неужели это дѣйствіе воображенія, возмущеннаго какимъ нибудь воспоминаніемъ? Можетъ быть, кто нибудь изъ друзей его назывался Юліемъ? Онъ съ умиленіемъ про-

вносилъ это имя!... Завтра я его увижу! и — если онъ пожелаетъ, то, никогда, никогда уже не оставлю его, посвящу ему сердце и самую жизнь мою! Нѣжная симпатія, кошорая кажется мнѣ взаимною, влечетъ меня къ Принцу.

Проклятый смошришель замка! Ни одной минушы не могли мы съ Принцемъ побыть наединѣ: или онъ, или кошорый нибудь изъ двухъ служителей, вѣроятно подученныхъ, безпрестанно шорчатъ при насъ въ комнашѣ. Неужели сей церберъ завидуешь здополучному пѣвнику въ ушнении — пользоваться общесшвомъ кого нибудь другаго, кромѣ самого его? Я не обязанъ предъ нимъ унижаться и, вопреки его возраженіямъ, уничтожилъ двойную спражу. Вчера, Феликсъ, былъ я у Принца. Онъ принялъ меня въ своей комнашѣ, ошкуда видна рѣка. У стѣны стоятъ два большіе шкафа со стеклами. Въ одномъ книги, а въ другомъ охотничьи ружья. Нѣсколько кѣшочекъ съ разными пищаами и одна съ прекраснѣйшимъ попугаемъ, разсшавлены по окнамъ. Принцъ сидѣлъ на софѣ; у ногъ его лежала борзая собака; предъ софою стоить большой столъ, на кошоромъ видѣлъ я бумаги, перья, книги, почешные знаки его званія, сухіе цѣшшы, чернильницу, флейшу, и — что меня весьма

удивило, даже ужаснуло, женскую полумаску изъ чернаго бархану. Всѣ эти вещи были въ безпорядкѣ разбросаны по столу.

„Не правда ли, Юлій,“ сказала мнѣ Принцъ всшавая: „что шюрма моя не такъ печальна, какъ вы, можете бышь, воображали? воспоминанія мои со мною: никто не можете лишишь меня сей ошрады!“ — Говоря это, онъ сѣлъ на софу и предложилъ мнѣ кресла, возлѣ стоявшія. Старая, вѣрная собака проснулась, посмошрѣла на меня, пошомъ начала лизать руки своего господина, какъ будто бы хотѣла сказать, что она знаетъ шолько одного его, и вскорѣ опять заснула. Принцъ погладилъ ее и сказалъ съ нѣжностію; „Поллуксъ и на войнѣ и на охотѣ доказывалъ мнѣ свою привязанность: провидніе сохраняешь его для меня долѣе, нежели сколько обыкновенно продолжается жизнь сихъ шварей; но, кажется, онъ скоро уже меня оставишь: о, какъ горько мнѣ будетъ, если жизнь его окончится прежде моей!...“ Взоръ его съ горестію успремился на собаку и, казалось, говорилъ: „кто будетъ любить меня послѣ швоей смерти?“ О! если бы въ сію минушу, онъ могъ чшпашъ въ душѣ моей, то ясно бы увидѣлъ, что и послѣ смерти Поллукса, у него еще останется другъ, сердечно ему преданный!

Въ самую эту минуту поугай закричалъ: прости, прости! прощай, прощай!.... „Посмотрите,“ возразилъ Принцъ, улыбаясь: „онъ какъ будто угадалъ мои мысли и опъвѣчаешь на нихъ; и это не рѣдко съ нимъ случается. Право, его разговоры предпочтительнѣе для меня шѣхъ, которые всегда почти означаютъ пустошу головы и сердца.“

Между шѣмъ я находился въ чрезвычайномъ волненіи, и голова была, если бы не удерживало меня присутствіе угрюмаго смотрителя, бросишься къ ногамъ Принца и скажешь ему о живѣйшемъ участіи, какое принимаю я въ его положеніи. Въроянно, онъ примѣнилъ изъ лица моего внутреннее движеніе, пошому что немедленно переѣнили разговоръ и началъ спрашивать меня о разныхъ незначительныхъ предметахъ, между прочимъ: люблю ли я охоту и почему не пользуюсь здѣсь этимъ удовольствіемъ? Я спарался опъвѣчать ему хладнокровно и, по возможности, довольно скрывалъ свои чувства; но когда онъ подвелъ меня къ шкафу, и показывалъ разные ружья, началъ говорить мнѣ о прежней своей шпрасши къ охотѣ, и о томъ, какъ весело до его заключенія проходило для всѣхъ время въ этомъ замкѣ, тогда я не могъ болѣе владѣть собою, залился слезами,

схватили его руку, хотѣлъ прижать ее къ губамъ моимъ и невольно произнесъ: „а шеперь, о Боже! вы ничѣмъ уже не наслаждаетесь!“ Онъ закрылъ мнѣ легонько ротъ рукою; въ эту минуту подошелъ къ намъ смотритель замка, но увидѣвъ, что мы разсматривали ружья, удалился, приказавъ одному изъ служителей стоять у дверей, именно шому угрюмому существу, которое приходило всякій день въ мою комнату разводить огонь въ каминѣ и никогда не опъвѣчало мнѣ на разные мои вопросы. Раздраженный его молчаніемъ, я давно уже не говорилъ съ нимъ ни слова, а въ эти минуты, присутствіе его было для меня почти нестерпимо. Принцъ взглянулъ на него, пошомъ взялъ ружье и, какъ будто говоря о немъ, сказалъ: „этошъ не можешь измѣнить намъ; онъ глухъ и немъ; хищрый смотритель съ намѣреніемъ держитъ его у себя; онъ нуженъ ему для исполненія разныхъ тайныхъ порученій; примите видъ равнодушія и не смотрите на меня. Дайте мнѣ воспользоваться сими минушами, любезный Юлій, и скажешь вамъ, что я опъ всего сердца полюбилъ васъ; вижу, сколько участие моя васъ прогаешь... Выбравъ васъ, брашъ мой обманулся; вы совсѣмъ неспособны для должности, вамъ порученной; но, прошу

васъ, спарайшесь какъ можно скрываетъ
 свои чувства: ваша ко мнѣ приверженность
 можешь погубить насъ обоихъ.“ При сихъ
 послѣднихъ словахъ, я заперешала и по-
 шупилъ глаза. Принцъ, видя, что не умѣю
 припвориться, подошелъ къ окну, оборо-
 нился ко мнѣ, и шакимъ образомъ нѣкому
 служившело не льзя было видѣть лица мое-
 го. — Послѣ того онъ долго молчалъ, смо-
 шрѣлъ на меня, и пошомъ съ припворнымъ
 равнодушіемъ сказалъ: „сколько разъ встрѣ-
 чалъ я смернь на моряхъ и въ сраженіяхъ, а
 все еще существую!... Но что значать
 ужасы войны и бури морскія прошиву вол-
 ненія спрасшей!... Съ какою силою чув-
 ствовалъя попеременно любовь и ненависть!..
 Сколько мученій прешерпѣлъ, бывъ жершвою
 измѣны, жестокости, коварства!... Толь-
 ко среди сихъ стѣнъ обрѣлъ я наконецъ спо-
 койствіе, и нынѣ живу въ мѣрѣ съ самимъ
 собою. Я всемъ просшилъ, и надѣюсь,“ при-
 бавилъ онъ, обращая взоры къ небу,“ надѣюсь
 и самъ получишь нѣкогда прощеніе. Правда,
 и заслужилъ названіе преступника; но —
 послѣ всехъ моихъ спраданій, не шеряю на-
 дежды на милосердіе Божіе!“ Онъ замолчалъ
 и чрезъ нѣсколько минушь продолжалъ уже
 гораздо спокойнѣе: „Юлій, непонятная си-
 ла влеченья меня къ вамъ: будьте увѣрены,

что нынѣ, если бы я и могъ убѣждать оп-
 шюда, но никакъ не рѣшился бы оставишь
 это жилище. Свѣнъ давно уже для меня не
 существуешь; въ немъ нѣтъ ничего, для ме-
 ня любезнаго: все то, что я люблю, и что
 ко мнѣ привязано, находится со мною.,,
 При сихъ словахъ онъ съ нѣжностію взгля-
 нулъ на меня, пошомъ на собаку и на птиць.
 Взоры его, на меня усшремленные, любез-
 ный Феликсъ, показывали какое-то нѣжное
 чувство, котораго я шебѣ изьяснишь не
 умѣю. Ахъ! сколь много люблю я и уважаю
 несчастнаго Принца!... Гошовъ посвянишь
 ему всю жизнь мою, если бѣ шолько могъ
 свободно выдаться съ нимъ, ушѣшашъ его
 и наконецъ получишь его довѣренность!
 Никогда еще въ жизни моей не ошущалъ я
 ни къ кому шакого сильнаго влеченія, какъ
 къ сему злополучному... Но это не ешь
 сила дружбы, Феликсъ: чувство сіе соеди-
 няетъ меня съ шобою! Привязанность моя
 къ Принцу Карлу совсѣмъ другаго рода: она
 соединена съ почшеніемъ, удивленіемъ, со-
 спраданіемъ и желаніемъ бышь ему въ чемъ
 нибудь полезнымъ. Я не смѣю назвашъ себя
 его другомъ; и льша мои и званіе лишають
 меня правъ на сіе имя; но я увѣренъ, что
 сердца наши соединены сладостною, взаим-
 ною симпатією. Иногда мнѣ кажется, что

онъ какъ будто желаетъ побѣдить чувство, ко мнѣ его влекущее; вздыхаетъ, старается ошвратить ошъ меня взоры свои, и вскорѣ ошшь обращая ихъ на меня съ чрезвычайною нѣжносшю, по видимому борется съ какимъ-шо пршннымъ и вмѣстѣ горесшнымъ воспоминанемъ. Можешь бышь ему хошьлось бы расказать мнѣ испоршю бѣдственной жизни своей и даже ошкрышь преступленше, въ кошоромъ онъ себя упрекаетъ; но, вѣроятно, молодость моя и порученная мнѣ должность удерживаютъ его ошъ сего намѣреня. *Преступленше!* Ужасное слово! Зачѣмъ онъ произнесъ его, зачѣмъ я его услышала! Онъ самъ обвиняетъ себя имъ и благодаритъ Провидѣнше, что Оно, удаливъ его ошъ свѣта, привело къ раскаяншю... Ахъ! всѣ чувства мои въ ужасномъ смяшенш... Но какое преступленше могла сдѣлать вша крошкая, ангельская душа?..

Онъ нездоровъ, и сего дня меня не принялъ. Я и самъ болѣнъ: воздухъ здѣсь весьма для меня вреденъ. Я намѣренъ когда нибудь пошпру ошправиться въ лѣсъ. Мнѣ нужно движенше: можешь бышь прогулка разсѣетъ грусть мою. Сердце мое спрадетъ, но кто же на землѣ можешь радоваться? Ахъ, и Принцъ несчастливъ!...

Нѣмой приходилъ ко мнѣ по обыкновешю, запоишь каминъ: взглянувъ на него, я вспомнилъ о подобныхъ невольникахъ въ Турщш, на кошорыхъ возлагаютъ ужасныя порученя, и невольно содрогнулся. Однако мнѣ должно было загладишь предъ нимъ вину мою: я считала его грубияномъ, тогда, какъ онъ и со всею доброю волею не могъ ошвѣчать мнѣ. Я ласково смошрѣлъ на него, онъ улыбался; я предложилъ ему червонецъ; онъ радостно посмашривалъ на золото, но не рѣшился взять его, и, какъ будто размышляя объ услугѣ, какую могутъ ошъ него за шо пошребовать, съ соспранданемъ взглянулъ на окна комнашы Принцевой, изъявля мнѣ знаками, что въ селъ случаѣ ничего не можешь сдѣлать. Я съ своей стороны старался увѣришь его, что этого и не шребую: тогда, взявши червонецъ, онъ низко поклонился мнѣ и вышелъ изъ комнашы. — Эшошь человекъ очень дурень собою, но видъ его не показываешь злости; можешь спасться, со временемъ, услуги его будутъ мнѣ нужны.

Какъ я не могу видѣть сего дня любезнаго арестанта, шо и хочу немедленно ошправиться въ лѣсъ.

Посль прогулки.

Богъ знаешь, гдѣ я былъ! Другой предметъ, заслуживающій участіе не менѣе Принца, занимаетъ шеперь мои мысли.

Приблизясь къ лѣсу, я повѣхалъ по первой дорожкѣ, шуда ведущей. Спрашно, что судьба безпрестанно являетъ мнѣ что нибудь таинственнае. Нѣсколько времени вздидъ я полѣсу, и однако не шерялъ изъ виду моего жилища, какъ вдругъ сквозь вѣтви елей, примѣчаю зданіе, совсѣмъ почти развалившееся. Я прищпорилъ лошадь и вмгъ очутился у большихъ ворошь. Мнѣ чрезвычайно хошѣлось узнать, живешъ ли кто въ эпомъ замкѣ. Дворъ былъ совершенно пустъ; вороша запершы; я старался разсмошрѣшь на нихъ гербъ; какъ вдругъ, сквозь рѣшетку забора, вижу: отворилась дверь, и мальчикъ свель съ крыльца какую-то женщину. Они подошли къ ворошамъ, и пока оширали ихъ, я очень могъ разсмошрѣшь незнакомку, и увидѣлъ, что она была уже не молодыхъ лѣшь, имѣла величественную осанку и пріятное лице, на кошоромъ примѣшны были слѣды грусти. Мальчикъ, кошорый вель ее, шепнулъ ей что-то на ухо; шущъ прекрасные голубые глаза неизвѣстной дамы начали обращать на всѣ спо-

роны, какъ будшо бы кого искали, и я пошчасъ понялъ, что она слѣпа. Мнѣ стало жаль ее. Воображеніе вмгъ перенесло меня въ прошедшее и образъ доброй незнакомки, подарившей меня розовою книжкою, явился предо мною: мнѣ показалось, что черты лица слѣпой дамы имѣли сходство съ шюю, кошорая, нѣкогда, ласками своими поселила въ сердцѣ моемъ весьма нѣжныя чувшва. Мысль сія неволью занимала меня; въ эту минушу слѣпая незнакомка, съ юнымъ проводникомъ, вышли изъ ворошь и направили пушь къ горамъ. Когда они проходили мимо меня, мальчикъ ояшъ что-то шепнулъ ей, она улыбнулась и — эпа улыбка напечатлѣлась въ душѣ моей. Я было хошѣлъ за нею послѣдовать, но она пошла шакою пропнкою, по кошорой на лошади невозможно было проѣхашъ. Я ояшъ возвратился къ замку, въ надеждѣ увидѣшь кого нибудь изъ людей и распросишь о слѣпой дамѣ, но никшо не повешрѣчался со мною. Около часа прошло въ шщешномъ ожиданіи; шущъ я ояшъ увидѣлъ незнакомку, возвращающуюся съ прогулки, но она уже не улыбалась, а горько плакала и оширала плашкомъ глаза свои; слезы ея меня шерзали: уже я намѣревался сойти съ лошади, подойши къ ней и распросишь ее о причинѣ печали, но

мальчикъ, когда ввель ее въ воропа, немедленно заперъ ихъ снушри. Намѣреніе мое оспалось невыполненнымъ и, можешь бышь, къ счастью: чѣмъ бы извинишь мнѣ послѣ свое любопытство и нескромность? — Воспоминаніемъ дѣтства? — Но могло ли оно послужить достапочною причиною къ моему оправданію?

Я повхаль домой шагомъ, и дорогою размышлялъ о слѣпой незнакомкѣ. Кто она шакова? Для чего жила въ шакомъ пущомъ мѣстѣ? За чѣмъ ходила въ горы? Ошправляя въ пущь, видъ ея показывалъ веселіе, и опъ чего же, возвращаясь опшуда, проливала она слезы? Мысли сіи попеременно занимали меня; погрузясь въ нихъ, я встрѣпилъ одного молодого охощника. „Не можешь ли, другъ мой,“ спросилъ я его: „скажашь, кто живешь въ эшѣхъ развалинахъ?“

„Какая-шо Англичанка,“ опшвѣчалъ охощникъ. „Она слѣпа, но говорашь, что эшо еще недавно, а прежде, когда она здѣсь поселилась, глаза ея шолько болѣли. Она очень привыкла къ здѣшнимъ мѣстамъ, всѣ дороги ей извѣсны, но по причинѣ слѣпошы, не можешь ходишь одна, и меньшей брашъ мой всегда ее провожашь.“

— „Да не знаешь ли шы, какъ ее зовушь и ошкуда она?“

„Имя ея, сударь, я часто слыхалъ, но оно шакое мудренное... я позабылъ его, а прѣехала она конечно изъ Англїи, пошому что ее всегда называюшь Англичанкою.“

— „Говоришь ли она по-Нѣмецки?“

„Какъ нельзя лучше. А съ спарою прїяшельницею своею она говоришь всегда по-Англїйски...“

— „Такъ она не одна живешь въ замкѣ?“ —

„Не одна. Ея прїяшельница всегда съ нею, шолько не ходишь на горы: бѣдняжка не въ силахъ всходишь шакъ высоко, а слѣпая-шо барыня, и въ дождь и въ снѣгъ, всякій день шамъ бывашь, особливо по вечерамъ... Брашъ мой взведешь ее всегда на самую вершину; она шущь сядешь, да и слушаешь, какъ сумасшедшїй господишь, заключенный въ Шаршшейтъ, играешь на флейшѣ: она говоришь, что эша музыка ей очень прїятна. А когда флейшы не слышно, шо она запечалилась и возвращишь домой со слезами. Спранные люди эши Англичане! Но прощайте, сударь, мнѣ болѣе нѣчего скажашь вамъ.“

И все шаки я не узналъ ничего, кромѣ шого, что въ развалинахъ обишашь несчастное существо, кошораго звуки флейшы Принцевой прогаюшь шолько же, какъ

и меня. Англичанка! Это слово возобновляетъ воспоминанія моего младенчества, поселившіяся въ моемъ сердцѣ прежде еще, нежели я видѣлъ незнакомку, которая подарила мнѣ розовую книжку. Я помню какъ во снѣ, что машушка моя получала иногда письма изъ Англіи, и читая ихъ, всегда проливала слезы; а когда я спрашивалъ ее, охъ кого эти письма и о чемъ она плачетъ, то всегда получала въ отвѣтъ, что письма охъ прекрасной моей пешушки, а слезы о томъ, что эта пешушка несчастлива. И когда я снова спрашивалъ машушку, почему называла она хорошенькую пешушку мою несчастливою, то причиною тому назывались ея болѣзни. Я не понималъ и не могъ понять, кто такая была прекрасная моя пешушка, но часто объ ней думалъ и всякій день молился за нее, по приказанію машушки. Когда сія послѣдняя увѣжала въ Англію съ молодою Принцессою, то я просилъ ее кланяться охъ меня прекрасной и несчастливой моей пешушкѣ. Признаюсь, что съ этимъ отвѣдомъ я пересталъ думать о пешушкѣ; но самъ не понимаю, охъ чего, увидя слѣдную незнакомку, невольно о ней вспомнилъ. Жива ли она еще, или уже нѣтъ, я этого не знаю, но знаю только

то, что теперь, думая о слѣдной Англичанкѣ, не могу не помышлять вмѣстѣ и о ней.

Всю ночь думалъ я о слѣдной незнакомкѣ и о Принцѣ. Мнѣ кажется, что какая-то шайная, чудесная симпатія соединяетъ души сихъ несчастныхъ. Извѣстна ли она Принцу? Знаешь ли охъ, что она всякій вечеръ ходитъ слушать игру его на флейтѣ? Конечно нѣтъ; иначе охъ старался бы каждый вечеръ доставлять ей эту единственную охраду.

Увы, она и сегодня не услышитъ горестной мелодіи, ее упѣвающей!... Опять будетъ грустить и обливаться слезами!... Принцъ очень болѣвъ; щедро просилъ и смотрителя замка допустить меня къ нему: охъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ томъ. Право, это охъ человекъ скоро заставитъ меня потерять шерпѣіе. Нѣмой наблюдаетъ все шаги мои и безпрестанно смотритъ мнѣ въ глаза; не знаю, по приказанію ли смотрителя охъ такъ меня преслѣдуетъ, или желаетъ сообщить мнѣ что нибудь важное? Сегодня по упру, запивши каминь, охъ подошелъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, смотря на окна Принцовой комнаты, показывалъ знаками, какъ будто бы

кшо роешь въ землѣ, и попомъ, взявши дорожный мой ларчикъ, поставилъ его на полъ. Чшо такое хотѣлъ онъ изъяснить мнѣ? Неужели смерть и погребеніе Принца? Мнѣ шакъ горько спало.... Я было подаъ ему перо, но онъ не умѣешь писашъ. Съ сей минушы болѣзнь Принца огорчаешъ и шревожишь меня еще болѣе. Я непременно хочу его видѣшь и, въ случаѣ нужды, позовашъ Докшора. Если же смошришешъ вздумаешъ опяшь опказашъ мнѣ, шо я намѣрень упошребить власшь. Въ повелѣніи Герцога именно сказано объ эшомъ.

Онъ самъ виновашъ. Ты конечно понимаешъ, чшо я говорю о смошришешъ замка. Мнѣ нѣчего было дѣлашь. По моему приказанію, онъ подѣ спрашею. Теперь пошлешъ къ Принцу; можешъ бышь сего дня же все узнаю....

Наконецъ паншомими нѣмага объяснились. Комнашу смошришеша счелъ я не слишкомъ надежною и велѣлъ опवेशъ его въ башню. Нѣмой, казалось, шому обрадовался и, взявъ меня за руку, привелъ въ его жилище. Тогда, приблизясь къ одной споронѣ комнашы, началъ онъ спучашъ ногами по полу; я поднялъ доску на эшомъ мѣстѣ,

и увидѣлъ ларчикъ, кошорый легкостыкъ своею доказывалъ, чшо въ немъ находяшся не деньги. Поспавивъ ларчикъ на столъ, я началъ размышляшь, нести ли мнѣ его немедленно къ Принцу, или узнашь прежде, чшо въ немъ шакое? Опасался зашрудненія и совѣстности Принца, я рѣшилъ на послѣднее. Открываю ларчикъ, нахожу письмо и еще разныя бумаги съ надписью:

„Принцу Карлу. Вручешъ въ смертныи „часъ его, или послѣ смерти Владѣшельнаго „Герцога.“

Схвашивъ бумаги, я пошлѣлъ къ Принцу, и нашелъ его лежащимъ въ постель. „Ваше Высочештво,“ вскричалъ я: „эши бумаги принадлежатъ вамъ!“

Принцъ взглянулъ на надпись, и блѣдныя щеки его покрылись румянцемъ. „Не умеръ ли брашъ мой,“ спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ: „или болѣзнь мою считаешъ опасною?“

— „О нѣшь, Принцъ,“ опвѣчалъ я, и шотчасъ рассказалъ ему обо всемъ случившемся. „О Провидѣніе!“ вскричалъ онъ, пришедши и обращая глаза къ небу. Но попомъ, снявъ обершку и взглянувъ на бумаги, въ ней находившіяся, вскричалъ: „возмише, возмише эши бумаги, бросше ихъ, сожгите, оставше меня умерешъ, не оп-

кривая никому того, что должен и хочу позабыть!... Благодарю вас, Юлій, за вашу приверженность, но, вы не можете знать, какое мучение причиняете мне ею!...“ И при сих словах он почти без чувств упал на подушки.

„Что вы говорите, Принц,“ возразил я, падая на колѣни возлѣ его кровати: „нѣтъ, нѣтъ, вы непременно должны прочитать бумаги, онѣ конечно содержатъ что нибудь важное. Зачемъ же было бы читать ихъ такимъ образомъ? Какой-то шайный голосъ говоришь мне, что чтение ихъ будетъ вамъ очень утѣшительно. Я не возьму ихъ, дражайшій Принцъ, пока вы не прочтете.“

Казалось, Принцъ былъ въ недоумѣніи и боролся самъ съ собою; но потомъ, съ пріятною улыбкою, швердымъ, рѣшишельнымъ голосомъ, возразилъ: „мнѣ трудно отказать тебѣ, юный другъ мой; непріятно мнѣ и то, что швое ко мнѣ усердіе останется бесполезнымъ; но право, я боюсь, чтобы это чтение не возбудило во мнѣ прежнихъ мученій, ненависти, которую наконецъ побѣдилъ я... Невольно долженъ буду я вспомнить злобу, измѣну, несправедливость...“

— „Можешь быть вы были въ заблужденіи,“ прервалъ я: „можешь быть, бумаги эти откроютъ вамъ истину и примирятъ васъ съ шими, которыхъ считали вы виновными!...“

„Что за существо,“ вскричалъ Принцъ: „говорящее со мною такимъ образомъ? Твой видъ съ первой минуты лишилъ меня спокойствія, которымъ начиналъ было я наслаждаться: ахъ, сколько воспоминаній пробудилось тогда въ душѣ моей!...“

— „Можешь спать, Принцъ,“ отвѣчала я: „самъ Богъ призвалъ меня сюда, чтобы я служилъ орудіемъ къ облегченію вашей участи!...“

„Молодой человекъ! можешь ли ты проникать въ глубину судебъ Божіихъ!... Но Его воля продолжающа мои сраданія; но, — слава Его милосердію! сердце мое очистилося ими: на что же мнѣ добровольно возвращаться къ пресупленію?... Если эти бумаги, какъ я уже сказалъ, должны возжечь снова искру ненависти, едва только пошущую въ душѣ моей, то не лучше ли вовсе не читать ихъ?“

— „Нѣтъ, Принцъ,“ вскричалъ я съ шакою смѣлостію, которая самого меня удивила: „нѣтъ, это не есть искушеніе: десница Божія ведетъ насъ къ открытію

испины! — Не по Его ли опредѣленію послалъ я сюда, чтобы открышь тайну, извѣстность которой легко можешь прекратить ваши мученія?...“ Принцъ молчалъ и казалось удивлялся словамъ моимъ. „Юлій,“ сказалъ онъ спусти нѣсколько минушь, „вамъ извѣстно, что я былъ въ сумасшествіи, которое доходило до бѣшенства: боюсь, чтобы эти бумаги не возобновили ужаснаго моего положенія... Нѣтъ, нѣтъ, лучше оставашся въ неизвѣстности...“

— „Вѣрше, Принцъ,“ возразилъ я: „что если бы онъ содержалъ что нибудь такое, что могло бы сдѣлать васъ еще несчастнѣе, то давно бы уже ихъ вамъ вручили; но нѣтъ, предчувствіе говоритъ мнѣ, что чтеніе оныхъ доставитъ вамъ неожиданное успѣшеніе.“

Онъ печально покачалъ головою, и однако принялся за бумаги. „Ахъ! молодой человекъ,“ сказалъ онъ тихо: „ты не понимаешь, не можешь вообразить себя, на что заставляешь меня рѣшиться!...“

Онъ взялъ пакетъ, взглянулъ на печать и, вскричавъ: „ошъ брата!“ вмгъ сорвалъ ее. Въ продолженіе чтенія, глаза его сверкали и цвѣтъ лица нѣсколько разъ перемѣнился. „Возьми его, Юлій,“ вскричалъ онъ, подавая мнѣ письмо: „прочти, но, ради Бога,

удались: я хочу быть одинъ. Жалкій, жалкій о помъ, кто двадцать одинъ годъ былъ жертвою обмана! О, Юлія! какъ я виновенъ предъ тобою!... И я могъ почищать себя вѣроломною!...“ Онъ замолчалъ и указывалъ мнѣ на дверь. Я повиновался. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его требовало единенія.

Я слышалъ о Графинѣ Юліи Блендгеймъ, бывшей Спашсъ-Дамой Герцогини. Оба брата влюбилась въ нее, и спросить сія была причиною ихъ вражды и сумасшествія Принца Карла, которому, говорятъ, она измѣнила. Нѣкоторыя слова злополучнаго арестанта еще болѣе убѣдили меня въ этомъ. Я зналъ, что любовь сдѣлала его бѣдствіе, и сильно негодовалъ на Юлію, вѣроятно давно уже несуществующую, какъ на женщину вѣроломную, бывшую главнѣйшею причиною всѣхъ несчастій Принца. Но нѣтъ, я, также какъ и онъ, находился въ заблужденіи. Прочти письмо брата его, и тогда ты узнаешь, какого злоумышленія былъ онъ жертвою. Теперь неоспоримыя доказательства невинности той, которую Принцъ любилъ споль нѣжно, находясь въ рукахъ его, и конечно послужатъ бальзамомъ для сердечныхъ его ранъ. Но какъ же можно не возненавидѣть ему еще болѣе сего

жестокато брата, который оставлялъ его помышья споль долгое время во мракъ неизвѣстности, и хотѣлъ опкрыть истину полько тогда, когда жертва его находилась бы уже при вратахъ смерти?

„Владѣтельный Герцогъ къ Принцу Карлу.

„Мишуа, въ кошорую ты будешь чинашь сѣ спроки, должна прекратишь всякую горешь, всѣ полезныя покушенія и даже самую вражду. Ты хотѣлъ лишишь меня жизни, я ошнѣялъ у тебя свободу; мы квиты: перестанемъ же ненавидѣть другъ друга! Я не хочу, чшобы у престола Вѣчной Истины ты подозрѣвалъ невинность и обвинялъ швоего брата въ шомъ, чшо онъ допустилъ тебя умереть въ заблужденіи. Въ сѣю шоржешвенную минушу, я не могу уже ничего скрывать ошъ тебя. Легковѣрный! Для чего попустилъ ты опупашь себя сѣшми обмана, оподозривъ сердце, кошорое исключительно тебѣ принадлежало?... Ревность ослѣпила тебя: ты не хотѣлъ внимашь шѣмъ, кошорые могли объяснить тебѣ истину, и вѣрилъ людямъ, издѣвавшимся надъ швоею простотою. Твой разсудокъ повергла въ заблужденіе —

„любовь; а мой — зашмилъ духъ мщенія!... Я былъ презираемъ, опшвергнушъ шюю, кошорую обожалъ еще прежде, нежели она тебя узнала; тебя, кошорого полюбила она съ первой минушы свиданія, тебя — шю и возненавидѣлъ я всей душою! Ты не могъ подозрѣвать меня въ эшомъ! Повѣрь мнѣ, Карль, чшо я спрадалъ болѣе, нежели самъ ты! По крайней мѣрѣ ты былъ любимъ ею, а меня она ненавидѣла и гнушалась мною: суди о моемъ несчастіи, о моемъ бѣшенствѣ, когда я скажу тебѣ, чшо ни ласки, ни угрозы, ни самое предложеніе брака не могли поколебать постоянства швоей Юліи: она оставила дворъ, сподшцу, можешь бышь давно лишилась жизни; и — все эшо для шого, чшобы пребышь тебѣ вѣрною!...

„Ты легко можешь понять, чшо политическія соотношенія наши не дозволяли мнѣ опкрыть тебѣ истину, прежде насупленія минушы, въ кошорую кто нибудь изъ насъ долженъ будешь разспашься съ жизнью. Я не хотѣлъ, чшобы мы явили собою зрѣлище враждующихъ брашьевь: эшо легко бы могло сдѣлаться опаснымъ для блага общешвеннаго. Спокойствіе, польза моего Государства шребовали жертвы: одинъ изъ насъ долженъ былъ умереть; при-

„знайся, могъ ли бы ты, будучи на моемъ
 „мѣстѣ, уступилъ добровольно власть и
 „правленіе надъ Государшвомъ кому нибудь
 „другому?... Согласился ли бы ты тогда
 „уступить мнѣ Юлію?... Такъ, Карлъ,
 „мое открытіе, мои желанія и пламенные
 „чувства, равно снѣдающія сердца наши,
 „дѣлали насъ непримиримыми врагами. Ни
 „узы крови, ни честь нашихъ фамилій, ни
 „страхъ политическій, не могли укропить
 „нашей ненависти. — Чшо же оставалось
 „дѣлать? Обмануть тебя!... Ревность есть
 „змѣй, кошораго ядъ, изливаясь въ сердце,
 „помрачаетъ и разумъ: ее умѣли возжечь
 „въ груди швоей и обратишь къ собствен-
 „ной швоей гибели; но я самъ чуюсь бы-
 „ло не сдѣлался жершвою моихъ злоумышле-
 „ній. Повѣривъ, чшо Юлія согласилась, изъ
 „честоплюбія, на мое предложеніе, ты при-
 „шелъ въ ужасное бѣшенство и едва было
 „не лишилъ меня жизни; послѣ сего поку-
 „шенія, ты самъ былъ бы осужденъ на смерть,
 „если бы я прибѣгнулъ къ законамъ. Эша
 „мысль приводила меня въ препенъ, и од-
 „нако, послѣ сего намъ непременно уже дол-
 „жно было разстаться; я рѣшился объя-
 „вить тебя сумасшедшимъ, и заключилъ
 „въ сей замокъ, бывъ увѣренъ, чшо ты ко-
 „нечно не рѣшишься искать средствъ для

„возвращенія себя свободы, ибо свѣтъ не
 „являлъ тебе уже ничего привлекательнаго.
 „Теперь ты свободенъ! — забудемъ прошед-
 „шее! — Юлія всегда хранила къ тебѣ чув-
 „ство вѣжності: престоль, опеченство,
 „родственниковъ, друзей, она все для тебя
 „оставила; скрылась, — и я съ тѣхъ поръ
 „не видалъ ее. Опекунъ ее хотѣлъ было по-
 „слать къ тебѣ ея записки послѣ швоего
 „опѣзда въ замокъ Шарфштейнъ, но онъ
 „попался въ мои руки. Я могъ бы узнать
 „изъ нихъ все помышленія сего вѣжнаго,
 „чувствительнаго сердца; могъ бы, но не
 „хотѣлъ, зная, чшо не въ силахъ буду рав-
 „нодушно прочитывать изліяніе любви ея
 „къ моему брату и ненависти ко мнѣ. И
 „такъ не читавши сего журнала, я отдалъ
 „его на сохраненіе швоему надзирателю, съ
 „приказаніемъ вручить тебѣ не прежде,
 „какъ въ минушу смерти кошораго нибудь
 „изъ насъ. Если я умру прежде, ты, по
 „праву, вступишь на престоль. Я уже все
 „устроилъ, чшобъ сдѣлать въ шо время из-
 „вѣстнымъ, какъ мгновено было швое
 „сумасшествіе. А если швоя кончина пред-
 „упредишь мою, шо, умоляю не лишишь ме-
 „ня прошенія, и самъ равно во всемъ тебя
 „прощаю. Будемъ прошедшія заблужденія
 „наши! Съ дѣлами спановимся мы разсуди-

„пелънѣ, и уже съ осмопрительностію
„продолжаемъ путь жизни до самой шой
„минушы, въ кошорую свѣшь истинны, оза-
„ряя савношу нашу, являетъ намъ всѣ пред-
„мешы въ настоящемъ ихъ видѣ: да укрь-
„пиль шебя самъ Богъ на семъ шрудномъ
„переходѣ!....

Брашь швой,
*Герцогъ ***.*“

Феликсъ, любезный Феликсъ! на кого
дѣлается похожъ человекъ, когда спрасни
овладѣюшь его душею? Можеть бышь, въ
юности, сіи брашья были дружны между
собою, но попомъ, какое ужасное пламя не-
согласія возгорьлось между ними!... И всему
причиною любовь, спрасшь, кошорая дол-
женствовала бы, казалось, возвышашъ ду-
шу!... — Злополучный Принць! шеперь я
понимаю, въ какомъ преступленіи шы себя
обвиняешь! въ покушеніи на брашоубій-
ство!... Но двадцать одинъ годъ истинна-
го, сердечнаго раскаянія, конечно уже загла-
дили его предъ очами Безконечнаго Мило-
сердія. Герцогъ, кажется мнѣ, гораздо винов-
нѣ своего браша. Сколько времени проведъ
онъ, услаждая духъ свой мщеніемъ и мыслію,
что разлучилъ два сердца, кошорыя, безъ
него, наслаждались бы совершеннымъ счастли-

емъ!... Сколько хитростей, обмановъ и
всѣхъ низкихъ удовокъ долженъ былъ онъ
употребить, чшобы шого достигнуть; и
могъ ли, послѣ, бышь спокоень хоша на од-
ну минушу? Злой духъ можеть овладѣшь на
нѣкопорое время человѣческойо душею и до-
вести ее до ужаснѣйшихъ преступленій;
но онъ не силенъ заглушить въ ней на вѣ-
ки угрызений совѣщи: сія послѣдняя, рано
или поздно, непременно должна пробудить-
ся въ душѣ преступника: шерзая его, мстишь
за угнешенную невинность и не рѣдко воз-
вращаетъ спокойствіе и самому злодѣю,
если онъ, внявъ гласу ея, прибѣгнетъ къ
раскаянію. — Герцогъ не слышишь еще се-
го гласа; однако же въ письмѣ къ Принцу
онъ обѣщаетъ ему награду послѣ своей
смерти, за все, имъ преперѣнное. Но, о
Боже! переживешь ли его сей несчастный?
Вчера, цѣлый день проведъ я въ ужаснѣй-
шемъ безпокойствѣ. Принць заперся въ
своей комнашѣ: нѣсколько разъ подходилъ я
къ двери, но все понапрасну. Ахъ, Феликсъ,
если его сердце, ослабѣвшее опъ горести,
не перенесетъ сихъ движеній?... Если...
Но — меня зовутъ къ нему, я лечу!...

Въ сильномъ волненіи вѣжалъ я къ не-
му въ комнашу. Онъ взглянулъ на меня и

улыбнулся. „Успокойся, милый Юлій,“ сказала онъ ласково: „ни шѣло, ни душа моя не страждутъ; но я подобенъ слѣпому, кошорому сей часъ только возвратили зрѣніе: не могу сносить свѣта, и пошому долженъ побыть еще нѣсколько времени въ шемношѣ. Любезный другъ! мнѣ нужно собраться съ мыслями, чшобъ я могъ повѣришь шому, чшó до сихъ поръ казалось мнѣ невозможнымъ. Оставь меня на одинъ день; не присылай ни Докшора, ни лекаршвъ: если пошшу за нужное, по самъ попрошу шебя обшпомъ. Всего для меня полезнѣ бышь съ шобою, милый Юлій, но, — до завшра. — Завшра, завшра мы увидимся.“

Я поклонился, и кошѣлъ уже шпши, какъ вдругъ Принцъ схватилъ мою руку, пожалъ ее съ чувшвомъ нѣжности и сказалъ: „я зналъ, юный другъ мой, чшо ты обо мнѣ беспокоишься, и по эшому только послалъ за шобою; шеперь ты самъ видишь, чшо мнѣ нужно уединеніе. Поди, завшра мы увидимся, а шеперь, я хочу приготошвить себя къ шому, чшобъ перенесъ новыя движенія, кошорыя, можешъ бышь, меня ожидають.“

Вмѣсто всякаго отвѣта, я прижалъ руку его къ ушамъ моимъ и къ сердцу. „Любезное дшя!“ прибавилъ Принцъ, нѣжно улыбаясь и со вниманіемъ смотря на меня:

„милый Юлій!...“ но вдругъ замолчалъ, и пошомъ, подумавъ нѣсколько: „прочши эшо,“ прибавилъ онъ, собирая бумаги, разбросанныя на постелѣ, и подавая ихъ мнѣ: „прочши, и ты узнаешъ; чшо я чувствую; можешъ бышь...“ Онъ осшановился, уныніе снова показалось на лицѣ его: „чшшали ли вы письмо моего брата?“ спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько минушь.

— „Чшшалъ, милосшивый государь!“

„Милосшивый государь!“ возразилъ онъ съ горешію: „чшо значить эшо названіе? Юлій, когда ты еще не чшшалъ письма, по называлъ меня своимъ любезнымъ Принцемъ: ужели оно перемѣнило швое сердце? Ахъ, шакъ ты узналъ, чшо я заслуживаю имя братоубійцы?... Юлій! ты меня ужасаешся?...“

О! Фелксъ, если бы ты могъ видѣшь, какая горешъ изобразилась на лицѣ его въ шу минушу! Я былъ пораженъ, бросился къ ногамъ его и со слезами увѣрялъ, чшо эшо названіе упошребилъ совершенно безъ намѣренія. Мое волненіе увѣрило его въ испишнѣ словъ моихъ: онъ расшрогался и обвинялъ меня съ нѣжностію. „Увы!“ сказалъ онъ: „когда я часто самъ себя ужасаюсь, по мудрено ли мнѣ подумать, чшо и другіе взирають на меня съ содроганіемъ? Пись-

мо Герцога напомнило мнѣ самую ужасную минушу... О, для чего не могу я возвратишь прошедшаго!... Но, слава Всевышнему! Онъ удержалъ руку мою, и — преступленіе не совершилось!... Благодарю моего брата, что лишилъ меня свободы; уединеніе побудило меня внявъ гласу раскаянія; благодарю его и за то, что онъ прислалъ ко мнѣ друга! Спудай, милый Юлія; мнѣ нужно успокоиться; прочти эти бумаги; я знаю, что ты будешь проливать слезы; но — заклинаю тебя, не возмимъ ненависти къ несчастному, кошорый легковѣриемъ своимъ и напрасными подозрѣніями повергъ въ ужасную бездну ангела красшты и невинности: всѣ наши соотношенія будутъ впредъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе произведешь въ тебѣ чтеніе сихъ бумагъ.“

Примѣшивъ, что уныніе его умножалось, я поклонился, и взявши бумаги, съ поспѣшностію его оставилъ.

Я прочиталъ ихъ, Феликсъ, и въ продолженіе цѣлой ночи переписывалъ манускриптъ для тебя, моего друга! Чувствованія мои были бы для меня тяжкимъ бременемъ, если бы я не могъ ихъ сообщити тебѣ: чистиай нѣжными изліянія души невин-

ной, чувствительной, и жалобы сердца, несчастіями угнетеннаго. Крошкая, милая Юлія! для чего тебѣ суждено было, на пуши жизни сей, встрѣитишь два существа, съ характерами, споль противоположными!... Спращная любовь одного и безчеловѣчье другаго погубили тебя невозвратно!... Феликсъ, въ сіи минушы душа моя занимается сполько ею; но нѣтъ, я думаю вмѣстѣ и о томъ, кого она сполько любила. Несчастливая Юлія! Злополучный Карль! Но что я говорю? Прочти самъ, и тогда узнаешь все, что я чувствую.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

П. К Р И Т И К А

I.

Замѣчанія на книгу: Военное Красноръчье.

(*Окончаніе.*)

Глава V. О словахъ.

И здѣсь Г. Сочинитель возвращается къ понятіямъ, и, между прочимъ, говоритъ: „къ почному изображенію мыслей и чувствованій, необходимо шребуются *лслия*

понятія о предметахъ и значеніяхъ словъ.“
 — Ясное понятіе, коимъ только различаемъ одинъ предметъ отъ другаго, не представляя еще оплчительныхъ знаковъ его, составляетъ самую низшую степень въ познаніи. Какъ же можемъ мы изображать точно мысли и чувствованія, когда, имѣя одно только ясное понятіе, не имѣемъ еще мыслей, богатство коихъ всегда состоитъ въ обильномъ, раздѣльномъ и подробномъ синтетическомъ представленіи знаковъ? Не представляя достаточнаго, по дѣли, числа оплчительныхъ знаковъ предмета, не можемъ исполняться, къ нему или противъ него, и должныхъ чувствованій.

Далье (стр. 22) Г. Сочинитель, раздѣляя слова по времени, употребившія изъ нихъ, вышедшія изъ употребленія, называетъ *древними*, хотя многія древнія остаются въ употребленіи, и безъ всякой перемѣны въ значеніи. Въ числѣ *новыхъ* (шамъ же) поставлены между прочими и *взятые изъ древняго нарѣчія*. Обыкновенныя у него суть то же, что и *употребительныя*. Слова *повсемѣстныя* имѣють преимущество предъ *областными*. Всѣ ли? какія? въ какихъ случаяхъ? Читайтели, сами догадывайтесь! — Немногое можно оплчнить и въ статьѣ объ оплчнкахъ словъ, составляю-

щей конецъ главы; вездѣ одинаковая неопредѣленность. Г. Сочинитель еще переведитъ насъ въ Логику.

Глава VI. О предложеніяхъ.

Недостаточно опредѣливъ сужденіе въ IV главѣ, Г. Сочинитель не упомянулъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ, ни о связки. Говоря о предложеніи, онъ поясняетъ ихъ, назвавъ подлежащее — *именемъ вещи* (какой? этого, по его мнѣнію, читатель знать не долженъ) и Лашинскимъ словомъ *subiectum*, а сказуемое *названіями ея* (вещи) *принадлежностей* и Лашинскимъ словомъ *praedicatum*. Связь между вещію и принадлежностями ея объясняется у него рченіемъ — *nexus*; а связь между подлежащимъ и сказуемымъ еще *copula*. И это въ учебной книгѣ?

Раздѣливъ предложенія (по какой категоріи? — шайна) на *утвердительное* и *отрицательное*, первое опредѣляетъ также невярно, какъ то сдѣлано и съ сужденіемъ; а „*отрицательное* предложеніе,“ по его словамъ, „есть то, въ которомъ сказуемое *отрицается* отъ подлежащаго.“ — Неужели Г. Сочинитель не знаетъ того, что подлежащее и сказуемое не только въ опредѣленіи, но и во всякомъ предложеніи, не должны быть понятія шожезначачія? Кшо

насъ уразумѣешь, когда мы будемъ говорить: *отрицательное отрицаетъ, утвердительное утверждаетъ*, одна связь — *causa*, другая — *corula* и такъ далѣе?

Еще спрашивае опредѣляются предложенія *умозрительное* и *длительное* (теоретическое и практическое). Въ первомъ „приписываются подлежащему дѣйствія, спраданія или качества изъяснительнымъ образомъ (*indicativo modo*).“ — По этому предложеніе — *солнце свѣтитъ*, которое Г. Сочинитель, на той же 26 страницѣ взвѣдичалъ *чувственнымъ* (предложеніе его собственно изобрѣшенія), будешь также и умозрительное!! — Предложеніе „дѣйствительное естъ шо, въ которомъ говорится что нибудь повелительно“ (*imperativo modo*?). — И такъ предложеніе: *въ дѣлахъ важныхъ необходимо должно поступать съ осторожностію*, не будешь практическое?

Г. Сочинитель, недовольный раздѣленіемъ предложеній на *умозрительныя* и *длительныя*, за лучшее почитаетъ, какъ изъясняется самъ, раздѣлить ихъ еще на *чувственные*, *умственные* и *длительныя*. Здѣсь послѣднія два опредѣлены оплочно ошь прежняго, хотя также неудачно, а *чувственное* во многомъ сходствуетъ съ

умозрительнымъ первой поспройки; ибо и въ шомъ и другомъ сказуемья, между прочимъ, содержатъ дѣйствія и спраданія. Чувственные предложенія, въ Логикѣ новосшь!

Наконецъ (спр. 27) являются у Г. Сочинителя двѣ категоріи (новосшь!): — *пространство* (*) (еще новосшь!!) и *количество*. Г. Сочинитель, не показавъ, что такое *родъ*, *видъ* и *недѣлимое* (объ нихъ рѣчь будешь послѣ), раздѣляетъ предложенія по *пространству*, на *общія* и *частныя*. Особенныя предложенія въ его пространствѣ не входяшь; „*общія* его предложенія, въ подлежащемъ или въ сказуемомъ, заключающъ родъ и видъ; а *частныя* заключающъ *недѣлимое*.“ — (!!) *Этотъ человекъ* (Иванъ) *уменъ* — естъ предложеніе частное? *Нѣкоторые люди имѣютъ умъ* и *всѣ люди суть животныя разумныя* — равно сушь

(*) Время и пространство (*tempus et spatium*) сушь формы той связи вещей, въ каковой онъ, по чувственнымъ знакамъ своимъ, являются въ мірѣ. Время наполняется бытіемъ вещей, а пространство самими, совокупно взятыми вещами. Категорій же, по которымъ повѣряюся сужденія, обыкновенно полагаюшь четыре — *количество*, *качество*, *отношеніе* и *образъ* (*modalitas*). Нѣкоторые сей послѣдній включаюшь въ категорію отношенія. *Замѣ. Соч.*

предложенія общія? — По количеству, предложенія раздѣлены на *простыя* и *сложныя*, и опять касательно подлежащаго и сказуемаго: чѣмъ же ошлечающя они ошь общиыхъ и *частныхъ*, шо есть особенныхъ?

Г. Сочинитель заключаетъ главу мыслію: „Писатель не можетъ всегда составлять рѣчи своей изъ однихъ предложеній; ему нужно весьма часто распространять оныя.“ — Я не знаю рѣчи, которая бы не состояла изъ предложеній. Рѣчь распространяется не пошому, (воля ваша, Г. Сочинитель!), что Писатель не всегда можетъ составлять ее изъ однихъ предложеній; надлежало бы найти другую причину распространенія.

Глава VII. О источникахъ изобрѣшенія.

Г. Сочинитель „источниками изобрѣшенія“ называетъ „общія мѣсна, изъ которыхъ Писатели берутъ мысли для распространенія предложеній.“ — Цель изобрѣшенія *распространеніе предложеній!* О приличіи мыслей предмету — ни слова; нишче что угодно, лишь бы предложенія были распространены. Если бы Г. Сочинитель преподавалъ правила Логикѣ въ порядкѣ опредѣленіе, не нужно бѣ было прибѣгать къ симъ общимъ мѣсмамъ, кошорыхъ

примѣненіе такъ трудно для начинающаго писателю, и кошорыя вовсе бесполезны спашованяея у него; ибо онъ не разсудилъ за благо показатъ, въ какого рода сочиненіи и какимъ мѣшомъ особенно можно пользоваться; а многія изъ сихъ мѣсшъ пошемнили своими объясненіями, или предспавили ихъ въ ложномъ видѣ.

Такъ, учащійся не можетъ хорошо уразумѣть, что такое *цѣлое*, что *части* (спр. 29), шѣмъ болѣе, что и *родъ* названъ (спр. 33) *цѣлымъ умственнымъ*, въ противоположность *цѣлому чувственному*.

Цѣлое и части не опредѣлены, а опредѣленія *рода* и *вида* споль не вѣрны, что самого Г. Сочинителя ввели in absurdum. *Родъ* называетъ онъ (спр. 33) „классомъ подобныхъ видовъ, а *видъ* классомъ подобныхъ недѣлимыхъ.“ Раздѣляя родъ — *животное безмысленное*, на виды (спр. 35), говорить: „изъ безмысленныхъ кныя пресмыкающя по землѣ, другія лешающъ по воздуху; кныя плавають въ водѣ, другія обитающъ въ дѣсахъ; по причинѣ сего различія и сходства, онъ (человѣкъ) назвалъ однихъ *насѣкомыми*, другихъ *птицами*, иныхъ *рыбами*, иныхъ *звѣрями* и ш. п. — И такъ у Г. Сочинителя и охотничья собака, пресмыкающаяся по болоту — *насѣ-*

колое? И егеръ, прокрадывающійся ползкомъ, иногда на большое проспранство, къ непріятелю, и ползающій младенецъ — сушь *насъкомыя*, а посему и *безмысленныя*? Комаръ, муха, пчела, бабочка, сушь *птицы*? они лешаюшь. Мысль человеческая, Ангель, сушь *птицы* и *безмысленныя*: лешаюшь! И ракъ — *рыба*, ибо плаваешъ въ водѣ!! Водолазы сушь *рыбы* и *безмысленныя*; ибо плаваюшь въ водѣ. Дровосѣкъ, пусшынникъ — *зѣбри* и *безмысленныя животныя*; живушь въ лѣсу!!... Не говорю о помѣ, что Г. Сочинишель смѣшалъ *насъкомыхъ* съ пресмыкающимися. Вошь что дѣлаешъ необдуманное опредѣленіе! Можно ли послѣ сего винишь молодыхъ нашихъ Писателей, когда они смѣшиваюшь въ одно предешавленіе несовмѣстныя? Правы, правы! Ихъ учашъ пому! Если бы Г. Сочинишель прибавилъ въ опредѣленіи *рода* и *вида*, что они соспоашъ изъ подобныхъ не по случайнымъ, а по сущешвеннымъ, неизмѣннымъ и неощемлемымъ знакамъ, шо не впалъ бы самъ въ такая нелѣпости, и предосшерегъ бы опъ нихъ и молодыхъ своихъ чшпателей.

Дѣйствиа и *страданія* (спр. 37) у Г. Сочинишеля сушь одно и шо же; по крайней мѣрѣ изъ объясненій его и примѣровъ разности не усмошрите. По его мнѣнію,

„сущештво, одаренное собешвенною силою дѣйшвовашъ, можешъ дѣйшвовашъ болѣе „неоушевленаго.“ — Правда ли? — При сей спашъ, нельзя также не пожаѣшь, что Г. Сочинишель предешавляешъ молодымъ людемъ ошца Словесности Россійской со спороны въ немъ слабѣйшей. Неужели слава Ломоносова оскорбляешъ его? Почшо брашь въ образецъ его сужденія о предешахъ Химіи? Можно бы было въ швореніяхъ, приносящихъ ему болѣе чешти, найши примѣръ шого, какъ заимешвующія мысли опъ дѣйшвій и спраданій.

„Качештво (спр. 39) бываешъ *чувственное* и *умозрительное*.“ — Положимъ, правда. — Но „*умозрительное* качештво ешь „умозаключеніе (?), кошорое выведено изъ „дѣйшвій и спраданій предеша“ (!!). Должно замѣнишь, что Г. Сочинишель *качештво вообще* и *чувственное* называешъ *принадлежностями* (спр. 39 и 40). *Характеръ*, въ кошорый входяшь и дѣйшвіа и спраданія, ешь шо же, что и *качештва*! „Качештва бываюшь умозришельныя и чувственныя, а *принадлежности*, кошорыя (спр. 41 и 42) сушь все шо, что приписуешся „предешу, бываюшь *сущешвенныя* и *случайныя*.“ — Какое смѣшеніе! Опъ такой *Логика* — бѣда природной!

„Всѣ прошивоположныя предметы (безъ исключеній?) вмѣстѣ бытъ не могутъ“ (стр. 43). „Предметы *чувственные* мы прошивопологаемъ одинъ другому, усмашривая различіе въ степенн ихъ качествъ, дѣйствій и такъ пр. Но *умственные* понятія бывають существенно прошивоположны одно другому; ибо умъ, составляя оныя, всегда оиъ одного оприцалъ то, что другому приписывалъ.“ — Подлинно, всего сказаннаго здѣсь Г. Сочинителемъ, совмѣстннъ невозможно!

Пропускаю *мѣсто* (стр. 46) и *время* (стр. 47); ибо много и мѣста и времени пошребовалось бы на разборъ ихъ. Спрошу пошько, для чего опдѣлять сн два исшочника мыслей, когда ни одинъ физическій предметъ не можетъ бытъ предшавленъ при одной изъ снхъ формъ? — Примѣры, приведенные Г. Сочинителемъ, доказывають, что мѣсто (или пространство) и время неразлучны: опредѣля предметами мѣсто, опредѣляемъ явленіями ихъ и время, и на обошь.

Стр. 52. „*Причину* можетъ назваться, сѣ все то, что *собственною силою* (?) произвело вещь или содѣйствовало пошько къ ея произведенію.“ — Подшвердивъ свое опредѣленіе, на шой же страницѣ, при раз-

сужденіи о *главной* или *дѣйствующей* причинѣ, (что одно и шю же?), Г. Сочинитель не заботншся о томъ, что прошивопрѣчить самъ себѣ въ опредѣленіяхъ причинъ — *вещественной* (стр. 53), *конечной* (стр. 54) и *орудной*, которыя уже не собственною силою производить: ибо, по его мнѣнію, *вещественная* причина естѣ шю вещество, изъ котораго составленъ предметъ *чувственный*; *конечная* естѣ шю цѣль, для которой что нибудь дѣлается — (она можетъ назваться *побужденіемъ*, принуждающимъ, такъ сказать, человека къ дѣйствию) (стр. 54); *причина*, служащая *орудіемъ* (стр. 55) дѣйствующей причинъ, участвуетъ всегда въ ея произведеніяхъ.“ — Изъ чего же можно видѣть, что сн причины производятъ *собственною силою*? Но сказанное о причинѣ вообще непременно должно опноснться и ко всѣмъ ея видамъ. Неужели *вещество* (матеріаль, запасъ) нужно пошько для произведенія предметошь чувственныхъ? — Разсуждая о *добродѣтели*, *Вѣрѣ*, *Богѣ*, мы не сошворяемъ чувственныхъ предметошь: буквы, которыми выражаемъ свои мысли о снхъ великихъ предметахъ, бумага, на которую изливаемъ ихъ, не суть однако вещество снхъ разсужденій? — *Довольная причина*, по мнѣнію Г.

Сочинитель, составляет особенный разряд, а не есть принадлежность, общая вышенаименованнымъ причинамъ. Но никакое произведение не можетъ быть совершенно, если причины его, дѣйствующая, вещественная, конечная и орудная, не будутъ довольны, то есть, доспапочно. Объясненіе довольной причины общано въ IX главѣ, но Г. Сочинитель не сдержалъ своего слова: шамъ есть объясненіе, шолько на что-шо другое.

Спр. 56. *Обстоятельства*, выставленныя здѣсь, какъ особенный источникъ мыслей, содержатъ въ себѣ время, мѣсто, признаки, предшествовавшіе и послѣдовавшіе дѣйствію, причины и орудія. Спрашивается: зачѣмъ же называшъ обстоятельства особеннымъ источникомъ мыслей? Или, зачѣмъ говоришь ошдѣльно о понятіяхъ, къ нимъ относящихся? *Довольная причина осталась безъ объясненія.*

Спр. 60 и 61. — „Краткое описаніе „предмета, показывающее родъ и одни ошличительныя принадлежности, называется „опредѣленіемъ. Но когда предметъ шакъ „описанъ, что исчислены всѣ его ошличительныя свойства и предшавлена воображенію живая картина его дѣйствій, спраданій, обстоятельство и ш. и., тогда по-

„добное изображеніе предмета называется „описаніемъ.“ — Хорошо ли объяснено опредѣленіе, когда не сказано, какой родъ въ него входитъ, ближайшій или ошдаленный, какіе ошличительныя знаки должны быть въ немъ исчисляемы — существенныя или случайныя, ибо и сими послѣдними предметъ можетъ ошличаться ошд другими? — Согласенъ: краткосіе нужна опредѣленію; но всѣ ли ошличительныя свойства вводятся и въ описаніе? Кажется, шолько шѣ, которыя согласны съ намѣреніемъ, съ каковымъ предметъ изображается. Теперь явствуетъ, почему Г. Сочинитель не опредѣлилъ, какъ должно, ни одного понятія.

Оставляя подробности, съ каковою до сего мѣста производилъ я разборъ Военнаго Краснорѣчія, почишаю однако нужнымъ указать молодому читателю на дальнѣйшія погрѣшности сей книги. Не вѣрьте Г. Сочинителю, что *простой періодъ* (гл. VIII, стр. 63) есть предложеніе, распространенное и пополненное прибавочными понятіями; лучше разумѣйте, подъ словомъ *періодъ*, рѣчь, имѣющую полный и совершенный смыслъ; подъ словами — *простой*

периодъ, можете всегда разумѣть такую же рѣчь, только не всегда выражаемую однимъ предложениемъ, а иногда и нѣсколькими, ибо сей периодъ, имѣя *одно главное* предложенье, нѣрѣдко содержитъ *многія сложныя*, служащія къ объясненію подлежащаго или сказуемаго въ главномъ предложении. Правило Г. Сочинителя: „подлежащимъ въ предложении бываешь всегда предметъ, а сказуемымъ — дѣйствіе,“ не есть правило общее, каковымъ оныъ выдается; исключенія изъ него часты и многочисленны. Остерегайтесь, молодой чинашель Военнаго Красноурѣчя, въ сочиненіи простыхъ периодовъ, подражаніи примѣрамъ оныхъ, приведенныхъ Г. Толмачевымъ: руководствуясь ими, вы напишете сложный периодъ или нѣсколько периодовъ.

Съ оспорожностію надобно чинишь и главу IX (1й части) о сложныхъ периодахъ: и здѣсь довольно погрѣшностей. Напр. сложные предложения не опличены оныъ придапочныхъ, сравнительные периоды оныъ уподобительныхъ; на многія, темно выраженные правила, не приведено объясненій и примѣровъ; о раздѣленіи периодовъ, по числу ихъ предложений, совсѣмъ не упомянуто.

Въ главѣ XI *О ладномъ* и плавномъ печеніи периодовъ, вмѣсто изложенія пра-

вилъ, по коимъ должно переходить изъ периода въ периодъ, Сочинитель учишь размѣщенію словъ. Но и въ семъ не виолнѣ можно вѣрнѣе его ученію. По его словамъ — „периодъ кажется *полнымъ для слуха* (по *звукотечейю*) (спр. 92), когда, заключая въ себя все нужныя понятія для объясненія предмета, имѣешь надлежащую *соразмѣрность* не только касательно составныхъ частей своихъ, но и касательно другихъ периодовъ, съ которыми оныъ соединены логическою связію.“ — Между звуками *словъ*, *составляющихъ* периодъ, *приятными* для выговора названы сѣ (спр. 93), которые произносятся *открытымъ* и *громкимъ* голосомъ.

Въ главѣ XII объ украшеніяхъ периодовъ, Сочинитель дѣлаешь неправильное раздѣленіе шпроповъ и фигуръ. Сказавъ невнятно о метафорѣ, объ аллегоріи не упоминаешь. Иронія, синекдоха, метонимія также не удостоены порядочнаго опредѣленія; а изъ примѣровъ и десятой доли сихъ шпроповъ не видно (спр. 98, 99 и 100). О служащихъ, въ какихъ сѣи украшенія могутъ бытъ прилично употребляемы, по мнѣнію Г. Сочинителя, какъ шо видно изъ его молчанія, знать не должно: употребляйте ихъ, гдѣ вздумаете. Въ началѣ главы, раздѣливши

красоты рѣчи на происходившія особливо отъ живаго воображенія и сильныхъ чувствованій, въ концѣ той же главы (спр. 101) раздѣляешь фигуры на *фигуры разсудка, воображенія и страстей*: но выше, два раза (спр. 97 и 100) сказано, что *всѣ фигуры* происходятъ отъ сильныхъ чувствованій.

Разборъ послѣднихъ главъ — *общихъ началъ Словесности* также представилъ бы намъ многія важныя погрѣшности; но онъ такого свойства, что сами бросяся въ глаза читателя. Взглянемъ на вторую и третью части Военнаго Краснорѣчія, гдѣ обѣщано новое.

Военнаго Краснорѣчія часть вторая, содержащая частныя правила оного.

Въ одномъ собраніи, на слова — *появилась книга, подъ заглавіемъ Военное Краснорѣчіе*, — одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: какое же Военное Краснорѣчіе, сухопутное или морское? Сдѣланы были догадки о появленіи въ будущее время Краснорѣчія пѣхотнаго, кавалерійскаго, артиллерійскаго и такъ далѣе, признаюсь, не безъ смѣха, который выражалъ... сомнѣніе объ успѣхѣ книги.

Прочитавъ ее всю, дѣйствительно всякій удословѣнъ, что Господинъ Сочинитель,

въ новомъ родѣ шворенія не помѣстилъ ничего новаго, а говоришь старое. И въ семь послѣднемъ, одно ийдешь къ правиламъ Краснорѣчія, напр. все, помѣщенное во введеніи ко второй части и въ III главѣ ея о нравственныхъ качествахъ подвластныхъ воинствъ (спр. 26 и до 42). Все прочее обще Военному Краснорѣчію съ другими родами Краснорѣчій. Качества военнаго Вишинъ суть качества и духовнаго и свѣтскаго Писателя. Для поучительныхъ, описательныхъ сочиненій, для сложеній и писемъ военныхъ, Г. Сочинитель не изобрѣлъ новыхъ, существенно полезныхъ правилъ: онъ предлагаетъ то же, что содержится и во всѣхъ другихъ Риторикахъ, только съ запушанностію, ему обычною, останавливаясь на правоученіяхъ, которыхъ, безспорно хороши, но въ Наукѣ о должностяхъ гражданина и чловѣка, а не въ Риторикѣ. Особеннаго во II части Военнаго Краснорѣчія, кромѣ правоученій, только то, что Г. Сочинитель часто швердитъ прилагательное — *военный, военна, военное*; что многіе роды прозаическаго слога изъ него исключены и даже не упомянуты, хотя нѣрѣдко употребляются военными людьми; напр. ничего не сказано о *разговорахъ, словахъ похвальныхъ, рѣчахъ судебныхъ* и проч. Г.

Сочинитель, для отличія своего шворенія отъ другихъ, помѣстилъ еще во второй части онаго формы дѣловыхъ бумагъ, копоры можно найсти во всѣхъ Письмовинкахъ, и коихъ другіе не помѣщали въ Рншорикъ по той причинѣ, что въ Науку входящя правила постоянныя, неизмѣнныя, между шьмъ какъ формы сіи довольно часто, по волю Правительствва и согласно съ обстоятельствомъ, перемѣняющя. Не оуждаю Г. Сочинителя за помѣщеніе ихъ въ его швореніи; впрочемъ, безъ сомнѣнія, и всякій умный наставникъ знакомшъ съ ними учениковъ своихъ, говоря имъ о дѣловыхъ бумагахъ. Но по сему одному не стоило выдумывашъ для учебной книги новое заглавіе и съ напряженіемъ выказывашъ себя изобрѣшателемъ новаго искусства.

Военнаго Краснорѣчія часть третія, содержащая примѣры въ разныхъ родахъ онаго.

Между примѣрами, соснавляющими третью часть Военнаго Краснорѣчія, есть и хорошіе; но довольно и такихъ, копорыхъ бы не надлежало приводить въ образецъ молодымъ людямъ. Таковы рѣчи *Амурата III* (стр. 15), *Мамал* (стр. 16), *Дюка-Гиза* (стр. 48), копорый, какъ видно изъ объясненія, приложеннаго Г. Сочини-

телемъ, сильно дѣйствовашъ мечемъ, а не словомъ. Сверхъ того, Г. Сочинитель помѣстилъ въ образцахъ своихъ большею частью письма и рѣчи, прокламаціи и манифесты. Последніе два рода сочиненій относяся къ Дипломатикѣ, а не къ Военному Краснорѣчію; писемъ же и рѣчей мало для сего: надлежало бы представитъ образцы и другихъ родовъ. Примѣры помѣщены шакъ, какъ попадались Сочинителю на глаза; ни однородность ихъ, ни порядокъ во времени не приняты въ уваженіе. Сужденія о сихъ примѣрахъ не рѣдко ошибочны; ибо очень посредственной рѣчи приписывается успѣхъ военнаго дѣйствія, происшедшій отъ другихъ какихъ либо постороннихъ и сильнѣйшихъ причинъ.

О языкѣ Г. Сочинителя скажу шолько, что наставникъ Краснорѣчія, въ учебной книгѣ, долженъ писать правильнѣе.

М. Т.

АНТИЖУРНАЛИСТИКА.

Замѣчания хладнокровнаго читателя Русскихъ Журналовъ о Московскомъ Телеграфѣ.

(Письмо къ О. В. Б.)

Въ прошломъ 1825 году, я крайне удивлялся, что Г. Издашель Московскаго Телеграфа, въ своихъ оповѣщахъ многочисленнымъ своимъ Кришикамъ, всегда при случаѣ и безъ случая, обращался къ вамъ, и говорилъ съ вами такимъ образомъ, какъ будто бы вы были Авшоромъ всѣхъ кришикъ на Моск. Телеграфѣ. Проживая въ то время въ Москвѣ, зная лично Авшоровъ кришикъ, и будучи увѣренъ, что вы не только не участвовали въ сихъ кришическихъ сочиненiяхъ, но даже ни письменно, ни лично не были знакомы съ Сочинителями оныхъ, я не могъ постигнути причины сего вооруженiя именно противу васъ (*). Какъ без-

(*) Совершенная правда. Въ 1825 году, я всѣ кришическiя статьи моего сочиненiя на Телеграфѣ подписывалъ или буквами А. О., или О. В., и не участвовалъ въ Московской лишературной войнѣ, а только защищался. О. В.

пристрастный чипашель Журналовъ, я весьма сожалѣлъ, что духъ пристрастiя часто заставлялъ Издашеля Моск. Телеграфа уклоняться отъ истины и перемѣнять свой образъ мыслей и свои сужденiя по обстоятельству. Напримеръ: Издашель Телеграфа, въ N 3 своего Журнала на 1825 годъ, на стр. 250 и 251 распространяется въ похваляхъ издаваемымъ вами въ то время Журналамъ: *Сѣверный Архивъ* и *Литературные Листки*. „Вообще Журналы Г. Булгарина (говоришь Г. Полевой, стр. 250, строка 24) „въ короткое время догналъ старыя любимыя Журналы Русскiе и сравнялся съ ними. Мы не замѣчаемъ хорошихъ статей въ Сѣверномъ Архивѣ прошлаго года, ибо каждая имѣетъ свое отношенiе къ достоинству.“ — О Лишературныхъ Листкахъ Г. Полевой говоришь мимоходомъ, на той же 250 страницѣ: „съ половины 1825 года, Г. Булгаринъ присовокупилъ къ своему Журналу особое *Прибавленiе*, выходившее въ прошломъ (ш. е. 1824) году, книжками два раза въ мѣсяць, гдѣ было много статей забавныхъ и прiятныхъ.“ —

Вошь что писалъ Г. Полевой, avant la lettre, ш. е. прежде, нежели онъ почелъ васъ

Сочинителем кришикъ (*) на Моск. Телеграфъ. Не шакъ онъ заговорилъ о вашихъ Журналахъ après la lettre, ш. е. послѣ кришикъ приписанныхъ вамъ.

Въ томъ же 1825 году, не далѣе, въ N 21 Моск. Телеграфа *десять* страниць (ошъ 422 до 431) мелкимъ шрифтомъ заняты обвиненіями прошиву Издашеля *любимаго Русскаго Журнала*, какъ Г. Полевой называлъ прежде *Сверный Архивъ и Прибавленія* къ нему. Каждая спашья наименована, каждое ошдѣленіе Журнала по волоску рещицано и съ объявленіемъ, что Журналы никуда негодны, "и что онъ (ш. е. Издашель Свернаго Архива и Литературныхъ Листковъ) „на половину не помѣшилъ обещающихъ имъ спашей, поучительныхъ, приятныхъ и полезныхъ“ (**). — Если бъ я хотѣлъ выписывать всѣ привязки и обвине-

(*) Физически невозможно, чтобы я, при изданіи трехъ Журналовъ, могъ бытъ Сочинителемъ даже десятой части кришикъ, написанныхъ различными Литераторами на Московскій Телеграфъ, въ 1825 году. *О. В.*

(**) Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ то, что Г. Полевой шребовалъ ошъ меня, чтобы я въ каждой книжкѣ Журнала помѣщалъ *всѣ статьи*, о которыхъ сказано было въ программѣ, что онѣ входятъ въ

нія Издашеля Московскаго Телеграфа, то долженшвовалъ бы изъ *десяти* страниць сего Журнала, по крайней мѣрѣ, выписашъ *восемь*. Довольно указать мѣсто, гдѣ изданіе, расхваленное въ 3 книжкѣ М. Т., унижено до самаго *нелъзя*, въ 21 книжкѣ шого же года. Послѣ этого, какъ вѣришь безприспращію Г. Полеваго? По крайней мѣрѣ у васъ я нахожу одинаковое мнѣніе о Московскомъ Телеграфѣ, ошъ начала онаго и понынѣ. Причины переменъ мнѣнія Г. Полеваго очевидны, и онѣ находяшя не въ книжкахъ вашего Журнала. Говоря о вашихъ собшвенныхъ произведеніяхъ, ш. е. о спашьяхъ о Нравахъ и о вашемъ слогу, Г. Полевой, въ N 8 Московскаго Телеграфа на 1825 годъ, на стр. 335, называешъ вашъ языкъ свободнымъ и шушлавымъ (спрока 17 и 18); въ N 2 Московскаго Телеграфа на стр. 143, въ спрокѣ 19—22) Г. Полевой говоришь: „въ прошломъ году

составъ годоваго изданія. Если бѣ это было возможно, то каждая книжка Журнала составляла бы большой томъ, и шребовала бы по крайней мѣрѣ 4 мѣсяцевъ для напечатанія. — Довольно, если одна или двѣ спашьи изъ каждаго ошдѣленія изъ упомянуыхъ въ программѣ, помѣщены въ году. — Такъ дѣлаешъ и самъ Издашель М. Т., и мы не шребуемъ ошъ него болѣе. *О. В.*

появлялись статьи о нравах, в видъ повѣстей, разговоровъ и описаній; въ Журналахъ, *лучшія принадлежатъ Г. Булгарину.* — Кажется, это довольно ясно и опроверженно; но въ N 21 Московскаго Телеграфа того же года, въ статьѣ, въ кошорой спараются унизить все, написанное и издаваемое вами, на стр. 428 сказано: „объщаны статьи о нравахъ и обычаяхъ въ родъ Аддисонова Зришеля, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи — *не было ни одной строчки.*“ — За сѣмь формально расперзаны статьи вашего сочиненія, кошорыхъ даже по названію не хопяшь причислить къ разряду нравовъ, не взирая на то, что прежде было сказано, что лучшія въ цѣлой Литерашурѣ принадлежатъ вамъ. — Спрашиваю, можно ли послѣ этого вѣрнѣ сужденіямъ и литерашурнымъ приговорамъ Г. Полеваго, кошорый уничтожаетъ однимъ почеркомъ пера то, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ превозносили похвалами и спавили на высшую степень? Ссылаюсь на судъ каждаго безпристрастнаго читателя. Хладнокровныя доказательствва гораздо убедительнѣе всѣхъ пламенныхъ выходокъ — безъ доказательствъ.

Послѣ того Г. Полевой въ каждомъ Нумерѣ своего Журнала, выпечатывалъ ваше

имя, вездѣ, гдѣ только могъ сказать противное вашему мнѣнію или коснуться вашихъ изданій. — Цѣлый годъ (1826) не было ошвѣта съ вашей стороны — но Московскій Телеграфъ не охлаждалъ, и безпрестанно наступалъ на васъ и спрѣлалъ и впрямь и вкось. Я удивлялся наспойчивости одной стороны и перивнѣю другой. Пропускаю всѣ нападки на васъ, и на вашего товарища въ концѣ 1825 и въ продолженіе цѣлаго 1826 года; я удивляюсь только, какъ Г. Полевой могъ *въ такое время* занимать крипиками. Но пословица швердитъ: что въ мушной водѣ легче ловить рыбу — и правда. Во время общей горести и вашего молчанія, Г. Полевой пописывалъ на васъ, да пописывалъ, а просподушные люди вѣрили, что шомъ виновать, кто молчитъ. Можеть бышь, они позабыли о прежнихъ похвалахъ вамъ, ошъ самого же Г. Полеваго!

Видя ваше непреодолимое молчаніе, я вздумалъ вспушнѣсь за васъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за Словесность, и сказать мое мнѣніе о начавшейся литерашурной войнѣ въ сѣмь 1827 году. Во 2 номерѣ Съзна Опечества, нѣкто, подписывающійся буквами Д. Р. К. при обзорѣ Литерашурѣ коснулся Моск. Телеграфа, показалъ намъ, какъ онъ составляется, и подкрѣпилъ свое мнѣніе примѣра-

ми или выписками изъ Моск. Телеграфа. Чшо жь надлежало сдѣлать Издашелю Моск. Телеграфа? Или замолчать, какъ вы сдѣлали, или опровергнушь замѣчанія, ш. е. доказашь, чшо называемое дурнымъ Д. Р. К. не есть дурно; чшо Д. Р. К. ошибается или не понимаетъ, и слѣдовательно ошибки или упущенія М. Телеграфа не суть ошибки или упущенія. Кажешся шакъ. Посмотримъ же теперь, какъ Издашель М. Телеграфа оправдался. — Въмѣсто шого, чшобы доказашь, чшо голубое пламя высшаго бысознанія, вѣчное могущество всякаго бытїя, во всю глаза, и другїя мѣста, замѣченныя Д. Р. К. въ Телеграфѣ не дурны, а хороши, Г. Полевой началъ ошдѣлывашься *вбжливостями*.

Не касаюся постороннихъ придирокъ и косвенныхъ нападокъ на васъ въ М. Телеграфѣ. Подписывашь спашьшя прошиву Телеграфа неизвѣстный Д. Р. К., а браняшъ сперва васъ, Булгарина, а пошомъ вообще Издашелей Свв. Пчелы и С. О. (*). Въ 3 ну-

(*) Даже не пощадили и шого, къ кому писано на Кавказъ: его называшь въ М. Телеграфѣ Кабардинцемъ, дикаремъ и проч. Чъмъ же онъ виновашъ? Шо все равно, если бы мы спшали обвиняшъ подписчиковъ М. Телеграфа, въ шомъ, чшо въ немъ не соблюдаешя чисшошы языка и Граммашки. *Сог.*

меръ Телеграфа сказано о письмѣ на Кавказъ: „вкусъ и *совѣсть* Автора сливаюшя здѣсь въ одно зашмѣние.“ Сказано, и не доказано. Впрочемъ, зачъмъ говоришь о *совѣсти*? Объ эшомъ говоришь въ шорговлѣ, а въ Липерашурѣ надлежало бы уличить Д. Р. К. въ несправедливости его показаній, и дѣло бы обнаружилось само собою. Тамъ же въ примѣръ криводушныхъ, корысполюбивыхъ, *личныхъ* (?) мнѣній приведены слова изъ письма Д. Р. К., недоказывающія однако жь, чшобы Авторъ письма на Кавказъ былъ шакъ, какимъ желашь предшавить его Издашель Телеграфа. — Г. Полевой сказашъ, чшо письмо сїе *наполнено* ошибками прошиву языка Русскаго. Сказашъ, и не доказашъ. Слѣдовательно, чшо долженъ думать читашель, читая съ одной стороны доказашельства Д. Р. К., а съ другой вѣжливости Г. Полеваго на счетъ нравшвенныхъ качешвъ его прошивника, и его мнимаго и недоказаннаго невѣжештва? Невольно придетъ на умъ выраженіе Г. Полеваго, употребленное имъ прошиву Альманаха Музь (см. N 7 М. Телеграфа, 1826 стр. 123).

„Ты серднишся, Юниперъ, слѣдовательно шы не правъ!“

Напримѣръ: позволить ли кто себѣ въ XIX столѣшїи, сказашь о собрашшя своей,

Журналистахъ, то, что Г. Полевой сказалъ въ 3 номеръ М. Телеграфа на стр. 123? „Тотъ оскорбляетъ меня, кто подумаетъ, что я хоть *что нибудь общаго* имѣю съ Издашелями Сѣверной Пчелы и что я беру *что нибудь* изъ сей Газеты.“

Благонамѣренный, безприсрасшннй чпашель не знаешь, чему удивляешься въ сихъ словахъ! Эпного еще мы не видывали не только въ Словесности, но и въ обыкновенныхъ бумагахъ. — Помилуйте, Г. Издашель Телеграфа, и скажите, обдумали ли вы это выраженіе? *Хоть что нибудь общаго* съ Издашелями Сѣверной Пчелы — для васъ оскорбительно! Давно ли? По какому праву? — Но я не хочу дѣлать сравненій, чтобы не попасть на шотъ же путь личностей. На это вѣрно будущъ отвѣчать вамъ сами Издашели Сѣверной Пчелы.

Г. Полевой можешь не имѣть ничего общаго съ Издашелями Сѣверной Пчелы; по моему мнѣнію это для нихъ ни мало не оскорбительно, но это не мѣшаетъ ему побирашь Некрологи изъ сей Газеты, и предшавляшь ихъ въ обрѣзанномъ видѣ (**).

(*) Просимъ, напримѣръ, сказать, откуда Г. Полевой почерпнулъ Биографію Фусса, В. А. Левшина и другихъ? . . . Мы повѣримъ на слово, пусть ука-

Кромъ того многое-что и въ самомъ расположеніи заимствовано изъ Сѣвернаго Архива съ Литературными Листками? Самыя даже выраженія: *Модные обычаи* и ш. п. не въ первый ли разъ появились въ Литературныхъ Листкахъ? Ахъ, Г. Издашель Телеграфа! какъ вы забывчивы, какъ скоро отчуждались своихъ образцовъ и какъ подчиваете публику въжливостями, которыхъ она никогда не видывала въ печатномъ. За это мы обязаны вамъ и Г. Перевощикову. Опять повшоряю слова Г. Полеваго:

„Ты сердисься, Юпитерь, славовашельно ты не правъ.“

Должно ли говорить о шупкахъ Г. Полеваго на счетъ заглавныхъ буквъ имени и прозванія Авшора Кавказскаго письма? Нѣтъ, самъ Г. Полевой говорилъ намъ прежде, что публикѣ нѣтъ дѣла ни до имени, ни до роду, ни до племени Авшора. Я не вижу ни

жешь источники. Впрочемъ лучше было бы, если бы онъ бралъ въ сокращеніи изъ Сѣвер. Пчелы, тогда онъ не сказалъ бы, что покойный Астрономъ Шубертъ имѣлъ орденъ С. Владиміра 2 степени, что онъ прекрасно игралъ на гобой, что онъ былъ Начальникомъ Оидѣленія въ время путешествія въ Китай, и что онъ вовремя болѣзни, въ бреду, рѣшилъ важную Математическую задачу. Все это несправедливо. *Изд.*

какъ, почему буквы Н. А. П. лучше, нежели Д. Р. К. Мнѣ даже кажется, что это одно и то же. Разница въ сочиненіяхъ.

Я хочу остановиться на самомъ главномъ, а именно, на похвалѣ Московскому Телеграфу, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ же (№ 4, 1827, стр. 150—160) и почеркнутой изъ извѣстнаго Французскаго Журнала *Revue Encyclopédique*.

Г. Полевой говоритъ (стр. 158), что онъ, помѣстивъ похвалу себѣ „руководствованная не столько побужденіемъ личной суетности, сколько предположеніемъ, что читателямъ его любопытно будетъ видѣть сужденія Французскаго просвѣщеннаго Журналиста о Журналь Русскомъ.“

Если такъ, то Г. Издашело Московскаго Телеграфа надлежало бы выбрать сужденіе о другомъ Журналь, а не о своемъ. Онъ бы нашелъ для этого весьма много матеріаловъ во Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ Журналахъ. Напримѣръ: цѣлыя списки переводились изъ Сьернаго Архива въ *Journal* и *Annales des Voyages*, *Geogr. Ephemeriden*, издаваемыхъ знаменитымъ Гасселемъ, въ *Bulletin Universel*, издаваемомъ Г. Ферриусакомъ, и похвалы сему Журналу напечатаны во многихъ книжкахъ того же *Revue Encyclopédique*. Г. Полевому это должно

быть извѣстно — если же нѣтъ, то мы сославимъ о семъ особую выписку и доспавимъ къ нему съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ Московскомъ Телеграфѣ. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не перепечатано изъ М. Т., кромѣ извѣстія о Китайскомъ лакѣ.

Далѣе Г. Полевой болѣе объясняетъ цѣль помѣщенія похвалы своему Журналу. На стр. 159 онъ говоритъ: „теперь пускай и суди непристрастные, недоуверяющіе одному своему мнѣнію, взвѣсявъ сужденія Д. Р. К. Сына Опечества о Телеграфѣ, и мнѣнія о немъ же соудружника одного изъ лучшихъ Европейскихъ Журналовъ.“

Полно-те, Г. Издашело Телеграфа, полно-те, давно ли вы спали согласны съ мнѣніями соудружиковъ иноспранныхъ Журналовъ о Русской Словесности? Не съ пѣхъ ли поръ, какъ похвалили Телеграфъ (*)? Вошь какъ вы прежде ошзывались о семъ, и какъ дорожили мнѣніями иноспранныхъ Журналовъ. Я шолько буду ссылаться на васъ.

Въ № 16 Моск. Телегр. 1825 года, на стр. 358, въ началѣ списки подъ заглавіемъ: *Извѣстія о Россіи и Русской Литерату-*

(*) Ниже будетъ объяснено, какъ, почему похвалили, и на чемъ основались въ похвалахъ. *Сог.*

рѣ, помѣщаемыя во Французскіхъ Журналахъ," вы говорите: „Во Франціи и въ Германіи, безпрестанно являютя книги и Журнальныя списашы, въ которыхъ говорятъ и шолкуютъ о Россіи. Благодаримъ за вниманіе, и съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Россія весьма занимаетъ нынѣ умы Европейцевъ (?). Жаль только, что извѣстія о насъ большею частію и вѣрны и ошибочны.“ Нельзя не припомнить здѣсь стиха изъ Федры Расина:

C'est toi qui l'as nommé!

Въ No 15 М. Т. на 1825 годъ на стр. 271, вы, Г. Полевой, смѣшаете надъ Французскимъ Журнализмомъ, который говорите вамъ о находящемся во Франціи Украинскомъ Князѣ. И по дѣламъ смѣшаете.

Въ No 18 М. Т. на 1825 годъ на стр. 165, 166, 167, вы, Г. Полевой, насмѣхаетесь надъ Издашелемъ *Всеобщаго бюллетеня*, Барономъ Ферюссакомъ (*) и Издашелемъ *Глобуса*, которые, имѣя передъ глазами книги Русскія, исковеркали собшвенныя имена Писателей и сообщили объ нихъ и о книгахъ ложныя извѣстія. И по дѣламъ; вы

(*) Тотъ самый Баронъ Ферюссакъ, который доставилъ двѣ книжки Московскаго Телеграфа Издашелю Revue Encyclop. для похвалы! *Сог.*

правы. Въ No 11 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 173 и 174, Г. Полевой сперва опровергаетъ мнѣніе Нѣмецкаго Журналиста, который говоритъ небылицы о репертуарѣ Русскаго Театра, а послѣ того возмашетъ на Рецензента перевода Басень Крылова, въ славномъ *Журналь прѣій*. И по дѣламъ. Французскій Литераторъ (хотя опличный) не умѣлъ оцѣнить по достоинству Басень нашего Лафонтена. Вообразите: самого Крылова не умѣлъ оцѣнить по достоинству!

Въ No 3 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 294, Г. Полевой возмашетъ на Англійскіе и Нѣмецкіе ученые Журналы, сообщающіе ложныя извѣстія о Россіи, и говоритъ между прочимъ: „не удивляемся, если въ какомъ нибудь Журналь найдемъ *вздорныя извѣстія о Россіи* и проч.“ — Далѣе: „всего спрашите, что этому вѣрите, ибо перепечаташи эту нелѣпость въ другихъ Журналахъ, и никто не всхуцелся.“ По дѣламъ. — Но изъ этого видимъ, какъ мало знаютъ Русскую Литерашуру въ чужихъ краяхъ, когда никто не обнаружилъ нелѣпости!

Въ No 4 М. Т. на 1825 годъ на стр. 345, Г. Полевой восклицаетъ: „мы перебирали списашы, касающіяся до Россіи, и нашли множество ошибокъ!“ — Въ той же книжкѣ на стр. 385, Г. Полевой насмѣхаетъ

ся надъ Журналомъ *Revue Encyclopédique* (*), котораго Издатели, имѣя передъ собою книгу на Нѣмецкомъ языкѣ, Г. Борга, перековеркали всѣ извѣстія и имена. Тамъ сказано, что Князь Шаховской издалъ свои сочиненія въ С. Петербургѣ, въ 4 томахъ, заключающихъ въ себѣ Лирическія сочиненія, Романы, Баллады, Элеги, Посланія; что его слогъ сжашъ, но смѣль и силенъ. Князь Пешръ Андреевичъ Вяземской названъ Докторомъ Философіи и Профессоромъ Словесности и Краснорѣчія, искуснымъ Криптикомъ и Переводчикомъ древнихъ (***) и ш. п. По дѣламъ возсжалъ Г. Полевой на *Revue Encyclopédique* и обнаружилъ его ошибки. Я иду по слѣдамъ его.

Но не довольно ли будешь доказательствъ тому, что въ вносимыхъ Журналахъ помѣщаются весьма невѣрные, ошибочныя сужденія о нашей Литературѣ, о Литераторахъ, и что по словамъ самого Г. Полеваго, эимиъ свидѣтельствамъ не только не должно вѣрять, но даже не должно

(*) Тотъ самый Журналъ, въ которомъ нынѣ хвалятъ Г. Полеваго. Г. Геро тогда участвовалъ въ немъ, какъ и нынѣ. *Сог.*

(**) Объ этой ошибкѣ можно по справедливости сказать: *c'est un peu fort!* *Сог.*

удивляться ошибкамъ. Отъ чего же вдругъ сужденіе о самомъ Г. Полевомъ оказалось справедливымъ? Это что-то мудрено. Удивительнѣе всего, что Г. Полевой приводитъ свидѣтельство въ достоинствѣ своего Журнала Г. Геро, который уже съ 1823 года участвуетъ въ изданіи *Revue Encyclopédique*, хотя прежде сей Журналъ, по словамъ самого же Г. Полеваго, помѣщалъ весьма ошибочныя извѣстія и сужденія о Русской Литературѣ. Еще удивительнѣе то, что Г. Геро произнесъ приговоръ о Моск. Телеграфѣ, имѣя передъ глазами *только дѣль книжки онаго*. По двумъ книжкамъ нельзя опредѣлить достоинства изданія; въ этомъ сознается и самъ Г. Полевой (*). Напротивъ того Д. Р. К. имѣлъ передъ глазами цѣлое изданіе М. Т., отъ 1825 до 1827 включительно, и всѣ свои мнѣнія подкрѣпилъ доказательствами. Кому вѣрять! Должно замѣтить, что Г. Геро судилъ именно по шѣмъ книжкамъ, гдѣ переведено *его* мнѣніе о Бас-

(*) Г. Полевой имѣлъ догадку, прежде напечатанія похвалъ Геро своему Журналу въ началѣ сего 1827 года, напечатать похвалу самому Г. Геро въ концѣ прошлаго 1826 года, и назвалъ его прекраснымъ, преобрѣтымъ и пребезирисрасшнымъ судьей. Умно! *Сог.*

няхъ Крылова, съ похвалами Издашелл. Не вмѣшалось ли въ сужденіе Рецензента и Авторское самолюбіе?

Впрочемъ и самое мнѣніе Г. Геро о М. Т. исполнено ошибокъ, и въ похвалахъ его находишься много противорѣчій: это мы докажемъ.

Въ началѣ (стр. 150), Г. Геро говоритъ: „Московскій Телеграфъ начал свое поприще съ 1825 года (*), и, кажется, ему назначено (?) быть однимъ изъ лучшихъ Русскихъ Журналовъ. *Бѣглый обзоръ двухъ книжекъ*“ и проч. — И шакъ Г. Геро шолько кажется, что М. Т. назначено быть только однимъ изъ лучшихъ Журналовъ? Мало ли что намъ кажется! Г. Геро судитъ о будущей участи Журнала по *бѣглому обзору* двухъ книжекъ; — это въ буквальномъ смыслѣ значить, судить весьма поверхностно. Г. Геро не видалъ цѣлаго 1825 и 1826 годовъ — а мы ихъ видѣли! — Этомуъ прислушъ я не беру за похвалу. Далѣе Г. Геро говоритъ: „Первая и вторая часть (т. е. книжекъ М. Т., которыхъ были передъ глазами Г. Геро для *бѣлаго обзора*) *похождитъ на наше отдѣленіе: Записки и Извѣ-*

(*) Историческая истина, противу которой не спорю. *Сог.*

сшія и т. д.; третья часть представляешь *съ меньшимъ объемомъ наши два отдѣленія, Разборы и Библиографическій бюллетень* — и т. д.; четвертая часть соотвѣтствуетъ *нашему* отдѣленію ученыхъ Литературныхъ новостей.“

И шакъ Г. Геро въ самомъ расположеніи Телеграфа находишь *все свое*. Если бы онъ разсмотрѣлъ подробности и не ограничивался *бѣглымъ обзоромъ двухъ книжекъ*, то совершенно согласился бы съ мнѣніемъ Д. Р. К., который говоритъ почти то же во 2й книжкѣ С. О. на стр. 190 и 191—194. Разница въ томъ, что Г. Геро не могъ судить объ основательности критикъ Телеграфа по двумъ книжкамъ онаго, и не имѣя предъ глазами критикованныхъ сочиненій. Впрочемъ Г. Геро совершенно согласенъ съ Д. Р. К. на счетъ четвертой части Телеграфа. Г. Геро говоритъ на стр. 151: „желательно видѣть расположеніе и выборъ болѣе *строгий, болѣе удовлетворительный*.“ — И шакъ извѣстія, помѣщаемыя въ М. Т., не спрогаго выбора и неудовлетворительны? Не шю ли сказала Д. Р. К.; шолько другими словами?

Но вопъ ударъ! Г. Полевой вездѣ говоритъ, а особенно въ 1 книжкѣ на 1825 годъ, что онъ занялъ важнѣйшее мѣсто въ Липе-

рапуръ своимъ Журналомъ; претій годъ онъ гласитъ, что все прочіе Журналы негодны, и въ доказательство своего преимущества, ссылается теперь на похвалу Г. Геро, на Французскомъ языкѣ; — что же говоришь Г. Геро? Вошь что! стр. 151, строка 15: „но главную цѣль его, кажешся, составляютъ *этониси модѣ*, помѣщаемыя на Французскомъ и Русскомъ языкахъ и, вѣстѣ съ картинками, заимствуемыя изъ *нашихъ* Парижскихъ Журналовъ.“

Вошь одолжилъ по совѣсти! — И шакъ adieu Липерашура! *Гласилъ цѣль* — моды и модныя картинки, заимствуемыя изъ другихъ Журналовъ; а по словамъ самого Г. Воськова, который въ Русскомъ Инвалидѣ напечаталъ похвалу Московскому Телеграфу — эша часишь несравненно лучше въ Дамскомъ Журналь Князя Шаликова. Одолжили!

На стр. 155, строка 6, мы читаемъ сознание Г. Геро въ слѣдующихъ словахъ: „здѣсь мы прямо ошь своего лица должны *благодарить* Издашеля Московскаго Телеграфа за переводъ *нашего* разбора Русскихъ Басень Крылова, помѣщеннаго въ Июньской книжкѣ *Revue Encyclopédique* 1825 года; переводъ явился черезъ два мѣсяца послѣ выхода (?) подлинника. Но, если вѣришь долж-

но нѣкошорымъ другимъ Русскимъ Журналамъ, эша поспѣшность, споль лестная для насъ, не позволила Переводчику довольно позаботишься о слогахъ своего перевода. Сѣверная Пчела, издаваемая Г. Булгариннымъ, даже посвятила цѣлую колонию своего 125 Но для указанія на одну ошибку, незначительную, гдѣ слово *сто* замѣнено словомъ *плть*.“

На эшошь періодъ ошьвѣчаемъ:

1) Рецензешъ ошь своего лица *благодарить* Издашеля Московскаго Телеграфа. Эшо ключъ для разгаданія шайны, почему, послѣ бѣлаго обзора шолько двухъ книжекъ М. Т., Г. Геро показалось, что Московскому Телеграфу *назначено* (?) бышь *однимъ* изъ лучшихъ Журналовъ.

2) Г. Полевой на 159 стр. въ спрокѣ 2, говоришь о Г. Геро, въ отношеніи къ его сужденію о Московскомъ Телеграфѣ: „Французскій Липерашоръ въ Парижѣ, знающій Русскій языкъ, судишь не по наслышкѣ, не по внушеніямъ, не за глаза (?), а съ документами въ рукахъ.“ — Какъ же эшо разумьшь, когда эшошь Французскій Липерашоръ имѣешь передъ глазами переводъ *своей* спашьи въ М. Т., и не можешь самъ рѣшишь, хорошъ ли переводъ; сомнѣваешся, и не знаешь, вѣришь, или не вѣришь сужде-

ніямъ другихъ Журналовъ? Тутъ что-то не такъ. *U-a du louché.*

3) Г. Геро говоришь, что Пчела издается Булгаринымъ — оная не вѣрное извѣстіе; Булгаринымъ и Гречемъ.

4) Г. Геро изволишь ошибаешься, говоря, что въ 125 Но Сѣверной Пчелы цѣлая колонна посвящена одной ошибкѣ Московскаго Телеграфа. — Развертываю Но 125 Сѣверной Пчелы и вижу, что тамъ являющіяся и *Африканскіе саваны* и *Сирь Барскіе* и *Грипусье*. Впрочемъ, если это вина Издашелей Сѣверной Пчелы, что они посвятили менѣе *полустраницы* своего Журнала ошибкамъ Телеграфа, то самъ же Г. Геро обвиняешь и Телеграфа въ томъ, что онъ посвятилъ цѣлыхъ *семь* страницъ Баснямъ Г. Масловича. Квишь!

Послѣдняя *похвала* Г. Геро Московскому Телеграфу весьма основательна. См. стр. 157 и 158: „Если Изящная Словесность и Науки не могутъ процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не спанемъ на бездѣлки прашишь времени, котораго недодаемъ намъ на *досуги* болѣе *возвышенныя* (*) (??). Смотри съ эпой почки зрѣнія, мы упрекнемъ Издашелей Московскаго

(*) Безъ подлинника не понимаю. *Сог.*

Телеграфа за то, что четвертое опдѣленіе и прибавленіе они занимають *пересказами* (*) (*par des on-dit*), дневною хроникою или старыми анекдотами (**); пусть различіе могли бы помѣщаться абрисы нравовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ Наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ спашей, въ кошорыхъ они *общцали* бышь чуждыми, мы осылаемъ Авшоровъ оныхъ къ Басиъ (***) помѣщенной въ Но 17 Телеграфа и нравоученіе кошорой мы позволили себѣ нѣсколько развить.“

Вошь что дѣльно, то дѣльно! Таковую идею получилъ Г. Геро о Телеграфѣ изъ

(*) Это Журналистика. Не такъ ли говорилъ Д. Р. К.? *Сог.*

(**) Суцая правда! *Сог.*

(***) Нравоученіе сей басни, впрочемъ написанной весьма душно, есть слѣдующее:

Запльинки бумажныхъ преній!

Вы не бываше умный,

Когда въ пылу шакихъ сраженій

Не виднше, что вы съ браичностью своей

Пошъхой для однихъ безмысленныхъ судей.

Эта Басня есть то же, что извѣстная пѣсня въ Оперѣ Русалка: „Полно-ше вздорить, начнемъ-ше плясать!“ Просимъ заглянуть въ начало сей спашья. *Сог.*

двухъ книжекъ онаго, не взирая на свою благодарность и на все свое снохожденіе. Чтѣ бы было, если бь онъ видѣлъ полное собраніе Телеграфа?

Результатами моего письма суть слѣдующіе:

1) Показано, какъ противоположно судилъ Г. Полевой о сочиненіяхъ и изданіяхъ Г. Булгарина въ одномъ и томъ же 1825 году. Изъ этого можно заключить о спешеніи безприсрасія Московскаго Телеграфа.

2) Обнаружено, что Г. Полевой не опровергнулъ замѣчаній Д. Р. К. во 2 No С. О., но опдѣался своими *свѣдѣностями*, неидущими къ дѣлу.

3) Выбраны доказательства изъ словъ Г. Полеваго, что иностранные Журналы часто судятъ ошибочно о произведеніяхъ Русской Словесности и Литературохъ, и объяснено, что Русскій Журналъ не тогда хорошъ, когда Издашель иностраннаго Журнала изъ благодарности подчиваешь его вѣжливыми рѣченіями; но тогда, когда изъ Русскаго Журнала переводятъ сшашьи, а сего поняти не случилось съ Московскимъ Телеграфомъ.

4) Выписками изъ сшашьи Г. Геро о Московскомъ Телеграфѣ доказано, что онъ какъ ни старался прикрыть вѣдливостями

свои замѣчанія, но не могъ скрыть того, что гораздо сильнѣе обнаружилъ Д. Р. К.

Письмо мое заключаю совѣшомъ, почерпнутымъ изъ сей же сшашьи Г. Геро. „Пора также, очень пора Авторамъ и Кришикамъ оставить нѣлпыя требованія на всеобъемлющую ученость, и заняться съ большею пользою частностями. Хорошо знаютъ только то, что хорошо изучили; а въ наше время, какое знаніе не пребуешь цѣлой жизни и всѣхъ размысленій человѣка!“

Спрашиваю, не по ли безпрестанно попоряли во всѣхъ кришикахъ на Московскій Телеграфъ въ 1825 году? Не по ли говорилъ Д. Р. К. въ Кавказскихъ письмахъ? И какія слѣдствія должно извлечь изъ сужденія Г. Геро (*), когда онъ приводитъ сіе нравоученіе, говоря о Моск. Телеграфѣ? Дѣло ясное.

(*) Г. Геро, человекъ почтенный и ошлчннй Литературь. Онъ былъ въ Россіи и довольно хорошо знаетъ по-Русски. Напрасно Г. Издашель Телеграфа похваляется замѣчаніями Г. Геро; по двумъ книжкамъ Телеграфа онъ увидѣлъ въ ошдаленіи, что мы выдали вблизи въ настоящемъ видѣ. Мы удословѣрены, что когда Г. Геро разбереть подробно Телеграфъ, онъ будетъ нашего мнѣнія. *Изд.*

Зришь страсти буйныя сердецъ
 Несмѣнныхъ, какъ крупныя града;
 Къ Творцу взываешь, и Творецъ
 Даруешь щиръ отъ злобы ада.
 И прахъ исчезъ — злодѣвъ ишь! —
 Толпы безмысленныхъ не стало!
 Все озарилъ собою свѣтъ,
 И добродѣтель возсіяла! —

Гремите жъ пѣснь Царю Царей,
 Взыграйте, струны пробужденны!
 Да поразитъ вашъ звукъ сильнѣй
 Жестокыхъ сонмища надменны!
 Воспоржествуй, свяшый Сіонъ! —
 Да воцарится всюду радость!
 Живъ Богъ! — и свящъ Его законъ:
 Неправымъ казнь — правдымъ благоспль..

Фонъ-Кронекъ.

Кострома.

IV. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обо-
 зрѣніе происшествій 1826 года.

(*Продолженіе.*)

Народонаселеніе *Пруссіи* быспро умно-
 жается. При смерти Фридриха Великаго, въ
 семь Королевствъ не было 6 миллионъ
 жителей, въ послѣдовавшее десятилѣтіе при-
 было 1,700,000 душъ, а нынѣ счисляется
 всего 12,225,000 жителей, изъ коихъ болѣе
 220,000 въ Берлинѣ, и 82,234 въ Бреславлѣ,
 кромѣ военныхъ. Столица была непрерывно
 украшаема и распространяема. Король
 посѣдилъ въ семь году Кенигсбергъ и про-
 должалъ пушь въ Померанію. Наслѣдный
 Принцъ также посѣдилъ Померанію, другія
 Прусскія области, Гамбургъ и Королевство
 Нидерландское. Въ Рейнскихъ областяхъ и
 другихъ частяхъ Государства учинены бы-
 ли распоряженія о созваніи Чиновъ, а въ
 первыхъ возвращены права Дворянству. Вер-
 ховный Земскій Судъ въ Бреславлѣ приго-
 ворилъ нѣсколькихъ членовъ такъ называе-
 маго *Союза* юношей въ Келеникъ къ нака-
 занію не строгому, по мѣрѣ ихъ преспу-
 пленія. Въ Прусскихъ владѣніяхъ также по-

зволено было собирать въ пользу бѣдствующихъ Грековъ; сборъ сей былъ весьма значительнъ.

Германскому Союзу сданы были двѣ союзныя крѣпости Майнцъ и Люксембургъ, первая уже 15 Декабря прошедшаго года. *Баварія* все болѣе и болѣе процвѣтала подъ мудрымъ, бережливымъ и богатымъ преобразованиемъ правленіемъ великодушнаго покровителя Наукъ и Художествъ, Короля своего, который въ теченіе сего года, предпринималъ путешествіе въ Испанію. Великолѣпная столица, Мюнхенъ, была украшена новыми зданіями. Король щедро помогалъ нуждающимся Грекамъ, и позволилъ многимъ своимъ офицерамъ отправиться въ Грецію. Въ короткое время Мюнхенъ лишился трехъ знаменитѣйшихъ мужей: Сликса, Фрауенгофера и Рейхенбаха. Извѣстный Естествоиспытатель и Философъ Шеллингъ сдѣланъ былъ Директоромъ Академіи Художествъ. Ландгускій Университетъ переведенъ былъ въ Мюнхенъ. Въ Баваріи Дворянство нынѣ весьма многочисленно: оно состоитъ изъ 1384 домовъ, въ числѣ коихъ 13 Княжескихъ; число Жидовъ въ семь Королевствъ простирается до 53,402. Королевство *Виртембергское* также постепенно возрастало подъ мудрымъ и просвѣщеннымъ правлені-

емъ. Король посѣтилъ въ семь году Веймаръ и Ливорно. Государственные Чины собрались 1 Декабря. *Саксонія*, долго управляемая Королемъ своимъ, наслаждалась счастливымъ спокойствіемъ и благопріятнымъ положеніемъ финансовъ. Въ Дрезденѣ счисляется нынѣ 72,000 жителей, не включая военныхъ. Въ Лейпцигѣ снова наряжены были Коммисіи, для разысканія непопулярныхъ студентскихъ обществъ. Переходъ Герцога *Ангальтъ-Кетенскаго* къ Каполическому вѣроисповѣданію надѣлалъ въ Германіи много шума. Съ другой стороны Князь Сальмъ-Сальмскій перешелъ къ Протестантской Церкви. Герцогство *Саксенъ-Готское* и *Альтенбургское*, въ слѣдствіе договора, раздѣлены были между тремя Саксонскими Герцогскими домами, *Кобургскимъ*, *Мейнингенскимъ* и *Гильдбурггаузенскимъ*. По сему раздѣлу и учиненному въ семь случаевъ размѣну, Герцогство Гильдбурггаузенское исчезло изъ числа самостоятельныхъ Нѣмецкихъ Государствъ, и на мѣсто онаго поступило Герцогство Альтенбургское. Княжество *Рейсъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфское* было зрѣлищемъ кровавыхъ явленій. Военная сила должна была укротить смирныхъ крестьянъ, непохѣвшихъ давать заоговъ въ спреховыхъ взносахъ на случай

пожара; 20 крестьянъ были убиты или умерли отъ полученныхъ ранъ, 80 были только ранены. Въ *Ганноверскомъ* Королевствѣ собраніе Чиновъ открыто было 23 Января, а закрыто 27 Апрѣля. Погашеніе долговъ продолжалось тамъ съ успѣхомъ, также приложено было попеченіе объ оживленіи торговли и ремесль. Осенью происходили большіе маневры близъ столицы. Въ семь году было тамъ много ужасныхъ пожаровъ, кошорые, можешь бышь, не всѣ произошли случайно. Столица Курфиршества *Гессенъ-Кассельскаго* была значительно распространена. Въ Герцогствѣ *Гессенъ-Дармштадтскомъ* Чины собрались 3 Сентября, въ Княжествѣ *Нассавамъ* 20 Февраля. Изъ числа *Имперскихъ городовъ*, болѣе всего пострадалъ отъ великаго недостатка въ денежномъ обращеніи *Франкфуртъ*, въ коемъ важнѣйшій торгъ производился облигаціями; напрошивъ того оказалась въ сію эпоху швердоссть торговли *Гамбурга*. Здѣсь ни одинъ домъ не упалъ отъ сего несчастія; вообще менѣе всего пошерѣли отъ онаго сей городъ и Парижъ. Въ 1825 году прибыло въ Гамбургъ 1863 корабля (257 болѣе, чѣмъ въ Амстердамѣ), а оплыло изъ онаго 1858. Родилось 3848, умерло 3509 человекъ. Въ Любекъ, гдѣ открытъ новый шерстя-

ной рынокъ, умерло 626, родилось 741 человекъ. Украшеніе Гамбурга и его окрестностей поспоянно продолжается съ прежнею ревностію; рядъ новыхъ строеній поднялся въ семь году между Гамбургомъ и Альшоною, а будущю весною будешь окончень новый Театръ. Американская и Вестъ-Индская торговля безпрерывно спановилась важнѣе какъ для Гамбурга, такъ и для *Бремена*, и торговыя предпріянія сихъ городовъ простирались не только въ отдаленнѣйшія области Новаго Свѣта, Перу и Хили, но и въ Синкапуръ и другія воспочныя и южныя Индійскія гавани. Значительное участіе въ сихъ предпріяніяхъ принимала *Рейнско-Вестъ-Индская Компанія*, кошорая даже снаряжаетъ экспедиціи въ Кипай, и наслаждается полнымъ успѣхомъ, преимущественно полезнымъ для оживленія ремесль въ Германіи. Позволеніе ввозить хлѣбъ въ Англію и возвышеніе цѣнъ на жишю снова оживили померкшую надежду земледельцевъ въ Германіи; напрошивъ того замѣчено, что овцеводство въ послѣдніе годы тамъ слишкомъ распространилось, такъ, что не было довольно сбышу. Двое опличнѣйшихъ Спихотворцевъ переселились въ семь году въ другой міръ: безсмертный *Швецъ Луизы* и Переводчикъ Гомера, *Юаннъ*

Гейрихъ Фоссъ умеръ 29 Марта въ Гейдельбергъ, а близь онаго въ Швецингенъ, скончался 21 Сентября Сочинитель милыхъ Аллеманскихъ пѣсень, Гебель. — Для Германіи, кошорая въ Дашскомъ Поэзіи, Генсъ Баггезенъ, лишилась также одного изъ Корифеевъ своей Литературы, сія потеря пѣтъ чувствительнѣе, что въ числѣ 60,000 книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1814 года преимущественно по части Поэзіи и Изящной Словесности, столь обильной числомъ, мало находишя существеннаго и прочнаго: съ сего періода можно считать начало серебрянаго вѣка Нѣмецкой Словесности. Еще заслуживаютъ бытъ упомянутыми извѣстный Астрономъ Боде, родившійся въ Гамбургъ, умершій въ Берлинъ 23 Ноября на 80 году, и знаменитый Музыко-сочинитель, Карлъ Марія Веберъ, 39 лѣтъ, умершій 5 Іюня въ Лондонъ. Открытыя въ Фрейбургъ, что въ Бригавъ, древнія гробницы общающъ распространить новый свѣтъ на древнюю Исторію Германіи.

Данія начала Новый годъ въ счастливыхъ обстоятельствѣхъ. Сія Монархія, кошорой нынѣ минуло 29 столѣтій и кошорая уже 378 лѣтъ находишя подъ благодѣтельнымъ правленіемъ Ольденбургскаго Дома, праздновала 14 Мая шестидесять ве-

денія Вѣры Христіанской, освященіемъ церкви при великолѣпномъ Христіанбургскомъ замкѣ, сгорѣвшемъ за три десятилѣтія, и обрученіемъ Принца Фридриха Карла Христіана (род. 6 Октябрю 1808 года), со второю дочерью Короля, Принцессою Вильгельминою Марією (род. 17 Января 1808 года). Хотя жатва въ нынѣшнемъ году была въ Даніи не весьма обильна, однако же вновь открытый ввозъ хлѣба въ Англію и потребность Швеціи подкрѣпили упавшій духъ земледѣльцевъ и уже въ семь году оказывали благотельное свое вліяніе. Между пѣтъ Вестъ-Индскіе острова имѣли такую богатую жатву, что оною могли покрытъ недоспашокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Островъ Св. Томы опять потерпѣлъ отъ ужаснаго пожара, а Западный берегъ Герцогеншвъ отъ повальной болѣзни, кошорой однако не многіе люди сдѣлались жертвою: и шонъ и другая были сдѣлствиемъ жаровъ и засухи. Съ Сѣверною Америкою заключенъ былъ торговый договоръ, на основаніи важныхъ взаимныхъ услугъ. Въ различныхъ мѣстахъ западнаго берега открыты богатые желѣзные жилы. Правительство ревностно пеклось объ улучшеніи скоповодства, принадлежащаго къ важнѣйшимъ источникамъ Государственныхъ доходовъ.

Данія лишилась въ семь году одного изъ отличнѣйшихъ Стихотворцевъ своихъ, Иенса Баггезена, который, претерпѣвъ жесточайшіе удары судьбы, умеръ на возвращенномъ пути изъ Гамбурга. Нынѣ народонаселеніе Даніи составляетъ 1,171,278, Шлезвига 323,225, Голштиніи 401,520, Лауенбурга 35,000, Исландіи на 50,000, Феррейрскихъ острововъ 5200, Гренландіи 46,000 душъ. Число жителей въ Акрѣ, важной Датской области на Золотомъ берегу Африки, которая великою своею равняется Датскому Королевству и со временемъ, можетъ быть, заслужитъ еще большее вниманіе, какъ поселеніе преступниковъ (равно какъ и въ Ост-Индскихъ владѣніяхъ) не означено. Въ 1825 году 13,163 корабля заплатили пошлину въ Зундъ; въ Копенгагенѣ, коего народонаселеніе полагается нынѣ въ 108,000 человекъ, родилось 3280, умерло 3201 челов.; повсюду число жителей быстро возрастаетъ.

Швеція имѣетъ нынѣ 2,724,778 душъ, а столица оной, Стокгольмъ, (въ которой прошедшаго года родилось 2692, умерло 2,780 челов.) 72,137 душъ. И въ семь Королевствъ мѣсяць Май возбудилъ радостнѣйшія чувства: 3 числа, любимая всеми Наслѣдная Принцесса Швеціи разрышилась отъ бремени будущимъ Наслѣдникомъ престола,

который получилъ титулъ Герцога Шоненскаго или Скапійскаго. Въ начавшемся нынѣ году будешь окончена исполнская работа Гетскаго канала, коего постройка началась въ 1809 году и ежегодно стоила отъ 4 до 500,000 рейхсталеровъ; за то въ послѣдствіи времени, она будешь доставлять величайшія выгоды для сбыту Шведскихъ произведеній. Къ достопамятностямъ сего года принадлежали ужасные лѣсные пожары, которые распространились до того, что подвергли самую столицу величайшей опасности. По причинѣ неудачной жатвы, понижена была пошлина на нѣкоторые роды жита, и Правительство предприняло поспѣшныя мѣры для предупрежденія дороговизны хлѣба. Въ сѣверной *Норвегіи* жатва также была не обильна въ 1825 году, но заботливость начальства отвратила недоспашокъ; въ 1826 году, сія часть Королевства наслаждалась обиліемъ хлѣба, между тѣмъ какъ южная периферія недоспашокъ въ ономъ. Предприняты были сильныя мѣры прошиву размноженія волковъ. Ужасный пожаръ превратилъ большую часть Фридрихсгалла въ пепель. Христіанія распространяется и украшается новыми зданіями; народонаселеніе сильно возрастаетъ въ сей столицѣ. Въ концѣ года, Норвежцы занимались выбо-

рами къ будущему Споршингу, на копоромъ, какъ ожидаютъ, разсуждаемо будетъ о важныхъ предметахъ. — Въ семь году скончалась супруга бывшаго Короля Шведскаго, Густава-Адольфа IV, урожденная Принцесса Баденская. Шведы принимаютъ пламенное участіе въ политическихъ происшествіяхъ всего міра, въ чемъ свидѣтельствуютъ тамошніе публичные листки. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ и опбергнупо предложене спроши въ Шведскихъ гаваняхъ военные корабли для Египта.

(Продолженіе впрѣдъ.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

Нравственная Философія.

13. *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты дочери своей. Сочин. Г-жи Таньской. Съ 4 (Поляскаго) изданія перевела Е. М. С.п.б., въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1827, съ заглавною вишенкою, изображающею дочь, сидящую у памятника*

матери съ книгою ея совѣтовъ. XIV — 374 стр. въ 12 д. л.

(Эта одна изъ лучшихъ книгъ для нравственнаго образованія молодыхъ дѣвицъ. Въ ней преподаны спасительныя совѣты для сердца и разума, указаны пути добродѣтелей и означены мрачныя пропы пороковъ. Кроме сего, книга сія содержитъ въ себѣ весьма хорошія наставленія о томъ, чему молодая дѣвица должна учиться, какія знанія, какія пріятныя искусства ей приличны и нужны; какъ молодая дѣвица и молодая женщина должны себя вести въ свѣтѣ и въ собственномъ семействѣ; какъ сберегать свое здоровье, завѣдывать домомъ и хозяйствомъ и пр. и пр. Переводчица удостоилась поднести свой переводъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и была осчастливлена лестнымъ одобреніемъ Ея Императорскаго Величества.)

14. *Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предельствія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г. Колье, служащее продолженіемъ Французскихъ нравовъ Г. Жуи. Перев. съ Франц. А. О. Часть II. С.п.б. въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома. 1826. 145 стр. въ 12 д. л.*

(Всякое успешное дѣло имѣетъ своихъ подражателей и послѣдователей. Эта аксіома въ особенности можешь быть примѣнена въ Лихерашурѣ. Когда въ началѣ минувшаго десятилѣтія, Г. Жуи началъ издавать своего Пустышника, то по его слѣдамъ начали являться во Франціи шоппы опшельниковъ среди большого города, бродящихъ шариковъ, неутомонныхъ говоруновъ. Почти все они, подъ предлогомъ наблюденія нравовъ, выманивали деньги и скуку чинашелей. Изъ этой шоппы, должно однако же исключитъ Гг. Ружемона (Rougemont), Кольне и Г-жу Софію П.... Первый изъ нихъ въ *Бродиль* (le Rodeur), второй въ *Пустышникъ С. Жерменскаго предмѣстія*, и послѣдній въ *Уличномъ Писарѣ* (l'Écrivain public), показали отличную способность въ наблюденіи нравовъ и даръ высказывать оные въ видѣ занимательномъ. Французскіе Журналы опдали полную справедливостъ симъ шремъ Писателямъ, и, безъ сомнѣнія, шъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои любяшъ чинашъ кнѣги на Рускомъ языкѣ, найдутъ въ Пустышникѣ *Сен-Жерменскаго предмѣстія*, по уму и по образу его мыслей, младшаго брата Пустышниковъ Аншенскаго, Гвианскаго и другихъ, коихъ наблюденія переданы намъ оспроумнымъ Жуи. Русскій переводъ очень хорошъ: Переводчикъ хорошо выкинулъ въ духъ своего Автора и весьма вѣрно подражалъ легкому, живому его слогу.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(Продолженіе.)

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ ЮЛИИ БЛЕНГЕЙМЪ.

Наканунъ моего отъѣзда изъ замка Бленгеймъ.

Ужасная минута наступила! Мнѣ должно вѣшать, оставивъ жилище юныхъ дней моихъ. Опекунъ мой прислалъ за мною карету, шребуешь чшобы я носѣшила занашъ мѣсто, вышрошенное имъ для меня, сироты, ему ввѣренной. — Должно повиноваться! Что буду я дѣлать при Дворѣ безъ доброй пещушки, заснувавшей мѣсто моихъ родителей, конторыхъ, увы! я даже и не помню!... Но воспоминаніе о ней никогда не изгладится изъ сердца моего, ею образованнаго. Мнѣ кажется, что я еще вижу ее на одрѣ смерти, когда она, слабо держа моя руку, съ нѣжностію успремляла

на меня угасающей взоръ свой. „Юлія,“ говорила она: „я тебя оставляю: о, если бы я могла и опшуда охранять тебя отъ всѣхъ опасностей, которыми ты окружена будешь! Общай мнѣ, любезное дитя, на блещущемъ поприщѣ, куда призываетъ тебя судьба, сохранишь въ добродѣтели, которыми старалась я внушить тебѣ. Не полагайся никогда на себя, на свою чувствительность. Общай мнѣ, Юлія, всякій вечеръ, прежде нежели ты ляжешь спать, отдавать опчешь совѣсти своей во всѣхъ своихъ мысляхъ и поступкахъ въ продолженіе дня, и въ то же время описывай ихъ.“ Я дала ей слово, и сдержу его. Дай Богъ, чтобы мнѣ никогда не случилось писать ничего такого, что бы могло огорчить душу ея, наслаждающуюся ненарушимымъ спокойствіемъ. Любезная пестушка! безцѣнный другъ мой! Дай Богъ, чтобы Юлія пребыла навсегда достойною любви твоей! Опъ г-жи Нагелинъ, моей надзирательницы, взяла она обещаніе никогда не оставлять меня: ахъ, она заботилась обо мнѣ, какъ о родной своей дочери! Опекунъ мой изъявляетъ мнѣ въ письмѣ доброе расположеніе свое и супруги своей. О, я надеюсь, что вездѣ найду друзей и покровителей: однако, оставляя тихое сіе убѣжище и

вступая въ шумный свѣтъ, хощь и привлекательный для меня, сердце мое ощущаетъ что-то горестное: радость и печаль, спрхъ и надежда, превожать мою душу: не знаю, которому изъ сихъ чувствъ должна я болѣе предаваться.

Въ день моего приѣзда.

Неужели я въ самомъ дѣлѣ нахожусь въ столицѣ, за 30 миль отъ Бленгейма?... Мнѣ кажется, что это сонъ!... Дорогою, я почти безпрестанно думала, что это жилище совсѣмъ не будетъ сходно съ тѣмъ, которое я оставила; но, къ чему послужили всѣ мои разсужденія? Существованіе превзошла все, что я могла вообразить. Правда, добрая моя г-жа Нагелинъ пригласила меня къ новымъ предметамъ, рассказывая дорогою о всемъ томъ, что я увижу, о названіи улицъ, о многихъ извѣстныхъ зданіяхъ, и о томъ, какую жизнь ведутъ здѣсь знаменитые люди. Удивленіе мое, когда я слушала, было смѣшано съ какою-то робостію и непрерывнымъ видѣньемъ все поскорѣе; но что значило оно въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое овладѣло мною, когда мы проѣзжали разныя улицы, прежде, нежели достигли великолѣпнаго зданія, въ которомъ

жизнь мой опекунъ; когда я видѣла множество экипажей, спремющихся одинъ за другимъ, полны женщинъ и мужчинъ, дерзко заглядывающихъ въ нашу карету: ахъ, тогда съ трудомъ могла я удерживать свои слезы!... Всѣ предметы, встрѣчавшіеся глазамъ моимъ, были для меня шакъ новы!... Безспыдное любопытство незнакомцевъ оскорбляло меня. Впрочемъ, удивленіе мое, смѣшанное съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ, ясно изображалось на лицѣ моемъ, ибо я видѣла, что многіе, взглядывая на меня, улыбались, и это самое умножало мое смущеніе. Уградскихъ воровъ повстрѣчалась намъ карета владѣтельнаго Герцога, опправляющаяся въ увеселительный замокъ: въ ней сидѣла Герцогиня, при видѣ кошпной почталіонъ нашъ снялъ шляпу и повернулся въ сторону. Съ восторгомъ разсматривала я блестящій экипажъ; въ ту же минуту подумала, что сама въ скоромъ времени буду ѣздить въ немъ, и гошова была сообщить почталіону о радостныхъ моихъ надеждахъ. Въ самую ту минуту провѣхалъ мимо насъ молодой человекъ, верхомъ. Красивый мундиръ его и пріятная наружность заставили меня взглянуть на него. Онъ поклонился мнѣ весьма учтиво. Я пришла въ смущеніе, покрасѣла и немедленно спряча-

лась въ карету. „Это нашъ Герцогъ,“ — сказала почталіонъ. Боже мой! какъ я испугалась!... Что подумаешь онъ обо мнѣ? Мнѣ должно было ему поклониться, а я, вывѣсивъ этого ошворонила.

Здѣсь, у опекуна моего, оказываютъ мнѣ много вниманія. Когда я прѣехала, онъ самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу: я дрожала и съ удовольствіемъ приняла его руку. Онъ привелъ меня въ мою комнату. „Ошдохните, любезная Юлія,“ сказалъ онъ мнѣ ласково: „я сей часъ пришлю къ вамъ Графиню.“ Онъ ушелъ. Г-жа Нагелинъ намѣревалась шакъ же удалиться; со слезами просила я ее не оставлять меня, но она ошвѣчала, что пора уже мнѣ привыкаться обходиться безъ нее, чего пребовало и свѣское приличіе. Мнѣ казалось, что она не очень была довольна пріемомъ, намъ сдѣланнымъ. „Это г-жа Нагелинъ,“ сказала я съ робостію опекуну моему, когда, при встрѣчѣ его со мною, выходила изъ кареты. „Да, я знаю, она ваша надзирашельница,“ и — послѣ этого не сказалъ онъ ей ни слова. Какъ мнѣ жаль, что при первомъ шагѣ моемъ сюда, огорчили шакъ мою пріятельницу! — Неужели этому шакъ бытъ должно?

Можешь бышь, свѣшу неизвѣстно дружесиво... За всѣмъ гнѣмъ, эшо кажешся мнѣ весьма дурнымъ предзнаменованіемъ.

Обращеніе Графини Винфельдъ не очень мнѣ нравишся. Ея холодность... но, можешь бышь я ошибаюсь. Она мнѣ говорила, что часто бываешь больна; я эшому вѣрю, пошому, что лице ея шакъ блѣдно. Г-жа Нагелинъ думаетъ, что эша блѣдность происходитъ отъ излишняго упошребленія румянъ, необходимыхъ для придворныхъ дамъ. „Меня ужъ не принудашъ къ эшому“ сказала я ей. Она засмѣялась: „теперь и не зачьмъ,“ отвѣчала она: „пошому что цвѣшь лица вашего шакъ еще хорошь; но когда суешливая придворная жизнь испребишь его, шакъ вѣдь должно же будетъ замѣнишь недоспашокъ искусшвомъ?“. Боже мой! шакъ эшо-шо называюшь свѣтскими удовольствіями?... Ахъ! какъ справедливо описывалихъ добрый нашъ Пасторъ!... Такъ, здѣшьшо бываюшь недовольны сами собою: уже я на себя испышываю. Графиня приказала мнѣ ипши за нею въ гостиную и рекомедовала меня многимъ дамамъ и мужчинамъ, которые шупъ находились; спрахъ и смущеніе свдзывали мой языкъ; я молчала, и

думаю, что поступъ моя, поклоны и всѣ шѣлодвиженія должны были казашся неловкими и смѣшными; къ шому же лице мое разгорѣлось и конечно было безобразно: волосы шакъ расшрепались... Раземашривая красивую прическу дамъ, бывшихъ у Графини, смущеніе мое увеличивалось, а мысль, что эшо происходитъ, можешь бышь, отъ гордости, чрезвычайно меня огорчала. Дай Богъ, чтобы впредь подобныя движенія никогда не возникали въ душѣ моей!....

Спустя девять дней.

Какіе полезныя и пріятныя предметы являюшся глазамъ моимъ! Какъ весело смошрѣшь на разныя вещи, изобрѣшенныя умомъ человѣческимъ! Какова же должна бышь премудрость Всемошущаго, когда и человекъ, швореніе рукъ Его, можешь выдумашъ споль много хорошаго! Великій Боже! даруй, чтобы я никогда не забывала величія Твоего и милосердія!... Но что я говорю? Можно ли позабышь ихъ, когда всѣ предметы, меня окружаюшце, безпреспанно возбуждаюшь сердце мое къ наслажденію и благодарности?

Вчера я была въ церкви и слушала духовный концертъ. Ахъ! и теперь еще эта музыка раздается въ душѣ моей: мнѣ казалось, что я была на небесахъ и внимала хору Ангеловъ. Тутъ, въ первый разъ видѣла я старую Герцогиню и Владѣшельнаго Герцога; въ семь послѣднемъ шотчасъ узнала того молодого человѣка, котораго видѣла у градскихъ воровъ; вспомнивъ, какъ я тогда отъ него спряталась, я покраснѣла, конечно и онъ не позабылъ того, потому, что взглянувъ на меня, улыбулся; потомъ безпрестанно смотрѣлъ на меня: большіе черные глаза его прекрасны, но мнѣ не нравился ихъ выраженіе. Графиня невозможно было предсавивъ меня Герцогинѣ въ церкви; я только поклонилась ей издали. При звукахъ торжественной музыки, увидѣла я ихъ, отъ которыхъ будешь зависѣть моя участь: дай Богъ, чтобы это было хорошимъ предзнаменованіемъ! Какъ расстрогало меня чувство набожности, видѣнное мною на лицахъ всѣхъ придворныхъ! Нельзя было не замѣтить вниманія и усердія молящихся. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь люди наиболее должны прибѣгать къ помощи Всевышняго; Онъ только Одинъ можешь успокоить души ихъ, столь часто возмущаемыя мірскими преследеніемъ. Въ деревнѣ, добрые поселяне,

по бѣдѣйшей части твердо уже увѣрены въ милосердіи Божию, и потому молища ихъ бываешь спокойна. Образъ набожности сихъ послѣднихъ прогаешь мое сердце, но чувство благоговѣнія первыхъ совершенно увлекаешь и возвышаешь мою душу. Завтра я буду представлена Герцогинѣ: какъ спрашивъ меня мысль объ этой минутѣ! Только сего дня Графиня разговаривала со мною о обязанностяхъ Спашсъ - Дамы: она сама исправляла эту должностъ двадцать лѣтъ. Когда же, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, она вышла за Графа, то Герцогиня спросила, нѣтъ ли у него въ родствѣ какой дѣвницы, которая могла бы заступивъ ея мѣсто; онъ говорилъ обо мнѣ, какъ о дочери его друга, имъ ему ввѣренной, и Герцогиня согласилась взявъ меня къ себѣ. Такъ - то и всегда бываешь на землѣ: на мѣсто упавшаго листочка, произраспаешь другой. Часто случается, что непредвидѣнные обстоятельства дѣлають положеніе наше совсемъ ошалчивымъ отъ того, которое, по видимому, судьба для насъ назначала. Все происходитъ по изволенію Божию. Надобно, чтобы я попала къ Двору. Ахъ, какъ бы я желала, чтобы часъ предсавленія моего тамъ уже миновался! И одинъ видъ дворца, сего древняго зданія, приводитъ меня въ

ужась. По ушпру, когда мы капались вмѣстѣ съ Графиней и проѣзжали мимо, она указала мнѣ на два небольшія окошка и сказала: „вошь швое будущее жилище, Юлія; оно было и моимъ: дай Богъ, чшобъ шы проводила въ немъ время споль же пріятно, какъ я, и съ шакими же радостными чувшвами его оставила!“ Мнѣ показалось, что она произнесла эти слова съ какимъ-шо увшіемъ: вдругъ предшавилось мнѣ, что это жилище будешь моею гробницею, и чувъ было я не заплакала. Ахъ! зачѣмъ опекунь мой рекомендовалъ меня Герцогинѣ?..... Я чувшвую себя совершенно неспособною къ придворной жизни.

На другой день моего представленія ко Двору.

Какъ смѣшенъ кажешся мнѣ вчерашній спрахъ мой! Право, я никакъ не воображала, чшобы все шакъ скоро и хорошо кончилось. — Добрая Герцогиня! какъ она меня обласкала!..... Взоры ея ободрили унылый духъ мой.... я съ нѣжностію поцѣловала ея руку; она посадила меня возлѣ себя на шабурешъ, и распрашивала, какъ проводила я время въ деревнѣ и чѣмъ шамъ занималась. Думаю, что мои отвѣты были со-

вершенно прошивны придворному пону. Герцогиня съ Графиней часшо посмашривали другъ на друга; первая улыбалась, по улыбка ея изьявляла добродушіе. Пошомъ повела она меня по комнашамъ и показывала мнѣ разныя картины, шашуи, и фамилные поршрешы. Я видѣла шуть разныя вещи и, между прочимъ, часы съ музыкою: ахъ! какъ это прекрасно! Герцогиня подарила мнѣ маленькую золоную пшичку; когда допронешся до пружинки, подъ крыломъ, шо пшичка поешъ, какъ живая. Какъ благодарна я Герцогинѣ за шакой прекрасный подарокъ! Какъ прівлекательно ея обхождение! какъ хороши, какъ пріятны всѣ слова ея! Съ какимъ нѣжнымъ чувшвомъ говорила она о сыновьяхъ своихъ, указывая мнѣ на ихъ поршрешы. Младшаго изъ нихъ, Принца Карла, здѣсь нѣтъ; при года уже, какъ онъ ошправилася, съ войскомъ, въ Восточную Индію. Долго смошрѣла я на его изображение: онъ показался мнѣ споль же хорошъ, какъ и брашъ его, шолько взоры Принца, одушевленные какою-шо нѣжностію, дѣлають его гораздо пріятнѣе; глаза же Герцога изьявляють нѣчто гордое, мрачное и даже злобное....

Скоро мнѣ можно будетъ свободнѣе разсмащривать фамильные поршреты и всѣ каршины; чрезъ нѣсколько дней, надобно вступитъ въ назначенную мнѣ должность: Герцогиня не намѣрена опсрочивать долѣе; правду сказать, я и сама съ непернѣиємъ ожидаю этой минушы. Какъ непостоянно сердце человѣческое! Теперь я чрезмѣрно желаю, чего прежде такъ спрашривалась; однако я чувствую, что не щиславие мое, не великолѣпіе, виднрое мною во дворцѣ, вскружили мнѣ голову; нѣтъ, добродушіе Принцессы, ласковое обхожденіе ея, увррнность въ ея покровительствѣ и сладостная надежда заслужитъ ея благоволеніе; вошь что перемѣнило мои мысли! Но — теперь уже я не думаю, чтооь онѣ могли еще разъ перемѣниться. Сохрани меня Боже отъ шакого легкомыслія: я довольна настоящимъ моимъ положеніемъ, и ничего не желаю болѣе.

Слуста нѣсколько дней.

Баронесса Габріель конечно меня спраше: это показываешь и лице ея и поступки; однако она всегда хочешь во всемъ равняться со мною. Если я украшаю волосы моей розовою гирляндю, на другой день Баронесса надѣваетъ шочно такую же; когда

я бѣгу по лѣстницѣ, въ наши комнаты, Баронесса также спѣшитъ, чтобы не опспашь отъ меня. Третьяго дня я была очень виновата передъ нею: я побѣжала нарочно скорѣе обмковеннаго; она пошоропилась, и такъ запыхалась, взбѣжавши на верхъ крыльца, что не могла произнести ни слова, и сильно кашляла. Я взглянула и засмѣялась. О! какъ сурово посмошрѣла она тогда на меня, и я замѣчаю, что съ шѣхъ поръ она какъ будто спарается при всякомъ случаѣ сказать мнѣ что нибудь непріятное. Ахъ! какъ она досадила мнѣ вчера: Герцогъ пришелъ навѣститъ мать свою; Герцогиня, чтобы занять его, предложила каждому изъ бывшихъ шупъ, взять роль какой нибудь особы изъ Истории, Романа, или изъ театральнор піесы, и въ продолженіе вечера выдерживать ее: она надѣялась, что такая забава послужитъ развлеченіемъ для всѣхъ. Никто не осмѣлился ошказаться отъ ея предложенія: я пррешала и не знала, какое лице должна буду взять на себя и какъ говорить, представляя его: мнѣ казалось это чрезвычайно шраннымъ. Смущеніе мое спановилось примѣшнымъ; какъ вдругъ Баронесса съ громкимъ смѣхомъ сказала мнѣ: „что вы такъ задувались, Графиня? Не вспомните ли волшеб-

ныя сказки, какія слышали въ деревнѣ ошъ своихъ нянюшекъ, чтобы выбрать для себя какую нибудь роль? . . .“ Эпи слова умножили мое замѣшательство: я покраснѣла; слезы выступили изъ глазъ моихъ. Въ самую ту минушу Герцогъ всмалъ, подошелъ ко мнѣ и, помнился, сказала сѣдующее: „конечно Графиня Юлія возьметъ для себя роль Сандрильоны, кошорая, подобно разцвѣтшей розѣ, явилась, зашмила красошою своею старшихъ сестеръ и самого Царя зашвила преклонить предъ собою колѣна.“ Баронесса поблѣднѣла, а я, ободренная такими словами, осмѣлилась взглянуть на всѣхъ и увидѣла, что Герцогиня, бросивъ сердитый взглядъ на Баронессу, посмошрѣла на меня, но уже не съ обыкновеннымъ добродушіемъ. Не знаю, въ чемъ провинилась я предъ нею . . .

Игра прервалась въ самомъ началѣ, чему и весьма обрадовалась. Герцогъ, казалось, былъ чѣмъ-шо недоволенъ. Герцогиня находилась въ замѣшательствѣ, выдумывала другія забавы, но ни одна не состоялась; наконецъ всѣ рѣшились заняться музыкою. Баронесса пѣла, и похвалы громкому ея голосу наградили ее за маленькое неудовольствіе, нанесенное ей прежде. Я шак-

же хотѣла сказать ей что нибудь лестное, но никакъ не осмѣлилась.

Добрая моя Г-жа Нагелинъ качала головою, когда я рассказывала ей это приключеніе. Взоры ея показывали неудовольствіе. „О, какъ бы я желала,“ сказала она: „чтобы моя Юлія никогда не возбуждала подобной ревности! Когда мы оскорбляемъ чье нибудь шщеславіе, шо въ обиженномъ лицѣ дѣлаемъ себѣ непримиримаго и самаго опаснаго врага. Гордость, моя милая, наиболѣе вкрадывается въ сердца женщинъ. Намъ все хочется, чтобы предпочитали насъ другимъ особамъ нашего пола. Ахъ! Юлія! Юлія! прибавила она, обнимая меня, старайся охранять сердце свое ошъ безразсуднаго шщеславія!“ — О, конечно я послѣдую этому совѣшу, завтра же пойду къ Баронессѣ, извинюсь передъ нею въ моихъ просшупкахъ; скажу, что еще не привыкла къ обычаямъ свѣтскимъ; буду просить у нея насшавленій, и если все это не возвращишь мнѣ ея пріязни, шо по крайней мѣрѣ, совѣсьш моя меня успокоишь.

Въ первые дни карнавала.

Когда я, живши еще въ деревнѣ, читывала шешушкѣ описанія различныхъ празднествъ, но всегда думала, что это одніе только выдумки Историковъ и Поэтовъ; а теперь ясно вижу, что заключенія мои были очень несправедливы. Вчера, напримѣръ, въ Оперѣ, я гошова была въришь, что музыка и декорации суть дѣйствіе волшебства. Въ восторгѣ, я не замѣчала даже Герцога, который давно уже былъ въ нашей ложѣ. Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихо: „неужели прекрасная Юлія способна заниматься только чувствами вымышленными? Неужели существенныя не могутъ прогнать юнаго сердца?“

Эти слова привели меня въ смущеніе. „Милоспивѣйшій государь,“ сказала я ему почтительно: „я думала, что находясь здѣсь, должно и заниматься только представленіемъ оперы?“

— „Конечно,“ возразилъ онъ съ живостію: „если только это удовольствіе вамъ нравится. Вы стремишесь къ забавамъ и не хопише думать о несчастномъ...“ Уже я намѣревалась прервать слова его и сказала, что не понимаю ихъ, какъ вдругъ Герцогиня подозвала меня и велѣла сѣсть позади нея. На вопросы ея, каково казалось мнѣ

новое для глазъ моихъ зрѣлище, я должна была изяснить чувствуемое мною удовольствіе, и такимъ образомъ избавилась отъ разговора Герцога, который мнѣ очень не нравился. Между тѣмъ, онъ, какъ нарочно, находилъ всегда случай сказать мнѣ что нибудь непріятное. Недавно, въ представленіи Трагедіи Отелло, жалобы несчастной Дездемоны спрогали меня до слезъ. Герцогъ примѣтивъ, сказалъ мнѣ, какъ будто съ насмѣшкою: „вы жалѣете о шой, кошорой обманчивыя прелести возагли неугасимый огонь въ сердцѣ несчастнаго? Ахъ! жалѣйте лучше онемъ: пламень спрасши снѣдаешъ все чувства его: онъ не можетъ болѣе владѣть собою. — Что значать,“ прибавилъ онъ: „женскія слезы въ сравненіи съ внутреннимъ; безмолвнымъ спраданіемъ мужчины? О! будучи на мѣстѣ Венеціанскаго Мавра, я бы, кажется, былъ раздраженъ еще болѣе, нежели онъ!“

Отъ послѣднихъ словъ его я содрогнулась. Произнося ихъ, онъ смотрѣлъ на меня такъ спрашно, такъ спрашно, какъ будто бы я была Дездемона, а онъ . . . бѣшенный Отелло. Съ трудомъ могла я послѣ дослушать Трагедію. Зачѣмъ эшошь дерзкій, гордый человекъ оправляетъ все мои удовольствія? Что значать все слова его?

Право, я не понимаю ихъ, а не смѣю просить его объясниться! . . .“

Дня черезъ два будетъ маскарадъ; давно уже говорять о томъ. Мысль объ этой забавѣ спрашивъ меня, а между тѣмъ я такъ желаю бытъ поскорѣе участницею собранія, для котораго наряжаюсь въ различные костюмы и надѣваюшъ маски! . . . Лишь бы только Герцогъ оставилъ меня въ покоѣ . . .

Сегодня по утру, Баронесса Габріель относилась ко мнѣ со многими вопросами, которые показались мнѣ очень спранными. Она говорила что-то о скрышной довѣренности, о подозрительномъ шептаньи, о немѣстныхъ чувствахъ, надеждахъ . . . упоминала о Герцогѣ и успрямляла на меня глаза съ особеннымъ вниманіемъ. Боже! Тебѣ извѣстно, какъ стараюсь я избѣгать и присущствія его и разговоры! Научи меня поступать такъ, чтобы никакое несправедливое подозрѣніе не могло очернить меня! . . . Неужели они не замѣчаютъ, что Герцогъ, видя, сколь мало извѣстно мнѣ свѣтское обращеніе, старается нарочно приводить меня въ замѣшательство . . . Удивляюсь, какъ можетъ это забавлять его? . . .

Послѣ маскарада.

Гдѣ была я вчера? . . . Какія пространныя и богатоубранныя залы! . . . Какое множество людей собиралось въ одно мѣсто! Что за спранныя одѣянія! У меня и шерсть еще такъ кружилась голова . . . Герцогинѣ хошѣлось, чтобы я была одѣта Тишаніею, Королевою Индійскихъ волшебницъ; голову мою украсили бриллианшевою короною, изъ подъ кошорой висѣло длинное флеровое покрывало; платье мое было свѣтло-голубаго цвѣта, вышитое серебромъ; алмазный поясъ и шакія же серги довершали нарядъ мой. Въ правой рукѣ держала я золотой скиптръ, а въ лѣвой букетъ цвѣтущихъ береговъ Ганга, вмѣстѣ съ пальмовою вѣтвью. Вотъ каковъ былъ мой костюмъ для маскарада! Сердце мое забилось отъ удовольствія, когда, нарядившись, я подошла къ зеркалу. Какъ ни спыдно мнѣ сказать, что въ это время я восхищалась сама собою; какъ ни горько сознавалась въ безразсудномъ шщеславіи, но это еще не все, въ чемъ должна я обвинять себя предъ совѣстью . . . и такъ лучше говоришь прямо, что я не помнила себя отъ радости; какіа-то темныя надежды волновали мою душу; я желала скорѣе явиться на балъ. Горничная надѣла мнѣ на лице черную полу-

маску, и я отправилась въ комнату къ Герцогинь.

Она долго смотрѣла на меня, хвалила, и попомъ задумалась: можешь быть въ ту минушу она вспомнила опсуществующаго сына... Она вздохнула, и вскорѣ мы повѣхали.

Какое смѣшеніе различныхъ одеждъ!... Видь нѣкоторыхъ костюмовъ наводилъ на меня страхъ, и я ни на минушу не опходила опъ Баронессы Гебриель, которая смѣло прохаживалась по залъ. Она была одѣта въ черное плашье, на Испанскій манерь, и оппощъ цвѣшь увеличивалъ бѣлизну лица ея.

Одежда Герцога состояла шолько изъ Венеціанскаго плаща, надѣтаго сверхъ чернаго плашья; на голову у него была маленькая шляпа, съ загнушыми къ верху полями и съ перьями, прикрѣпленными брилліаншовой пряжкою: шакой костюмъ чрезвычайно шель къ высокому росту его и гордому виду. Онъ былъ безъ маски. Взоры его смущали меня безпрерывно. „Зачѣмъ желаешь ты, прекрасная Тишанія,“ сказалъ онъ, подходя ко мнѣ: „владычествовать шолько надъ духами? Явись очамъ смершныхъ, и они все гошовой будупъ шебъ покориться. Но берегись обмануться въ выборъ! Волшебницамъ извѣсны сердца человѣческія:

умъ же опланишь шого, кто болѣе всехъ шебя любишь.“ Въ продолженіе этой рѣчи, на кошорую опъ замѣшательшва я не могла опшѣчать ни однимъ словомъ, сдѣалось въ залъ нѣкоторое смѣшеніе. Все спѣшили къ одной споронѣ. Мы съ Баронессою невольнo успремилась въ слѣдъ за шолопою любопытныхъ, и вдругъ, кто-шо высокога росша, величешвенной осанки, замаскированный, одѣтый въ костюмъ Индійскаго Брамна, являешя нашимъ взорамъ! Брамниъ посмашривалъ на всехъ, и конечно мой нарядъ возбудилъ въ немъ любопытштво. Вѣрояшно, онъ спросилъ обо мнѣ: и велушалась, чпо кто-шо изъ присуществующихъ сказалъ ему: „это Юлія, Графиня Блейндгеймъ, Спашсь-дама Ея Высочешства.“ Тогда онъ подошелъ ко мнѣ, подаль руку и вѣжливо попросилъ проводить его къ Герцогинь, которая сидѣла въ залъ на возвышенномъ мѣстѣ. Когда мы подошли къ ней, онъ, почтительно поклонясь, сказалъ, указывая на меня: „эша юная волшебница привела меня изъ знойнаго опчешства моего дышашъ благорасшвореннымъ воздухомъ вашей спраны: сбрасываю одежду свою и покорюсь вашимъ законамъ!...“ Брамниъ въ самомъ дѣлѣ сбросилъ съ себя длинное верхнее одѣяніе, и вдругъ являешя пре-

спвомъ взглянувъ на меня. Я содрогнулась. Когда Принцъ повелъ меня къ ужину, я сняла съ себя маску, онъ взялъ ее и просилъ подарить ему. „Она будетъ напоминать мнѣ,“ говорилъ онъ: „мишу, въ кошорую прелестная Тишанія привела меня въ объяшія машери.“

„Позволише ли вы мнѣ оставить ее у себя?“ повторилъ онъ, смотря на меня съ нѣжностію. Я не могла отказать ему, и онъ съ восхищеніемъ прижималъ ее къ своему сердцу. Теперь мнѣ очень стыдно, что я поступила такъ опрометчиво; совѣсть меня упрекаетъ. Боюсь, не подумалъ ли Принцъ, что его учтивости пріятны были для моего самолюбія, но право, не онъ заставилъ меня согласиться на его желаніе. Герцогъ часно говоритъ мнѣ ласкашества, называетъ прелестною Юлією, но это никогда не бываетъ мнѣ пріятно, а Принцъ... За всѣмъ тѣмъ я очень чувствую, что дурно сдѣлала, отдавъ ему маску, а какъ одинъ проступокъ всегда почти влечетъ за собою и другой, но при вопросѣ Герцогини, я пришла въ смущеніе, и принуждена была согласить, что потеряла ее. О! какъ мысль, что я солгала, шерзаетъ мою душу!...

Черезъ нѣсколько недѣль.

Давно уже не принималась я за перо, давно уже не ввѣряла бумагъ мыслей моихъ и чувствованій. Да и что могла передать ей?... Великій Боже! въ какомъ смяшеніи душа моя! Все уже для меня кончилось!... Спокойствіе мое поперяло невозвратно!... Любовь, кошорой одно описаніе приводило прежде меня въ пренешъ, нынѣ совершенно овладѣла моимъ сердцемъ. Увы! къ кому ее пишу? Къ человѣку, кошорому никогда принадлежать не буду: къ сыну моей благодѣшельницы! Сколько горестей причиняешь мнѣ это сознаніе! Ахъ, если бъ я могла отккрыться Герцогинѣ! Но нѣтъ, не смѣю на шо рѣшиться! Развѣ Графиня? Она больна, никого не принимаетъ: только онѣ могли бы спасти меня, но, за какую цѣну! Не видать его болѣе! Какъ шерзаетъ мысль сія мое сердце! Г-жъ Нагелинъ... я знаю, что она будетъ сожалѣть обо мнѣ, осуждашь меня и вмѣстѣ извиняшь. Но что можешь она для меня сдѣлать? Ахъ, не даромъ замирало сердце мое, когда мы собирались на охоту въ замокъ Шарфштейнъ! Но потомъ я такъ развеселилась, да и въ самомъ дѣлѣ мнѣ очень пріятно было въ такой ясный день лѣшать въ сѣняхъ, кошорыхъ лошади управлялись рукою Принца

Карла. Не помню, что говорил он мне дорогою: вѣжностъ взоромъ его и самые звуки голоса приводили меня въ замѣшательство. Позади насъ ѣхала Герцогиня, также въ саняхъ; Герцогъ самъ правилъ...

Завтракъ, приготовленный въ замкѣ, соединилъ все общество: Герцогиня вспомнила, сколько пріятныхъ дней провела она шутя съ покойнымъ своимъ супругомъ. Эта мысль ее расстрогала. Она указала Герцогу на порицаніе отца его, весьма сходный, и на свой собственный: она была написана въ видѣ Діаны. Съ умиленіемъ спросила она его пошомъ, не пора ли и ему утѣшиться ее и всѣхъ подданныхъ бракомъ съ какою нибудь Принцессою? „Нѣтъ, мапушка,“ возразилъ онъ: „сердце мое опровергаетъ узы брачныя; въ немъ свирѣпствуетъ пламя Эшны, но... я бы желалъ,“ прибавилъ онъ насмѣшливо: „чтобы Карлъ утѣшился васъ поскорѣ своею женишьбою“...

Герцогиня посматрѣла на него горестно. Въ эту минушу взоры Принца повстрѣчались съ моими. Я пререптала... Не понимаю, что происходило тогда въ душѣ моей... Вдругъ послышался звукъ роговъ; это былъ знакъ, что охота началась. — Герцогиня и всѣ дамы поспѣшили въ лѣсъ. „Исполнишь ли Юлія то, что обѣщала взорами счастли-

ливому Браминцу?“ сказала тихо Принцъ, помогая мнѣ сѣсть на лошадь. „Непремѣнно!“ — отвѣчала я, и уже поздно подумала о послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти отъ этого необдуманнаго слова... Увы! кто знаетъ, куда оно можетъ завести меня!... Лишь только съѣла я на лошадь, какъ вдругъ подѣхалъ Герцогъ и сказалъ брату своему, что Герцогиня его ожидаетъ. Онъ удалился, изъясняя мнѣ взорами, какъ не хотѣлось ему меня оставить. Уже я и сама думала присоединиться къ Герцогинѣ, какъ Герцогъ, схвативъ лошадь мою за узду, повлекъ меня въ густошу лѣса. Какія ужасныя слова я отъ него слышала!... И теперь еще, помышляя о нихъ, содрогаюсь... По счастью, охотники подѣхали къ лѣсу. „у Графини взбѣсилась лошадь,“ сказалъ онъ имъ, она испугалась, надобно опшести ее въ карету,“ и съ сими словами поскакалъ впередъ. Ахъ, я въ самомъ дѣлѣ была въ ужасномъ испугѣ; не помню, что происходило со мною послѣ и какъ очутилась я въ каретѣ возлѣ Герцогини. По ея словамъ, нѣсколько часовъ была я безъ чувствъ, и она думала, что я въ самомъ дѣлѣ испугалась бѣшенства лошади. Какъ можно мнѣ было вывести ее изъ заблужденія? сказала, что Герцогъ, любимый изъ сыновей ея... Нѣтъ,

нѣшь, онъ не любилъ меня; чувства, въ кошорыхъ изъяснялся онъ мнѣ въ дѣсу, совсѣмъ не сходны съ шѣмъ, какое пишаемъ мы съ Принцемъ... Добрый, чувствительный Карль! и онъ тебя должно скрывать это объясненіе!... Ужели на пути жизни сей готовяшся мнѣ одни мученія?... Дни спокойствія, дни радости и безопасности, куда вы онъ меня сокрылись?...

Черезъ полгода.

Когда я перечитываю эти листки и мысленно переношусь къ той счастливой эпохѣ, въ кошорую они начаты, то всегда думаю, что, все случившееся со мною съ шѣхъ поръ, было — сонъ: сполько-то перемѣнъ произошло въ это время!... Какъ дорого заплашила я за сіи первые, сладостныя движенія моего сердца!... Куда двалась краска лица моего, признакъ здоровья и спокойствія душевнаго?... Гдѣ восторгъ, съ кошорымъ взирала я на свѣшь и на всѣ его удовольствія?... Теперь является онъ глазамъ моимъ въ собственномъ его видѣ... Жершву власни и любви безнадежной, кто поддержишь меня въ моемъ отчаяніи?... Нѣшь у меня ни родственниковъ, ни друзей... Та, кошорая прежде, по видимому,

мнѣ доброжелательствовала, нынѣ обходится со мною такъ холодно... Чѣмъ все это кончится и что будешь со мною?... Тщательно Герцогъ старается скрывать пламень, его пожирающій, и вмѣстѣ свою ярость: и взоры и слова ево безпрестанно ему измѣняются; мой Карль не можешь побѣдить ревности... Сосраданіе и гордость борются въ сердцѣ Герцогини: она уже сказала мнѣ чрезъ Графиню Винфельдъ, чтобы я наблюдала лучше за своими поступками, или бы опасалась ея гнѣва и опрѣшенія отъ должности... Я уже просила о позволеніи удалиться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ Двора, и получила въ отвѣтъ, что о томъ подумаютъ. Однако ни опекуны мой, ни его супруга, ни сама Г-жа Нагелинъ, не одобряютъ моего намѣренія: они полагаютъ, что это всего болѣе можешь обезславить меня. Сама же Герцогиня, опасаясь Герцога, не рѣшилась изгнать меня отсюда. Ахъ, когда она не смѣешь поступать противъ его воли, то какъ же мнѣ не страшиться его бѣшенства!... Мой Карль! я шренещу, чтобы и ты не сдѣлался жершвою онаго... О, я очень вижу, что ты и самъ съ шрудомъ можешь удерживать непріязненное къ нему чувство... Если бъ ты зналъ, какое предложеніе осмѣлился сдѣлать онъ той,

которая гордится своею любовію, и которая его презираетъ; ахъ, я не знаю, на что бы ты тогда не рѣшился!... Дай Богъ, чтобы это навсегда оспалось шебъ неизвѣстнымъ, чтобы горестныя предчувствія мои никогда не сбылися, и чтобы ты во вѣкъ не сомнѣвался въ любви моей и вѣрности! . . .

Какъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ совершилось то, что казалось мнѣ столь невозможнымъ?.... Любовь претрбовала отъ меня шакого доказательства, любовь заставила рѣшиться!.... Но неужели я въ самомъ дѣлѣ шеперь супруга безцѣннаго моего Карла?.... Безнадежная спрашь моя неужели сдѣлалась нынѣ священной, пріятною обязанностию моею?.... Такъ, вчера мы шайно обвинчались за городомъ, въ церкви Св. Маріи.... Добрая моя Г-жа Нагельмиль была шому свидѣтельницею. Чрезъ двѣ недѣли мы опшаравимся въ Индію, и тогда-то я буду совершенно счастлива, буду съ нимъ неразлучна!.... А ты, о нѣжный другъ мой! конечно не спашешь сожалѣшь о почесняхъ, шобою оспавляемыхъ: Юлія швоя будешь съ шобою!.... Все, что до сихъ поръ намъ угрожадо.... Я не могу про-

должать... Герцогиня меня спрашиваетъ... она одна.... Что это значитъ?.... Неужели она узнала?... Боже! подкрѣпи меня!....

Герцогиня ни о чемъ еще не извѣстно; а я, увы! могла ли опскрышь ей?.... Какъ распрогали меня ея слезы!.... Она шакъ добра и великодушна, а я, сколь я виновна передъ нею!.... Она посадила меня возлѣ себя. — „Юлія,“ сказала она мнѣ съ нѣжноспію: „милое дитя, возвращи душѣ моей спокойствіе, которымъ наслаждалась она до сего времени!.... По неопытности швоей, ты невольню сдѣлалась причиною моего несчастія. Невинность швоя можешь погубишь и саму шебя. Сынъ мой Карлъ оказываешь къ шебѣ привязанность; ты вѣришь, и думаешь, что онъ любитъ шебя отъ всего сердца; шакъ знай же, что если бы любовь его была истинна, онъ никакъ не рѣшился бы внушишь шебѣ чувство, которое ни до чего, кромѣ стыда и раскаянія, довести шебя не можешь!.... Прежде я спрашила, чтобы опшчить, какое всегда оказывалъ шебѣ Герцогъ, не зашавило шебя возгордиться и не сдѣлало шебя на вѣкъ несчастливою; но шеперь вижу, что для невиннаго сердца швоего любовь гораздо опаснѣе шщеславія: подумай, любезная Юлія,

какъ можешь унизишь себя спросишь, которую питаюшь къ тебѣ мои сыновья!... Они готовы возненавидѣшь другъ друга, и сердце мое содрогається ошь сей мысли. Юлія, дочь моя, я во всемъ полагаюсь на швое благоразуміе, на швою добродѣшель, и — наконецъ, на швою ко мнѣ привязанность!... Неуже ли я обманушь въ тебѣ?...“ — Я бросилась къ ногамъ ея: признаніе гошовой было излешѣшь изъ ушь моихъ, но, могла ли я рѣшишь на шо безъ согласія Карла?... — Эта мысль меня ошпановила... — Сердце мое шерзалось!... Герцогиня подняла меня; въ молчаніи цѣловала я руки ея и обливалась слезами. „Слезы швой меня успокоиваюшь, милая Юлія, продолжала она, спускай въ свою комнату; не разстроивай себя и подумай о томъ, что я тебѣ говорила: ты можешь возвращишь мнѣ сыновей моихъ!“... Съ шрудомъ дошла я до своей комнаты... — Совѣшь шерзала мою душу... О! какъ я виновна!... Я приняла руку, которая никогда не должна была принадлежать мнѣ!... Я обманула слезами моими и молчаніемъ шу, которая во мнѣ увѣрена. Она называла меня своею дочерью?... О, для чего не могу, хошь однажды, назвать ее священнымъ именемъ матери, прежде, нежели неизмѣримость Океана разлучишь

нашь!... Но достойна ли шого ша, которая лишаешь ее на вѣки сына?... Уже я вижу, чувствую ея негодование, можешь бышь прокляніе ея послѣдуешь за мною... Какъ шягопишь сердце мое шайна, которую должна я скрывать!... О! если бы шощь, которая почти не смѣю называешь супругомъ моимъ, находился въ сію минушу со мною!... Его присушествіе конечно бы уменьшило грушь мою... Но, я уже нѣсколько дней его не вижу... Правда, передъ глазами моими его портрешь... Прежде, одинъ взглядъ на него вливалъ ошраду и ушьшеніе въ мое сердце, а теперь изображеніе Карла умножаешь горешть мою и вмѣсть желаніе увидѣшь его скорѣ... Я просила Герцогиню о дозволеніи не ходишь къ ней ввечеру... Она согласилась; нѣшь, нѣшь, я никакъ не могу видѣшь Карла и скрывать свои чувства... Можешь бышь, онь... Такъ, я слышу шумъ, кто-шо идешь по лѣшницѣ... Это Карль! это Карль!...

Черезъ два часа.

Боже мой! Не Карль приходилъ сюда, а брашь его, Герцогъ! Какъ онь осмѣлился!... Увиди его, я вскрикнула ошь удивленія, и не могла сойти съ мѣста.

„Конечно вы меня не ожидали,“ сказала онь мнѣ обыкновеннымъ своимъ, насмѣшли-

вымъ пономъ: „Нужды нѣтъ; мнѣ надобно поговорить съ вами: Юлія, согласны ли вы меня выслушать?“

Я дрожала, и не въ состояніи была произнести ни слова.

„Вы нездоровы“ — продолжалъ онъ съ видомъ участія и взявъ охладѣвшую руку мою: „Нѣтъ, вы не можете теперь опѣвать мнѣ. О васъ самихъ, о вашемъ счастьи, хотѣлъ было я говорить съ вами: общайше выслушайте меня, когда вамъ будетъ лучше: можете ли вы дать мнѣ въ томъ обѣщаніе?“ — Знакомъ головы изъвила я согласіе: мнѣ хотѣлось шолько, чшобы онъ скорѣе оставилъ меня... И онъ, онъ одинъ могъ бы еще поправить... Но нѣтъ, я ничего не могу ожидать отъ сего человека... Онъ властолюбивъ, злобенъ... Уходя изъ моей комнаты, онъ взглянулъ на ешоль, увидѣлъ поршреть Карла, которій спаралась я отъ него скрышь, и — покрасивъ отъ гнѣва, „вашъ кто оспориваетъ у меня ваше сердце!...“ вскричалъ онъ съ яростію: „Но не думайте, Юлія, чшобы удалялся отсюда, я оставилъ васъ съ моимъ соперникомъ. Мнѣ очень пріятно имѣть поршреть любезнаго моего брата; я беру его съ собою.“ И — въ мигъ исчезъ онъ изъ глазъ моихъ. — Увы! зачѣмъ онъ похитилъ

у меня драгоценное изображеніе?... Чшо намреть съ нимъ сдѣлать?... Карлъ! любезный Карлъ! чшо будетъ съ нами?... Сей часъ написала я къ нему о всемъ случившемся; о томъ, чшо видѣлась съ маперью его, и о посѣщеніи Герцога: хочу, чшобы все было ему извѣстно; теперь я не могу ничего скрывать отъ него; закланала его поспѣшишь нашимъ опѣздомъ и какъ можно удаляясь отъ непріятностей съ брашомъ. Для чего ему досадовать на чувство, которое никогда не было раздѣляемо? Добрая г-жа Нагелинь общала дожидаться, когда Карлъ пойдетъ изъ дворца, и вручитъ ему мое письмо. Дай Богъ, чшобы оно предупредило несчастіе, котораго я столько спашусь!....

На другой день.

Гдѣ мечты объ опѣздѣ, о счастьи?... Все кончилось!... Насъ разлучили на вѣки!... Г-жа Нагелинь ждала до полуночи. Всѣ уже удалились изъ дворца; Принцъ оставался еще у своего брата; какъ вдругъ онъ выйдши въ сопровожденіи чиновника гвардіи и многихъ вооруженныхъ жандармовъ: Нагелинь видѣла, какъ мой Карлъ безъ всякаго спрошвенія сълъ въ карепу, которая отправила въ Шарфштейнъ, шуда, гдѣ получилъ онъ отъ меня признаніе въ люб-

ви... О Карль! возможно ли, чтобы ты могъ въ ней сомнѣваться!... Говорящъ, что вчера ввечеру онъ пришелъ въ такую запальчивость, что оближалъ шпагу свою прошиву Герцога. Злополучный Карль! конечно ты знаешь, что онъ давно уже спарается лишить себя сердца, обладаніе кошорымъ цѣнилъ ты столь дорого!... Слышно, что онъ сошелъ съ ума, и что давно уже примѣшны были въ немъ признаки помѣшательства. Боже! вошь какъ называютъ истинную любовь!... Но, какая мнѣ нужда до этихъ слуховъ?... Ахъ! если бы онъ хоть былъ со мною!...

Черезъ нѣсколько дней.

Какъ могу изяснить то, что чувствовала, и что теперь чувствую!... Боже милосердый! какая участь ожидала меня! а теперь!... Буду все описывать: можешь быть, нѣкогда спроки си, орошаемыя моими слезами, дойдушь до моего Карла...

Г-жи Нагелинъ нѣтъ дома; она спарается развѣдать что нибудь о несчастномъ пльиникѣ; узнаешь, не можно ли съ нимъ увидѣться: ахъ, по крайней мѣрѣ, если бы я могла увѣрить его въ постоянствѣ чувствъ моихъ!... Съ какимъ неперпнѣемъ

я жду ея возвращенія!... Я одна, совершенно одна, все меня убѣгаютъ... Герцогиня не допускаетъ меня къ себѣ; можешь быть она сокрушается о злополучномъ сынѣ... Опекуна моего нѣтъ въ городѣ, жена его нездорова: на что мнѣ рѣшишься въ горестномъ положеніи моемъ?... Если бы Герцогъ... Можешь быть онъ бы смягчился, когда бы узналъ, что лишилъ меня супруга: для чего ему писать спросить безъ надежды?... Злосчастная Юлія! у тебя нѣтъ иной надежды, какъ на жесточайшаго врага своего!... Что я вижу?... Это самъ онъ!... Я пренешу... Великій Боже! укрѣпи меня Твоею силою!...

Ввечеру.

Нѣтъ никакой надежды! Неужели я существую?... Такъ, я еще дышу — для горести. Онъ былъ здѣсь; какъ могъ онъ сносить взоры той, кошорую, судя по словамъ его, такъ любишь, и между тѣмъ дѣлаешь столь несчастною?... Я очень желала съ нимъ увидѣться и ожидала того, но при всемъ томъ видѣ его привелъ меня въ пренесть...

„Не проклинаете ли вы меня, Юлія?“, спросилъ онъ съ необыкновенною нѣжно-

стію. Я не могла говорити и въ молчаніи просперла къ нему руки.

„Несчастливая!“ продолжалъ онъ свирѣло: — „что ты съ нами сдѣлала?“ Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на меня съ яростію. „Однако“ — прибавилъ онъ, какъ бы въ борьбѣ съ самимъ собою: „я могу просипши, ежели вы рѣшитесь раскаяться и забыть все прошедшее.“ Онъ хошѣлъ взять мою руку, я ошила ее и гошова была его ошавишь. „Юлія,“ продолжалъ онъ: „не забудьте, что кромѣ меня, вамъ не на кого надѣяться: я одинъ могу возвращишь вамъ счастье, которое вы опвергнули. Послушайте: Карлъ ни для кого уже теперь не сущесшвуешъ; онъ потерялъ разсудокъ и лишешъ свободы: вы никогда уже съ нимъ не увидишешъ. Къ чему послужитъ для васъ хранишь къ нему чувства иъжности? Когда еще при томъ всѣ гошовы за нихъ презирашъ васъ, ошавишь... Но все еще можете поправишься, ежели вы...“

— „Ежели вы будете великодушны, милосшвиный государь,“ вскричала я, упавъ къ ногамъ его: „ахъ! возвращише мнѣ его, соединише насъ, дозволише намъ удалишь отсюда и вкушашъ счастье въ странѣ чуждой!...“ Онъ горько улыбулся, поднялъ меня и посадилъ въ кресла. „Юлія,“ ска-

залъ онъ мнѣ попомъ: „я люблю васъ, обожаю, и хочу спасти. Опкажишеш опъ любви къ бшнему, кошорый самъ опвергаешъ васъ. Общайше соединишь со мною, и, я гошовъ презрѣшь всеми предразсудками моего званія. Машъ моя назовешъ васъ дочерью, народъ Государынею, а я обожаемую супругою! Теперь, Юлія, судише, умѣю ли я любишь и дошонишь ли сердца, кошорое хошише вы ошданъ безумцу, способному къ величайшимъ пресшупленіямъ—кошорый...“

— „Замолчите,“ вскричала я, не въ силахъ будучи владѣшь собою: „не говорише ничего болѣе о томъ, кому, у подножія алшаря, я поклялась въ любви, вѣрности и почшени!... Я не вѣрю словамъ вашимъ; но пущъ они и справедливы, Карлъ, супругъ мой, шѣмъ не менѣе будетъ мнѣ любезенъ. — Я гошова раздѣляшь съ нимъ неволю, и опвергаю предложеніе ваше!...“

„Юлія,“ прервалъ съ яростію Герцогъ: „если это правда, если рука швоя уже ошдана, то — ты погибла!... Но все еще можете, ежели рѣшишь, бишь счастливою!...“ Я запрепешала. Онъ посмотрѣлъ на меня презрительно и постѣнно удалисъ изъ комнашы. Я ошталась одна, бросилась на колѣна и умоляла Всевышнее Сущесшво, ушшишишь волненіе моего сердца, и не ошпа-

вишь безпомощнаго Карла. После молишвы я сдѣлалась спокойнѣе.

Г-жа Нагелнъ возвратилась. Она ничего не могла узнать. Маршенъ, камердинеръ Принца, покушался было его увидѣть, но въ Шарфштейнѣ никого не пускають. Вѣрный служитель спрашалъ у себя разныя вещи, принадлежащія несчастному Карлу, въ ожиданіи случая доставить ихъ ему; въ томъ числѣ Флейшу его и полумаску, первый залогъ моей вѣнчаницы, которая всегда лежала на его столѣ. Онъ взялъ также къ себѣ Поллукса, любимую собаку Принца. Злополучный супругъ! все средивша къ разсѣянью у тебя очинаны... Увы, швоя Юлія не услышавъ уже звуковъ гармоніи, которая споль часто пѣвняла слухъ ея! Ахъ, я почти принуждена желаю, чтобы съ поперею разсудка, онъ позабылъ и все прошедшее! Такія воспоминанія могутъ еще болѣе его расстроивать. Опекунъ мой прѣхалъ. Онъ присылалъ ко мнѣ сказать, что завтра увидишься со мною. Ахъ, какъ боюсь я и вмѣстѣ желаю того! Зачѣмъ, зачѣмъ призвалъ онъ меня ко Двору?....

На другой день.

Онъ былъ у меня; я ничего оцъ него не скрыла; ему извѣстно теперь о пайномъ бракѣ моемъ; я пересказала даже и послѣдній разговоръ мой съ Герцогомъ. Добрый Генераль сожалѣетъ обо мнѣ и, зная бывшій нравъ Герцога, спрашиваетъ послѣдствій и за меня и за себя самого. Я не могу оспариваться здѣсь долѣе. Должна вѣхаться. Опекунъ мой желаетъ, чтобы я удаллась въ Англію, и только на семь условій общается пребывать навсегда другомъ моимъ и покровителемъ. Онъ будетъ доставлять мнѣ проценты съ денегъ, которые оспашются у него; самъ проводитъ меня до корабля, на которомъ удалюсь я изъ отечества и оцъ себя, возлюбленный Карлъ мой! Ужасная мысль! я вѣду, не зная, увижусь ли еще съ нимъ въ сей жизни!...

Герцогиня прислала мнѣ увольненіе съ Баронессою Габріель, и не изъявляетъ желанія просииться со мною. Какъ несносно было для меня посѣщеніе гордой Баронессы и все насмѣшки ея!... Она упрекала меня, что я, оцвѣтившюя спроси Герцога, спаралась между шѣмъ понравиться и Принцу.... О, Карлъ! неужели и тебѣ увѣрили въ это?... Я не могла ничего оцвѣчать ей. Молчаніе мое ее оскорбило: уходъ, она

сказала, что оно служило доказательством предосудительных поступков моих... Так, я виновна; но зачем подозревать меня в оказании взаимности к чувствам Герцога?... Неужели и ты, мой Карль, могъ шому повѣрять!...

*Въ домѣ Графа Винфельда,
моего опекуна.*

Я оставила дворецъ. О если бы я никогда въ него не вступала! За нѣсколько минутъ до моего отъѣзда, я получила письмо отъ Герцога. Что могла отвѣчать на такую унижительную для меня предложенію? Онъ не вѣрять, чтобы Карль былъ въ самомъ дѣлѣ супругъ мой: такой бракъ, пишешь онъ, не можешь быть признанъ законами; онъ снова убѣждаетъ меня, но уже не къ браку, а чтобы я согласилась остаться при Дворѣ подъ его покровительствомъ, обѣщая возвратить мнѣ благоволеніе Герцогини и проч. и проч. Низкій человекъ! какъ пріятно мнѣ отъ себя удалишься!... Опекунъ мой спрашиваетъ всего и съ непереносимымъ ожиданьемъ минуты, въ которую я поѣду. Я отправляюсь въ сію же ночь. Графиня изъявляетъ мнѣ дружество, спрашиваетъ... О, сколько нужно для меня это посоль-

нее чувство!... Я удаюсь отсюда и — увы, не имѣю и поршреша любезнаго Карла!... Жестокій Герцогъ всего лишилъ меня. Безцвѣтный супругъ! швое изображеніе вѣчно сохранился въ моемъ сердцѣ!...

Прости, любезное опечесство!... не могу сожалѣть о тебѣ... Скоро, скоро позабудешь всѣ несчастную и виновную Юлію... Виновную, но и наказанную споль жестоко!... Боже! прости меня!... Спаситель мой! Ты правосуденъ, но вмѣстѣ и милосердъ; Ты лишилъ меня блага, кошорымъ, можешь быть, я хотѣла обладать безъ Твоего соизволенія; я покоряюсь десницѣ Твоей: успокой же сердце мое и не лиши меня Твоей помощи!...

Прости, милый, злополучный супругъ мой! Ахъ, я чувствую, сколь хитро заупаиваешь ты въ сѣти обмана, и не могу обвинять себя въ несправедливости! Помышляя, до какого пресужденія довела тебя злоба ихъ, я должна сожалѣть о тебѣ еще болѣе, нежели о себѣ самой. Опекунъ мой обѣщаетъ непременно доставить къ тебѣ сіи листочки; тогда, ты узнаешь истину; тогда не будешь болѣе презирать Юлію, возвратишь ей любовь, сердце и — тогда-то, соединимся мы новыми узами!... Только съ сею надеждою могу я еще сносить бремя

жизни и разлуку съ побою.... Ахъ, Карль! теперъ пушь нашъ будеть продолжшельсье, нежели какъ мы предполагали; но, — рано или поздно, мы достигнемъ берега: смерть соединитъ насъ, и мы будемъ неразлучны!... Вошь мой надежды, вошь мое упшшеніе!... Еще нѣсколько минушь и — я поѣду. — Просни, Карль, просни счастье, котораго...

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

II.

К Р И Т И К А

Нѣсколько замѣчаній на статью Геерена о Рамайянь и переводъ оной, помѣщенный въ 4 No Московскаго Вѣстника.

Весьма порадовались мы, увидѣвъ въ Русскомъ Журналѣ переводъ Рамайяни или, почите сказашъ, содержанія оной, помѣщенный въ ученомъ сочиненіи Геерена. Не входитъ въ размашриваніе, какъ важна Поэма сія въ отношеніи къ Литературѣ и Мифологіи Индійской, что весьма ясно и подробно изложилъ А. В. Шлегель въ проспектѣ о семь

пвореніи, приложенномъ къ повременному изданію его: *Индійская библіотека*, мы сдѣлаемъ только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній на счетъ труда самого Геерена и его Русскаго Переводчика. Мы рѣшились это сдѣлать не съ нѣмъ намѣреніемъ, чшобы выставитъ себя за знапока въ Индійской Литературѣ, напрошивъ шого охотно сознаемься, чшо языкъ Санскрипскій намъ совершенно незнакомъ и ни мало не приписываемъ себя шого, чшо будеть сказано нами. Источники, откуда мы заимствовали, какъ и въ прежней спашь нашей, будуть со всею точностію выставлены и здѣсь, — мы выбирали шь только, коихъ достоинство и вѣрность признаны ученымъ свѣтомъ. Желаемъ, чшобы сія спашейка послужила къ пользѣ Науки, а не къ бранчивой и бездоказательной крипикѣ, которой превосходный образчикъ помѣщенъ въ 24 No Московскаго Телеграфа прошедшаго года, на спашью, за нашею подписью, напечатанную въ Сынѣ Ошечества.

Геерень, въ предисловіи своемъ къ шрешьему отдѣленію объ Индійцахъ, (I), сознаешся, чшо онъ, при обзорѣ сего края, и его

(1) См. *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel* и проч. *Erster Theil, dritte Abtheilung.*

липературныхъ богатствъ, руководствоваясь пособиями, изданными на языкахъ Европейскихъ, которыхъ у него и исчислены. Сохраненіе Рамаианы заимствовано имъ изъ Англійскаго перевода въ прозѣ Г. Карей и Маршмана. Имѣя нѣкоторыя изъ книгъ, служившихъ источникомъ Г. Геерену, мы не разъ удивлялись точности, съ каковою онъ передаетъ намъ своихъ руководителей; и хотя сего Англійскаго перевода въ рукахъ нашихъ и нѣтъ; но мы вправѣ заключить, что переводъ его и въ семь случаевъ есть самый близкій и вѣрный; а пошому и неправильности, которыхъ мы изрѣдка въ ономъ встречаемъ, преимущественно въ именахъ собственныхъ, относясь не къ нему, а къ его подлиннику. Всякій, кто только изучаетъ какую либо иностранную Литературу, въ особенности народовъ Восточныхъ, знаетъ, какая важность заключается въ правильномъ выговорѣ именъ собственныхъ, и какъ желательна, чтобы сіи имена, бывши однажды правильно введены, сдѣлались въ такомъ видѣ общепопребительными. Сіе наиболее нужно въ Литературѣ Индійской, которая не только сливается, но даже имѣетъ въ основѣ свою Мифологію, по исполненію испанскую. Еще и понинѣ сія Литература осматривается почти неразработан-

ною, — и не удивительно! Кромѣ трудности самаго языка, который изучаютъ небольшое число любителей, — многихъ останавливала недоспашокъ въ учебныхъ пособияхъ, начавшихъ появляться въ Европѣ весьма недавно, — большая часть въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; наконецъ отдаленность самаго края, ибо немногіе имѣли случай бытъ въ Индіи, и хотя Европа уже давно была съ нею знакома по сношеніямъ торговли, но долго никому не входило въ голову, чтобы страна, населенная народомъ извѣженнымъ и по наружности слабоумнымъ, могла заключать въ себѣ сокровища познаній, во многихъ отрасляхъ неоткрытныя. Первую честь шаковаго открытія приписываютъ В. Джонесу, неупомымымъ и просвѣщеннымъ прудамъ котораго обязаны мы весьма многимъ по сей часѣ. Саконпалъ, Гишпадеза, Законы Ману и другіе его переводы съ языка Санскрипскаго, вмѣстѣ съ прекрасными переводами съ языка Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго, приобрѣли ему всегдашнее право на признательность нашу (*).

(*) Сей знаменитый Оріенталистъ, не знаетъ, по какой причинѣ, навлекъ на себя гнѣвъ Г. Издашеля Моск. Телеграфа. Онъ даже сердился, когда на сего

Тѣ же причины, кои замедляли услѣхи въ Литературу Индійской, необходимо должны были оспанавливать особѣ и въ изысканіяхъ относительнѣо Мифологіи, Истории и Археологіи сего народа, шюль шѣсно съ нею связанныхъ. Сверхъ того первыя свѣдѣнія, въ послѣдствіи намъ сообщенныя, были шакъ шемны, шакъ нешочны и сбивчивы, что чинашель, незнающій языка Санскритскаго, невольнѣо долженъ былъ представлять себѣ все, до нихъ касающееся, въ особеннѣости ихъ Мифологію и безъ того уже гигантскую, не иначе, какъ въ видѣ хаоса. Развершываемъ, для примѣра, пушешествіе Соннера по Индіи и Китаю (2). Здѣсь найдемъ мы, стр. 147, что Предвѣчными прежде всего сотворены Бирма, Биспну и Сеибъ; на стр. 81, Брума, Вишену, Шивень; на стр. 153, Бермалъ, Биспну и Сеибъ. Кто бѣ не счелъ боговъ сихъ за совершенно различныхъ между собою. Кто бы могъ подумать, что Бирма, Брума и Бер-

Писателя ссылаются. Не смѣемъ совѣтовать Г. Полевому прочесть его; но не можемъ не подивиться, ошъ чего произошла у него шакая вражда съ Писателемъ, по видимому, ему незнакомымъ. Ужь не по говорамъ ли?

(2) Voyage aux Indes Orientales et à la Chine, par M. Sonnerat. Paris, 1806, T. 2.

малъ ешь никто другой, какъ Брама, что Биспну и Вишену — ешь Вишну, второе лице Индійской происшвенности, и накоонецъ Шивень и Сеибъ — Сива, споль много прославляемый во всей Индіи. Если мы находимъ шакое множештво прошиворчій въ одной книгѣ, то какъ должны были разнишья между собою мифія двухъ или нѣсколькихъ Писателей! Въ послѣдствіи, когда ученые Европейцы, занимавшіеся Санскритскою Литературою, сами замѣнили шакую странную необходимость, и увидѣли изъ несчастнаго примѣра Вильфорда (3), съ какою ошорожностію должны они впередъ принимать свѣдѣнія, сообщаемыя имъ Брашнами или правильнѣе Браманами (4), когда они умошрѣли, сколь слабы и незначительны будущъ ихъ усилія, если не будущъ руководствуемы свѣшомъ здравой критики, тогда и шруды ихъ приняли видѣ болѣе правильный, шемноша и сбивчивость

(3) Любопытные могутъ читать подробно о семъ случаѣ въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Januar. 1827.

(4) Слово Браминъ ешь испорченное, и безъ сомнѣнія впервые было въ шакомъ видѣ введено Французскими Миссіонерами. Писать должно Браманъ. См. примѣчаніе на сіе слово: A. W. Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

начали мало по малу разсѣиваться, уступая мѣсто ясному и почному изложенію предметовъ и понятій, и въ семь отношеніи многіе Писатели Англійскіе, въ особености Кольбрукъ, Вильсонъ, Нѣмецкіе Шлегель, Козегаршень, Бонпъ, Французскіе Шези, Лангасъ и другіе, преимущественно заслуживаютъ нашу благодарность.

Но какое же произношеніе будетъ самое вѣрное? На чемъ можно основаться и чѣмъ доказать, что оно должно быть писано такъ, а не иначе, когда намъ неизвѣстна степень языка Санскрипскій? — Вотъ вопросы, копорые можешь сдѣлать всякій. — Въ этомъ случаѣ, какъ мы сказали выше, должны насъ руководствовать примѣръ достовернаго Писателя. Козегаршень, въ переводѣ своемъ съ подлинника на Нѣмецкій языкъ Индійскаго Стихотворенія Нала, составляющаго эпизодъ знаменитой Магабарашы, указываетъ на способъ, какимъ образомъ сіе исполнилъ. Самъ онъ въ предисловіи къ сей книгѣ говоритъ, что, въ произношеніи имени, онъ слѣдовалъ неспорченному выговору Бенгальскому, но первоначальному, чистому выговору, копорый приняли Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ и почти всѣ Англійскіе Филологи. Преобразовавшійся и шолько въ нѣкопорыхъ

областяхъ употреблемый Бенгальскій выговоръ языка Санскрипскаго, по замѣчанію Кольбрука (5), совсѣмъ неизвѣстенъ въ Южной Индіи. Онъ переимѣнуетъ, напр. крашкое Санскрипское *a* на *o* и *u*, совершенно отбрасываетъ его при концѣ словъ; измѣняетъ *c* на *ш*; такимъ же образомъ поступаетъ онъ въ именахъ и словахъ Арабскихъ и Персидскихъ. Онъ шого Санскрипскія имена: Магабараша, Дасараша, на Бенгальскомъ выговору снановиашся: Могабарашъ (Магабарашъ), Дошорашъ (Душа-Руша); равномѣрно и Арабскія имена: Ахмедъ, Могаммедъ — Ухмудъ, Могуумудъ. Сіе испорченное произношеніе, какъ замѣчаютъ даде Козегаршень, введено Англичанами; ибо они первоначально изучались въ Бенгалѣ, а поному необходимо заняли и выговоръ, въ шомъ краю употребительный. „Желательно,“ прибавляетъ онъ: „чтобы съ распространяющимся знаніемъ языка Санскрипскаго, употреблялись впередъ собсвенныя имена сего языка въ своей первородной чистотѣ.“

Мы пошому, можешь быть излишне, распространялись о семь предметѣ, что въ этомъ заключается главная ошибка Гее-

(5) Asiatic Researches. 8. London. 1806—1818. Vol. 7. f. 224, 228.

рена — ошибка, въ которую, какъ мы сказали выше, вовлекъ его шекешъ, которому онъ слѣдовалъ. Почти всѣ имена, встрѣчающіяся въ его опривкѣ о Рамайянь, выпсаны неправильно, и для насъ Русскихъ, начинающихъ шолько знакомиться съ симъ богатымъ достояніемъ народа, намъ совершенно чуждаго, но любопытнаго, такая неправильность весьма важна, и должна быть основана при самомъ началѣ. Выпишемъ имена сии въ шомъ видѣ, въ какомъ они помѣщены у Геерена, и предложимъ настоящую форму каждаго. Мы будемъ выпсывать ихъ въ шомъ порядкѣ, въ каковомъ оныя намъ встрѣчаются въ Русскомъ переводѣ.

Спр. 304. *Рамайянь* и *Магабаратъ*, писать должно: Рамайяна и Магабарата, см. Vorrede zur Nala, aus dem Sanskrit übersetzt von Kosegarten.

Тамъ же: *Маркандай-Пурана* — Маркандей-Пурана (6). Книги, извѣстныя подъ названіемъ Пуранъ, суть содержанія историко-миѳологическаго. Ихъ числомъ осмнадцать (7). Пурана значить Исторія, сказаніе (8).

(6) См. Langlès Catalogue des Manuscrits Sanscrits.

(7) Journal Asiat. T. 7, p. 194.

(8) Asiat. Res. Vol. 8.

Спр. 305. *Раевуна Князь Ракиусовъ*, писать должно: Равана Князь Ракшасовъ. Ракшасами называющаеся злые духи, которые стараются всячески вредить людямъ, въ особенности мѣшашъ имъ во время жертвоприношеній (9).

Спр. 306. *Улджя*, чип. Айодія (Ayodhya); такъ называется городъ, лежащій въ странѣ Козала, на берегу рѣки Сарайу (Sarayu), построенный первымъ Царемъ людей — Ману. Онъ имѣлъ, какъ сказываютъ, сорокъ Англійскихъ миль въ окружности, есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ, упоминаемыхъ въ древней Исторіи Индійцевъ, и безъ всякаго сомнѣнія былъ столицей древнѣйшаго Индійскаго царства. Нынѣ онъ зовешся Уде или Ауде (Oude). Развалины сего города, находящіяся вблизи Фицабада или Фенсъ-Абада, столицы Могоммеданскихъ владѣльцевъ, подтверждающъ преданіе о его бывшемъ величій (10).

Тамъ же. *Душа-Рута* — писать должно Дасарата. См. прим. на *Рамайянь* и *Магабаратъ*.

(9) Works of Will. Jones. London 1807. См. Menu cap. 3 u. 11.

(10) См. Indische Bibl. von A. W. Schlegel. T. 1. и Sakontala übers. v. Forster.

Тамъ же. Мену — Ману. См. прим. на слово *Уадгил*.

Стр. 303. Ужвamedу — Асвameda (11). Переводчикъ неясно предсавилъ это мѣсто; чинная Русскій переводъ, подумаешь, чшо жершва приносился какому-шо Ужвamedу, между шьмъ, какъ это есть собственное названіе жершвы, ш. е. приношеніе коня. Она иначе называлася Гаямедa, Ваджимедa, есть величайшая и самая пычная изъ всѣхъ жершвъ, и совершалась только одними Царями въ случаяхъ важныхъ, съ необыкновенными издержками. Приготовляемый для сего жершвоприношенія конь долженствоваль бытъ, за нѣсколько дней до онаго, выпущенъ на волю, и пошомъ снова бытъ найденъ. Полное описаніе сего обряда, находящееся въ началѣ Рамайяны, можешь подашь намъ средшво къ сравненію онаго съ такимъ же приношеніемъ на жершву коня въ Скандинавіи (12).

Тамъ же. Дочь Царя Шанты, должно писашь Санша. См. примѣчаніе на слово *Рамайяны*. Кромъ того мы находимъ здѣсь ошибку въ переводѣ: не Царь назывался

(11) Description de l'Assua-Meda ou le grand sacrifice du cheval, par l'Abbé Dubois. Paris. 1825.

(12) Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

Шанша или Санша, а дочь его, ибо имя Царя есть Дасараша, кошораго, какъ мы замѣтили выше, Гееренъ неправильно называетъ Душа-Руша.

Тамъ же: вызвать Ришю Шрингу; не Ришю, а *Риши*; это слово означаетъ свяшой, равно какъ *Муни* — мудрецъ. Такіа высокіа проименованія обыкновенно давались нѣмъ людямъ, кошорые, уклонясь отъ шума свѣша, уединялись во глубину лѣсовъ, и тамъ проводили жизнь согласно съ предписаніями Мену, совершая благочесивые обряды, подвергая себя строгому покаанію и въ безмолвномъ созерцаніи. Отъ сего настоящее имя ихъ *Ванапраста* — жипель лѣса; а при возрастающей власши надъ самими собою: *Сангъси*, *Брамчаргъ* и *Йоги*. Въ новѣйшіа времена, *Гозейны* предсавляютъ родъ людей, нѣсколько сходныхъ съ ними, но весьма во многомъ уже измѣнившійся (13). Касательно имени Шринги, мы ничего не могли найти: должно полагашь, чшо это есть испорченное отъ Сринга; но мы за сіе не ручаемся.

Тамъ же: супругъ Жанты, вм. Санты. Опечатка Геерена ввела въ ошибку Перевод-

(13) Nala übers. v. Kosegarten. в Journal Asiat. t. 7, p. 48.

чика; въ первомъ случаѣ онъ перевелъ слово сіе Шанша, а во второмъ Жанша. Чшо жъ касается до примѣчанія его, чшо лопось есть растение священное на Воспокъ, но и этого мы не можемъ сказать утвердительно. Не во всемъ Воспокъ, гдѣ оно опчасни служить прелестною аллегорією несчастнаго любовника (14), (хотя въ Коранѣ и упоминается сіе имя, но тамъ подъ лопосомъ, какъ замѣчаешь Джелаледдинъ, понимаешь не цвѣшокъ, а дерево *набкѣ*, сохраняющее всегдашнюю зелень) (15), но преимущественно въ Индіи цвѣшокъ сей играетъ весьма важную роль. *Брама* имѣетъ очи лопоса. *Вишну* весьма часто изображается спящимъ на Океанѣ. Голова его покоится на развернушемся лопосѣ; онъ поддерживаемъ извивающимися кольцами змѣи, коей головы образуютъ надъ нимъ родъ балдахина (16). — Знамя, блистающее на Вадшайяши, небесныхъ чершюгахъ Индры, имѣетъ голубой цвѣтъ, подобный лопосу — голу-

(14) См. *Les oiseaux et les fleurs*. Trad. par Garcin de Tassy. f. 19.

(15) См. *Le Coran trad. par Savary T. 2. Ch. LIII l'Etoile*.

(16) См. *Indische Biblioth.*

бая шроспъ, украшенная зланошъ (17). Но высчитывашъ все мѣсна, гдѣ цвѣшокъ сей упоминается, было бы и долго и бесполезно.

Спр. Зог. *Туда стекаются дѣвы и тѣ мудрецы небесные*. Здѣсь въ переводѣ опечашка; должно писашъ *Девы*, чшо значить *боги*; чшо жъ касается до мудрецовъ небесныхъ, шо едва ли это не опечашка у Геерена; ибо въ Индійскихъ вымыслахъ находимъ только четыре рода священныхъ или *Риши*, коихъ рыхъ поспешенное повышеніе есть съвдующее: *Радшарши* — священные племени Царскаго, *Магарши* — великіе священные, *Брамарши* — изъ касты Брамановъ, и *Деварши* — священные, богамъ подобные или божественные. Здѣсь скорѣе, полагаемъ мы, можно чинашъ *Wesen*, а не *Weisen* — существа небесныя, каковы суть: 1) *Гандгарфы* — пѣвицы и пѣвицы небесные или духи звуковъ, восхваляющіе свои пѣснопѣнія въ міръ Индры (18); 2) *Ансарасы* — небесныя шанцовщицы, коихъ числомъ шесть миллионъ. Прелестныя дѣвы; но не принявъ очищенной, предписаннаго закономъ, пребывающъ незамужними. Онѣ возникли изъ млечнаго моря (*kchira*

(17) *Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel übers. von Bopp.*

(18) *Res. v. 1. и Journal Asiat. t. 7.*

samoutra) (19), въ то время, какъ боги взбалтывали оное, чтобы получить Амришу или пищу безмерную. Главнѣйшія между ними Урвази, Рамба, Менаки и другія (20). 3) *Якша* или полубоги, обитающіе въ горахъ, и пламеняющіе любовью къ Апсарасамъ. Знаменитый Калидасъ основалъ на семь мифъ свое прекрасное стихотвореніе Мега-Душа или облаковѣсникъ (21). Сн-по при рода небесныхъ существъ, съ многими другими, конхъ мы теперь не припомнимъ, обыкновенно препяшсвуютъ при совершеніи жертвоприношенія, ибо они повинуются Индръ, для кошораго всякой ус-

(19) См. Exposé de quelques-uns des principaux articles de la théogonie des Brahmes par l'Abbé Dubois.

(20) См. Vorr. Ardschuna's Himmelreise. Ges. 11, гдѣ онъ, исчисляя ихъ, заключаетъ:

Diese und andre noch tanzten, Nymphen mit holden Lächeln dort,

Welche der Sidha's Herz fesseln, Lotos-ähnlich von Augen all,

Mit starken Hüften, voll Liebreiz, und mit schwellenden Brüsten auch,

Durch verstohlenen Blick, Tändeln, fesselnd Sinn, und Verstand und Herz.

(21) The Mega Duta or cloud Messenger transl. by Wilson.

пѣхъ людей въ благочесивыхъ начинаніяхъ гибельнъ (22).

Тамъ же:

отъ *Кушумли* должно писать Каусалин.

Лукшумли — — — — Лакшамана.

Шутругна — — — — Сашругна.

Бурута — — — — Барама (23).

Всѣ имена сіи находящіяся въ отрывкѣ Рамайяны, переведенномъ Козегаршеномъ. Онъ изображаетъ бракосочетаніе четьрехъ сыновей Царя Дасарашы. Сей обрядъ довольно любопытенъ; но весь приводитъ его будешь слишкомъ длинно. Мы постараемся передать только то, что касается до Рамы, сохраняя размѣръ перевода; но прежде починаемъ нужнымъ замѣнить: самое важнѣйшее въ семь поржесствъ у Индійцевъ заключается въ томъ, что женихъ беретъ руку невѣсты, и обходитъ съ нею вокругъ священнаго огня: отъ сего и самое слово *паниграганамъ* — взятіе руки, означаетъ бракосочетаніе. Здѣсь говорившя про Царя Джанаку:

(22) См. Journal. Asiat. v. 1. l'Ermitage de Kandou, par Chezy.

(23) См. примѣч. на слово *Рамайянь*.

И когда онъ ввелъ Зишу, изукрашенну пышной одеждою,
 Предъ огнемъ велѣлъ спашь онъ ей, напрошивъ сына
 Рагу прекраснаго,
 Тушь сказала Царь Джанака, Каусалия къ сыну любезному,
 Къ лотосо-окому Рамѣ, алшаря на воспокъ сполящему:
 Эшо дочерь моя Зиша, швоей доблесни нынѣ сопутница,
 Возьми жъ руку ея ты своею рукою, о Рагу сынъ!
 Она сердцемъ вѣрна, за шобою какъ шѣнь будешь слѣдовать.
 Царь сказалъ и кропишь ихъ водою, освященною Маншрою.
 „Славно! славно!“ взгремѣло изъ устъ и боговъ и божешвенныхъ,
 Звукъ раздался лшавръ, дождь цѣпновъ съ сводовъ неба посыпался,
 Когда Зишу вручилъ онъ, чрезъ Маншру водою освященную.

Стр. 311. Вишва-митра чинш. должно: Висва-миштра (24).

Тамъ же: Бушиста, вм. Васишша. Бригу, Апри и Васишша супъ знаменитѣйшіе мудрецы древней Индіи. Они причисляются къ десятии праопцамъ рода человѣческаго (25).

(24) См. Works of W. Jones. Menu c. 10. v. 108.

(25) Works of W. Jones. См. Menu. c. 10 v. 108.

Стр. 312: съ горы Гималая. У Геерена гора сія пишется *Гиммалайя*. Настоящее названіе сей горы естъ *Гимавапъ* (Himavap — снѣжная, зимняя, Нима естъ Греческое *χεῖμα*, Лашинское *hiems*). Новѣйшіе Писатели весьма часто называютъ гору сію, образующую сѣверную границу Индіи, *Гималайя* (жялице или мѣсто снѣга) (26).

Стр. 313, Юнука вм. Джанака (27).

Стр. 314, Упмила вм. Урмила (28).

Стр. 318, островъ Ланка: эшо одно изъ прозваній оспрова, называемаго по-Санскришски *Sinhala Dwīpa* (оспровъ людей, подобныхъ львамъ). Джонесъ полагаетъ, что сей оспровъ естъ нынѣшній Цейланъ (29).

Стр. 319. Одинъ изъ великихъ Муниевъ — не лучше ли Муни? См. примѣч. на слово Риши.

Вопъ нѣкоторыя изъ неправильностей въ именахъ, усмотрѣнныя нами у Геерена. Имѣя въ виду единственно пользу Науки, мы весьма будемъ благодарны шѣмъ, кто дополнишь наши замѣчанія; будемъ призна-

(26) Indische Biblioth. T. 1. и Langlès Analyse des Mémoires contenus dans le XIV vol. des Asiat. Resear. p. 50.

(27 и 28) Nala übers. von Kosegarten.

(29) Sacontala übers. v. Forster.

пешныи и тогда даже, если кто намъ покажетъ наше, можетъ быть въ иныхъ случаяхъ, ошибочное мнѣніе. Теперь скажемъ нѣсколько словъ на счетъ Русскаго перевода. Слогъ онаго довольно чистъ и ясенъ; но не вездѣ такъ почень, какъ мы бы желали при спашь такого рода.

Напр. на *стр.* 305, переведено: „можемъ обозрѣшь и все цѣлое: сначала (передъ пятымъ отдѣленіемъ) номѣщено содержаніе Поэмы“ и проч. Въ поддѣлникѣ совершенно другая мысль; тамъ сказано, что эта Поэма начинается съ пятаго отдѣленія, и что первыхъ чепырехъ отдѣленій недоспашь, а сполько приложено ихъ содержаніе.

Тамъ же. „Но всякая Поэма спановипися аллегорическою не сполько ошь предмета, сколько ошь *описанія.*“ — Здѣсь *Behandlung* скорѣе можно перевести *исполненіе.*

На стр. 306. „Рама оспашь побдишелемъ, низлагаетъ Равуиу и возвращаетъ на *свои небеса* и проч.“ У Геерена сказано на свое небо. Только Индра, одинъ изъ числа осьми міродержашелей и повелишель низшихъ боговъ, имѣетъ при неба, что свидѣтельствуетъ спѣдующій списхъ, заимствованный нами изъ небснаго путеше-

шеспвія Арджуны, гдѣ является посоль ошь Индры къ прелестной Урвази, говоря: Vom Beherrscher des Drei-Himmels, der deiner Huld sich freuet stets (30).

На стр. 304. „Въ Уядгіѣ не было чеспольюбца.“ Мы полагаемъ что это опечашка вмѣсто сребролюбца — *Weißhals.*

На стр. 308 сдѣланъ пропускъ: говоришся о жершвоприношеніи коня, что оно споль многоспрудно, что спребуетъ многолѣшнихъ пригошвлений. — Каждая мелочь, касающаяся до древностей и въ особенности до чудесной Мнѣологіи Индійцевъ, заслуживаетъ вниманіе. Надобно было перевести: по предписаніямъ *Састрасъ* споль многосложное, что спребуетъ многолѣшнихъ пригошвлений.“ — *Састрасами* называется собраніе замѣчаній и комментарій, сдѣланныхъ Индійскими мудрецами на книгу Мену (31).

Стр. 310. „Сии обезьяны сушь спакже высшаго пронохождения, существа между звѣрами.“ Полагаемъ, что и это опечашка, вмѣсто: божества между звѣрами.

(30) См. Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel von Bopp. 4 Ges.

(31) См. Heeren Ideen über die Politik. I. Th. 136 S.

Тамъ же. „Тогда къ Царю *Душѣ-Ру-тѣ*, приходишь мудрецъ поколѣнія Царскаго, очистиившій себя постомъ долговременнымъ, возвышенный до степени свяаго и Брамина.“ — Здѣсь будешь ксташи замѣтишь ошибку Г-на Переводчика, каковую встрѣчаемъ въ спашь его нѣсколько разъ: имена собственныя, соспавленные изъ двухъ словъ, склоняются только въ послѣднемъ, а первое остаешся безъ перемьны. Правило сіе приняшо почши во всѣхъ языкахъ про-свѣщенныхъ народовъ; да и припомъ, ужели будешь яснѣе, если мы скажемъ Душѣ-Рушѣ нежели Душа-Рушѣ, или правильнѣе, Дасарапш? Эшо не только не поясняешъ, но еще болѣе измѣняешъ имя, которое надобно спарашься передавашъ какъ можно ближе къ его первоначальной формѣ (*).

Въ приведенномъ нами мѣстѣ у Геерена сказано, что сей мудрецъ былъ Висва-миштра. Въ переводъ мы онаго не видимъ; но главная погрѣшность заключаешся здѣсь прошивъ духовныхъ понятій Индійцевъ. Че-

(*) Вошь, наприм. у Г-на Издателя Моск. Телегр. на эшо есть свое особое правописание: Гафицъ пишешъ онъ *Гаафицъ*; Саади — *Сади*, какъ будто съ умысла на выворотъ. Отдаемъ полную справедливость его энциклопедическимъ познаніямъ!

ловѣкъ обыкновенный (но только причисленный къ одной изъ прехъ первыхъ кастъ, ибо чешвершая, къ коей принадлежатъ Судрасы или земледѣльцы, лишена сего преимуществва), посредствомъ спрогоа покаянія, чрезъ воздержание опъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, и самооприцанія, можешъ и при жизни переродиться — сдѣлашся святымъ Браманомъ, наконецъ похитишь власъ у самого Индры. Укажу на одинъ примѣръ пущыинника Канду (32).“ Здѣсь надобно было перевести: чрезъ покаяніе возвысившійся до степени Брамина, и проч.

На стр. 311. „Онъ приходишь къ Царю Душѣ-Рушѣ просишь у него сына Рамы.“ — Кто не подумаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о внука Царя Душа-Рушы или Десараты, между шьмъ какъ у Герена сказано: сына Раму.

На стр. 317. „Брама присылаешъ тысячу дѣвъ пляшущихъ.“ Также не совсѣмъ вѣрно. Брама присылаешъ тысячу убранныхъ дѣвъ и шанцовщицъ. — Кто не узнаешъ въ сихъ дѣвахъ и шанцовщицахъ Гандгарфъ и Ансарасъ, населяющихъ небо Индры?

Желаемъ, чтобъ Г-нъ Переводчикъ воспользовался нашими замѣчаніями при своемъ

переводъ Магабарашы, который онъ общашь сообщашь намъ; ибо и прекрасный переводъ, при недоспашкѣ въ шочности, весьма много шеряешъ. Мы бы желали шакже имѣшь, прежде Магабарашы, хопя маленькій взглядъ на Миѳологию Индййцевъ, пошому, что имена: Брама, Вишну, и другія, копорыя еще гораздо чаще будущъ встрѣчашься въ Магабарашъ, не будучи объяснены, много опшимающъ иншерепа у Поэмы.

Чашья шакже, наприм. на стр. 314, что Висва-мишра, изъ кашпы Кешри, заслужилъ бышь принятымъ какъ свяшой въ кашпу Браминовъ, мы никакъ не можешъ догадашься, въ чемъ заключаешься эшо повышешеніе, между шѣмъ какъ раздѣленіе на кашпы весьма важно въ Индййской Ишторіи. Сочинешеніе Робертсона: Disquisition on India могло бы доставашь для сего прекрасные машеріалы, и вполнѣ удовлешворашь любопытшество чашшашеля.

Делибюрадеръ (*).

(*) Поразшмошрѣвъ спашейку нашу, мы увидѣли, что въ ней, по большей частш дѣло ишетъ объ *именахъ*, а шакъ какъ и наше собственное имя

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I O B Ъ.

Свободное преложешіе (*).

I.

Господь вѣщаль *клетнику*:
„Ты видѣлъ ли мое шворенъе:
Мои громады высшихъ звѣздъ,
Мои негаснуція солнцы?...
Прошелъ ли землю? зрѣлъ ли шы,
Какъ люди, слабыя созданья,
Творашъ разумныя дѣла:
Ты видѣлъ ли, какъ рабъ мой *Юва* —
Покорный, вѣрный Богу рабъ
Живешъ правдиво, безъ коварства,

обращило на себя ученое вниманіе Г-на Издателя Моск. Телеграфа (см. 24 Но 1826 года); шо мы почитаемъ себя обязанными посвяашшь ему слѣдующія строки: что наше имя, *Делибюрадеръ*, не благозвучно, эшому виною языкъ Персидскій, опразившійся *Татарскимъ* въ ухахъ Г-на Издателя. Оно состоашъ изъ двухъ Персидскихъ словъ: دل и ابن ادر, первое означаешъ: сердце, душа; швторое — брашъ. См. Richardson's Dictionary Persian, Arabic and English. Oxford. MDCCLXXVII.

(*) При семь преложешіи, Славянской текстъ Библии сличенъ съ шекспами на иносшранныхъ языкахъ.

И, ненавидя зло и грѣхъ,
 Меня, какъ сынъ, душою любяшь?“
 „Я видѣлъ, Господи! его“ —
 Творцу губишель ошвѣчаешь:
 „Но онъ меня не удивлялъ:
 И мудрено ль ему бышь вѣрнымъ,
 Когда, Всещедрый, на него
 Дождишь Ты лучшими дарами?
 Пустыни дальнія шумяшь
 Его богатыми спадами:
 На нивахъ прибыль, въ домъ миръ;
 Семья цвѣшешь, за пиромъ пиръ,
 Сыны другъ къ другу вѣдаятъ въ гости:
 И самъ онъ здравъ и у него
 Опъ счастья шучнѣюшь кошпи...
 Дозволь мнѣ, Боже, испыташь
 Тобой хвалимаго: я знаю —
 Снъ жильцы Твоей земли,
 Адама грѣшнаго пошомки,
 Лукавяшь всъ передъ Тобой:
 Они смиренны и покорны,
 Пока дождишь на нихъ добро;
 Но суешны въ своцхъ желаньяхъ
 И горды грѣшники снъ!
 Они смиряюшя и славяшь
 Тебя, доколь Ты нуженъ имъ;
 Но ихъ шерифнѣе — паушина!
 И уповае на Тебя
 Пришворство жалкое; — цусть глянешъ
 Въ лице имъ смерть или бѣда,
 Тогда увидишь ихъ смяшене
 И дѣшскій страхъ... шакъ всъ они,
 Таковъ и вѣрний рабъ Твой *Иова*...“

Но Богъ въцалъ *клеветнику*:
 „Я дозволяю испытанье...
 Иди, при Ангелахъ моихъ:
 Они свидѣтелями будутъ,
 Свирѣпшуй, испощай всю злость
 На все, чшо моему рабу
 Я далъ въ земное наслажденье;
 Но не коснись его души
 И сохрани его мнѣ шло
 И духъ его не огорчай!...“

II.

Пируютъ *Иова* сыны,
 У брата старшаго веселье;
 И счастливъ *Патриархъ* съдой
 Живою вѣрой, уповаемъ.
 Вдругъ вѣстникъ: „Гибель и бѣда!
 Твои волы паслися мирно,
 Мы ликовали, какъ всегда,
 Вдругъ шуча пыльная намчалась
 И пылъ еще не улеглась —
 А нашихъ паствъ не смало болѣ:
 Разбойники чужихъ долинь
 На куци съ воплемъ паскакали,
 Все порубили, похвашали,
 И я передъ побой — одинъ!“ —
 Еще не кончилъ эшотъ рѣчи,
 И новый вѣстникъ: „Господишь!
 Гроза и гибель... Было шихо
 И тысячи швоихъ овецъ
 Паслися въ раздоляхъ пустыни,
 Вдругъ смерлось — мчашся облака,
 Густяшя, рдѣюшь, раскалились,

И вошь... о чудо!... огонь дождемъ
 Посыпалъ на овецъ, на палишь:
 Горитъ руно, запылае лугъ,
 Плаеашъ ближняя дуброва;
 И наши бѣдныя спада
 Напрасно мечуся въ пошоки;
 Вездѣ огонь и зной — и все,
 Чшо зеленѣло, чшо дышало,
 Все добычью пожара стало
 И я свидѣтель бѣдъ — одинъ!“ —
 Лишь кончилъ сей, вдругъ *новый*: „Гибель!
 Халдеевъ ратныхъ при толпы,
 Какъ при весенне пошока,
 Вломилсь въ пасмырскій нашъ станъ
 И шабуны швоихъ верблюдовъ
 Угнали въ пѣнь — я лишь одинъ!“
 Не кончилъ эшошь — *новый* вѣспникъ:
 „О горе! горе! семь сыновъ
 И дочери твои младыя
 Семейный ошправляли пиръ;
 И при сестры цвѣли, какъ пальмы;
 И, какъ пусшынныя орлы,
 Твои сыны, легки и здравы,
 Вкушали сладкіе плоды,
 Млеко и сошь — и въ аромашахъ
 Топили юныя власы
 И, подъ напѣвъ и муссибю,
 При звукъ виночерпныхъ чашъ,
 Носились гости въ легкихъ пляскахъ,
 Какъ въшр пусшынный по цвѣшамъ...
 Вдругъ буря взыва... вихоръ зльный,
 Какъ коршунъ, съ размаху, на пнищъ
 Напалъ, ударилъ въ домъ веселья

И съ корнемъ вырвалъ домъ, пряхнулъ
 И смьял и раздавилъ — и спрашно
 Обезобразилъ вѣхъ!.. Теперь
 Одни раздавленные шрупи
 Дымяшя въ собственной крови:
 Твоихъ дѣтей не стало боля,
 И, вѣспникъ горя, я одинъ!“
 Тутъ Ювъ всчалъ, безъ слезъ, но скорбный,
 И вошь свои одежды самъ
 Онъ раздираешъ... и, повон
 Сорвавъ съ главы безвласой, палъ
 И поклонился передъ Богомъ...
 И, по молчанью, возопилъ:
 „Нагой, изъ машеряго чрева
 Пришелъ я, Господи, на свѣшь,
 Нагимъ и возвращуся я въ землю.
 Ошець! Ты много далъ мнѣ — и
 Свои дары берешъ обрашно!
 Такъ шы благоволилъ, мой Богъ:
 Блажу Твою свящюю волю!
 О, будь благословенъ! я Твой!
 Твори, чшо хочешъ надо мною!“
 Такъ шпарецъ скорбный вопилъ,
 Но не ропшалъ на Промыслъ Вышній.

III.

Господь вѣщаль клеветнику:
 „Чшо жъ испышалъ ли челоувѣка
 И видѣлъ ли шеперь, каковъ
 Мой рабъ, мой вѣрный, крошкій *Ювъ*?
 Онъ нравомъ проситъ и чистъ душой,
 Не шерпншъ зла, боишя Бога,
 И въ грѣшномъ мѣрѣ, онъ умѣлъ,

Спаси, сберечь невинность сердца,
 Почто жъ ты гнусной клеветой
 Меня подвигъ къ жестокой мърѣ,
 Спраданьемъ кротость испыташь? —
 „Что за спраданье, Боже правый?
 Ты ошлялъ лукавъ и любишь
 А человекъ лукавъ и любишь
 Въ себѣ себя: за я свое
 Онъ промѣняешь все и даже...
 Но поведи мнѣ разъ еще
 Ошведашъ вѣры и шерпѣнья
 Тобой хвалимага раба!
 Дозволь кощей его коснуться!
 Лишь бръикія Твоей руки
 Съ него сними на часъ запишу:
 Тогда увидишь Самъ!“... „Иди!
 Иди!“ въцалъ ему Всевышній:
 „Я предаю его шебѣ,
 Терзай на немъ земное шѣло,
 Но не коснись его души!“

IV.

Въ пустынь видѣнь люднй градъ;
 Тамъ дѣшся мѣна и купля;
 Шумишь на шоржащѣ полна.
 Вошь длинной шей помавасишь
 Верблюдь — живой корабль пустынь,
 И роешь землю конь игривый
 Подъ спашнымъ смуглымъ вѣдокомъ,
 И съ перелетнымъ вѣшеркомъ
 Играють космы черной гривы;
 Надулись поздри и въ очахъ
 Горишь какой-то дикй пламень.

И шуть же смирная споишь
 Ословъ навьюченныхъ спаница.
 Блиспають шкани песпрошой,
 Кушцы ихъ цѣнность выхваляють
 И въешь тонкйй аромашъ
 Ошь мурры, маскиъ и алоя,
 И все шумишь, вездѣ расчешъ;
 Градь полонъ жизни... Надъ пушмыней
 Взюшло ужъ солнце высоко,
 И шѣнь уже у корня пальмы.
 Бѣжишь и шадо и паспухъ
 Укрыишь въ долъ за сѣнью кедровъ.
 Но кто, спрадалецъ, въ шяжкйй зной
 На кучѣ гноя исчезаешь?
 Кого, безшѣйнаго, палаяъ
 Лучи пушмыннаго свѣшила?
 Надъ кѣмъ жужжишь сей зыбкйй рой
 До крови жадныхъ насѣкомыхъ?
 Какъ онъ ужасно искаженъ:
 Глаза занухли, спрушь и раны
 Одыя шѣло, какъ кора.
 И весь онъ, какъ подъ пецломъ бльмъ,
 Лежишь въ проказъ... Кто сей мужъ?
 Кто эшошь человекъ? сей ницйй?
 Никшо о немъ не поболитъ,
 Никшо! — Онъ выброшенъ изъ града
 И въ шяжкомъ недугѣ своемъ
 Поверженъ, какъ мертвецъ безгробнйй:
 И по былъ Ювъ!.. онъ молчалъ.
 Но вошь пришла къ нему супруга,
 Не съ шѣмъ, чнпобъ въ сладосныхъ слезахъ
 Излишь поль-сердца надъ спрадалецемъ;
 Ньшь! изъ ея холодныхъ усь

Летишь упрекъ: почто, безмольный,
 Напрасно землю шагнешь?
 Молишь, вои, чшобъ Богъ швой слышалъ,
 Чшо ты, полусогнившій шруць,
 Желаетъ смерти, смерти просишь.“
 Спрадалецъ, съ мукою, привсталъ,
 Воззръвъ на небо и, въ ошвъшь ей:
 „Ты говоришь мнѣ, какъ одна
 Изъ женъ безумныхъ. . . Можно ль Бога
 Тревожишь праздною мольбой
 И малодушнымъ, дѣшскимъ воплемъ?
 Я Божій весь! и жизнь моя
 Въ Его рукъ. Моя супруга!
 Не самъ ли Богъ насъ надѣлялъ
 Такъ щедро лучшими дарами?
 Когда жъ благое ошь Него
 Мы принимали съ услажденьемъ,
 То примемъ и сосудъ скорбей
 И вышьемъ все съ покорнымъ сердцемъ.“

У.

Семь знойныхъ опшымали дней,
 Семь разъ серебряныя звѣзды
 Являлись радостью очей
 На черномъ Аравійскомъ небѣ,
 Съ шѣхъ поръ, какъ *трое* изъ друзей
 Пришли объ Ювъ провѣдать,
 И были шѣ друзья — Цари
 Или влашшители — и первый
Элабазъ былъ Оеманинъ;
Валдадъ, влашшитель изъ Савхен,
 И шрепшій былъ завѣшншй другъ
Софиръ — и шо былъ Царь Минейскшй.

И скорбь уста нмъ заперла:
 Не смѣли ушѣшашъ спрадалца;
 И чѣмъ ушѣшишь? чшо сказашъ?
 Но расперзавъ свои одежды,
 Насыпавъ пепель на главы,
 Семь дней и семь ночей сидѣли
 При дружномъ ложѣ на землѣ.

VI.

Воззръвъ спрадалецъ на друзей
 Возспалъ, и вешкшя одежды
 Оправиль. . . Но, себя страшась,
 Поникъ головой на перси. Тяжко
 Вдыхалъ скорбящшй, и онъ былъ,
 Какъ кедръ, надломленный грозою,
 Ни мершвымъ, ни живымъ. — Но вдругъ,
 Ошдавшисъ ропшоу, онъ громко
 Осиплымъ гласомъ возопилъ:
 Погибни день, когда изъ чрева
 Я вышелъ въ сей злосчастшншй свѣшь!
 „Погибни ночь, когда сказали:
 „Се, въ чревѣ зачатъ человекъ!“
 И я записанъ въ книгу жизни! . . .
 Угасни въ вѣчности сей день!
 И ночь, изъ времени, исчезни!
 О, выкинь, Господи! сей день
 Изъ льпъ, изъ круга годового!
 И въ шой ночи, да не горящъ
 Ушѣха взоровъ звѣзды неба;
 Не будь у шой ночи ушра!
 Не убирай ее, младая,
 Своими розами — заря! . . .
 Зачѣмъ шощъ день, зачѣмъ съ шой ночью

Мнѣ дали сей увидѣшь свѣтъ?
 Зачѣмъ я не родился мершвымъ?
 Зачѣмъ не умеръ я — родясь?
 Почто ты на свои колѣни,
 Меня, о машеръ! приняла?
 Почто меня писали перси?
 Меня бь закинула, чшобъ пропала
 Я въ пеленахъ, еще безъ смысла!
 Теперь давно бь уже я спалъ
 Спокойнымъ сномъ въ глубокомъ лонѣ
 На общемъ сходбищѣ — въ землѣ!
 Тамъ всѣ равны: рабы и Князи;
 Богачъ бокъ о бокъ съ нищимъ легъ;
 Для всѣхъ одинъ счастливый ошдыхъ
 Подъ ладнымъ черепомъ земли;
 А здѣсь, а въ сей палатѣ жизни,
 Въ сей бездорожной шемношѣ,
 Мы только бродимъ какъ слѣпые...
 Зачѣмъ ты свѣпшишь, Божій день!
 Чшобъ намъ показывашь, какъ люди,
 Спрадаютъ, плачущъ и грустятъ!...
 А я, я мученикъ безвинный,
 Рыкаю громче гладныхъ львовъ
 И, какъ пошокъ на днѣ кремнистомъ,
 Въ моей груди кишишь шоска:
 Опъ шяжкою налегъ горою
 На перси мнѣ, холодный страхъ:
 Я объашь имъ, чего боялся
 Увы! со мною все сбилось!
 Но развѣ я роншалъ доселѣ,
 Подъ шяжкимъ нашискомъ скорбей?
 Не сохранялъ ли я молчанья,
 Когда мой недугъ прогрызалъ

Ошпатки гниущаго шѣла
 И видѣлъ кости я свои!
 Но былъ спокоенъ я, доколъ
 Меня проникнулъ Божій гнѣвъ!

VI.

Тогда Эліафазъ Оеманскій,
 Въ ошвѣтъ на ропошную рѣчь:
 „Сказашь ли мнѣ, но я боюся,
 Чшо горькому шебъ, горька
 Покажешся бесѣда правды;
 Но можно ль чувсиво удержашь?
 Оно кипишь и просишь слова —
 И я скажу: ты былъ мудрецъ;
 Бывало, поминишь, ты совѣшомъ
 Соединялъ сердца людей;
 Ты шашкимъ въ мысляхъ былъ подпорой,
 Скользящихъ словомъ укрѣпляя;
 Но самого едва коснулася
 Вѣда пролешная персшомъ,
 Ты и разслабъ и палъ какъ мертвый!
 И хоть привстанешь, но за шѣмъ,
 Чшобъ жребій смершнаго злорѣчиш!
 Гдѣ жъ спрахъ Господній? Гдѣ шощъ духъ,
 Который радуешся скорбью,
 Расшетъ въ шерпѣни и — будашъ,
 Въ огнѣ спраданья закаленный,
 Идешъ на мукы, какъ на пиръ?...
 Господь правдивъ! Когда карашь,
 То Онъ карашь за грѣхи;
 Всесилень Богъ: одно дхновенье
 Изъ усшь Его, какъ хрупкій листъ,
 Съ земли смешашь нечесшивыхъ...

Звенѣлъ гласъ лъвинный по зарямъ,
 И шигра ревь смущала пустыню;
 Но шомъ и оный — мертвецъ!
 Ихъ семьи сгибли, въ ихъ вершеняхъ
 Засѣли сумракъ съ пустошю!...
 И я однажды, въ шайнѣ ночи,
 Послышалъ нѣкакій глаголъ;
 Онъ, мнѣ казалось, какъ украдкой,
 По слуху моему скользнулъ,
 Но сердце глубоко прорѣзалъ.
 И было шо въ шакой ужъ часъ,
 Когда дневное все стихаетъ
 И сходящъ сстрахи съ пишиной;
 Меня вдругъ обнялъ ужась. Спращно
 Мои всѣ кости запряслись
 И побѣжалъ по жиламъ холодъ:
 Когда жъ духъ ночи проходилъ,
 Во мнѣ все сжалось... волосъ дыбомъ!...
 И кто-то сталъ передо мной,
 Незримъ, безличенъ, безтѣлесенъ,
 Но мнѣ, онъ какъ-то видѣнъ былъ
 И гласъ его ко мнѣ повѣялъ,
 Какъ изъ могилы шонкій хладъ:
 „Уже ли можно чловѣку
 Предъ Богомъ справедливымъ бышь?
 И можно ли, чшобы шворенье
 Явилось чище, чѣмъ Творецъ?
 И близкіе къ Нему не чисы!
 И въ свѣшлыхъ Ангелахъ своихъ
 Нашелъ Онъ пашна! что же люди,
 Скудельныхъ храмннхъ снхъ жильцы?
 Они — приросшіе къ земному —

Обезображены грѣхомъ,
 Какъ шкань, извѣденная молью!...“

(Продолженіе илеть бытъ.)

Федоръ Глинка.

1827 г. Марта 21.

г. Петрозаводскъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзоріе происшествій 1826 года.

(Продолженіе.)

Прошекшіи годъ былъ для Порты Ош-
 шоманской роковымъ годомъ и еще рѣши-
 шельнѣе будетъ слѣдующій, въ которомъ
 должные оказатся плоды шараній, приложен-
 ныхъ въ печеніе прошедшихъ лѣтъ. Новый 1826
 годъ озарилъ Конспаншинополь ужаснымъ
 пламенемъ: въ ночи съ 3 на 4 Января, сви-
 рѣлспивалъ въ предмѣстіи Галашъ пожаръ,
 коего добычею сдѣлались 1000 лавокъ и 1500

домовъ; причиненный онымъ уронъ цѣнился въ 25 милліоновъ піастровъ. Султанъ Магмудъ полагалъ въ семь году, что наступила благопріятная минута для приведенія въ дѣйство уже за 18 лѣтъ пріутошованнаго проекта преобразованія войскъ по-Европейски, и уничтоженія Янычаръ, спрашнхъ для Турецкаго престола. Слѣдствіемъ того было ужасное возмущеніе сихъ послѣднихъ, возгорѣвшееся 15 Іюня; они преобладали годовъ Великаго Визиря, Аги-Паши и Муфтія, котораго, вмѣстѣ съ Рейсь-Эфендіемъ, почитали главными виновниками новаго успройсшва въ войскѣ. Султанъ Магмудъ оказалъ въ семь случаевъ великую рѣшимельность и неуспрашимость: онъ вошелъ въ сераль, и лично предводилъ Топчіями или аршиллеристами, приказалъ выспаши Санджакъ-Шерифъ или знамя Пророка, и созвалъ Улемъ и толпу народную къ защитѣ онаго. Воспослѣдовало ужасное кровопролитіе на Эшмейданской площади; нѣсколько тысячъ Янычаръ погибли или на мѣстѣ сраженія, или въ казармахъ своихъ, гдѣ искали убѣжища, и сдѣлались жертвою пламени; большая же часть оныхъ лишилась жизни въ казняхъ, продолжавшихся дено и ночью, всенародно и втайнѣ. Янычары были ошѣнены на вѣки; ихъ *котлы*

разбиты и имя ихъ проклято Муфтіемъ. Говоряшъ, что въ сей кровавый день сгорѣло нѣсколько тысячъ Янычаръ и всего съ обѣихъ сторонъ погибло болѣе 10,000 человекъ. Безпрерывныя казни еще значительнo умножили сіе число; также сосланы были изъ Константинополя въ заоченіе болѣе 20,000 человекъ, которые находились въ связяхъ съ Янычарами, пакъ, что народонаселеніе столицы въ семь году, включая опустошенія, произведенныя моровою язвою и нѣсколькими большими пожарами, должно было значительнo уменьшиться. Съ болзнію ожидали извѣстій изъ Азіи, какъ шамонніе многочисленныя и сильныя Янычары примушъ сію вѣспъ, однако не смотря на многія извѣленія неудовольствія, нигдѣ не произошло важнаго мятежа. Между тѣмъ Султанъ безпрешанно обучалъ и умножалъ новую свою милицію, которою онъ начальствовалъ лично, и неуспынно продолжалъ приводить въ дѣйство начатое предпріятіе. Сначала онъ выманилъ опасныхъ Ямаковъ, помогавшихъ ему дѣйствовать противъ Янычаръ, разными обѣщаніями изъ ихъ Босфорскихъ замковъ; попомъ уничтожилъ сословіе Босанджіевъ, ввелъ строжайшія полицейскія мѣры противу дерзкихъ рѣчей, приказалъ запретить большую часть 40,000 кофейныхъ до-

мовъ внушири и около Константинополя, запрещилъ брадобрѣямъ угощать кофеемъ и табакомъ, а съ другой стороны повелѣлъ отккрыть питейныя дома, и всѣ сіи учрежденія, противныя законамъ и обычаямъ Мусульманъ, освященіемъ рѣшеніемъ Муфтія, что Султанъ есть Намѣстникъ Пророка, коему подобаешь сльпо повиноваться, даже если бы онъ повелѣлъ сжечь Коранъ. Продажею вина, и всякими другими способами Султанъ старался скоплатъ деньги. Всеобщее уныніе народа при видѣ сихъ мѣръ, ежедневныхъ казней и убійствъ, къ чему еще присовокупился неспершимый зной и моровая язва, посшенено возрасшало, и скрышое неудовольствіе наконецъ обнаружилось въ страшномъ пожарѣ, кошорый 31 Августа, въ шощ самый день, когда хощьли внесши въ Серааль знамя Пророка, оиашь превращилъ въ пепель осьмую долю города, около 6000 домовъ, и въ семь числъ множешво дворцевъ и сокровищъ богашьхъ вельможъ. Греки не могли бы съ бѣльшимъ оспервененіемъ свирѣпствовашь противу вражеской столицы, какъ несповештовали Турки противу главнаго своего города. Въ продолженіе пожара, Султанъ военною силою обуздывалъ недовольныхъ, и 2 Сеншября, знамя Магомета об-

рашно перенесено было въ Серааль. Снова умножились спрегія мѣры и казни, и снова вспыхнулъ пожаръ 11 Окшября: оный пошущень мяшежъ кровію возмушпителей, и въ шоще время отккрыть заговоръ, пушпившій множешво опраслей. Ужасно было положеніе столицы въ концѣ Окшября, когда пожары, язва и казни были ежедневнымъ зрѣлищемъ, и въ каждую минушу ожидали начашя новой борьбы. При сихъ обспояшельствахъ и совершенномъ недоспащкѣ въ деньгахъ, Поршпа не можешь сильно весши войну въ Греціи, шѣмъ бѣлье, что и Египешь, съ помощію коего она воевала въ шеченіе двухъ послѣднихъ лѣшъ, вскорѣ переспанешь снабжашь ее войсками и денежными пособіями, и пошому върошшо безъ большихъ запрудненій согласишя на шребованія великихъ Европейскихъ Державъ. Отказываясь отъ всякаго пріобрѣшенія, онъ соединенными силами сдѣлали сильное предспавленіе Поршѣ, и шребуюшъ, чтошбы она прекрашала бесполезное кровопролишше и даровала Греціи права, подобныя шѣмъ, коими пользуются Молдавія и Валахія, по кошорымъ она будешь управляема Начальникомъ, подобнымъ Господарямъ, и сосшояшъ подъ верховнымъ управленіемъ Поршпы и подъ зашщшою великихъ

именованный Генералиссимусомъ, взялъ Триполищу присупомъ, и при опыта Ибрагима Паши подвинулся впередъ, были щещны. Греческое Правительство шакже не оспавалось въ бездѣйствіи: оно издало поспановленія о продажѣ національныхъ имуществъ, привело въ порядокъ Юспицію, учредило мирные, провинціальныя и аппеляціонныя Суды и Верховное Судилище въ Навплин. По взятіи, 3 Февраля, шрехъ Турецкихъ военныхъ и одиннадцати транспортныхъ судовъ, удалось Миаули доставить нѣсколько припасовъ въ крѣпость Миссолонги, которая уже 10 мѣсяцевъ была осаждаема съ моря и съ суши, и прошивъ коей Ибрагимъ-Паша, наименованный Главнокомандующимъ вмѣсто Решиды, и Пашаскимъ Коменданшомъ вмѣсто Юсуфа, направилъ все силы свои. Тогда возгорѣлась война съ большею жестокостію. 21 Января, Гура съ 9000 Грековъ сразился съ Египетскимъ войскомъ въ 15,000 человекъ подъ начальствомъ Ибрагима; въ семь кровопролитномъ бою, Магомешане (въроянно по преувеличенному извѣстіямъ), лишились ошь 6 до 7000 человекъ, а Греки 2500 человекъ. Палашка и сераль Ибрагима были завоеваны, и Маринскій монастырь съ 1700 Турокъ взешѣлъ на воздухъ. 27 Января Гре-

чекскій флотъ вспунилъ въ сраженіе съ Турецкимъ, и послѣдній въ безпорядкѣ обратился въ бѣгство, чему виновникомъ былъ Капишанъ-Бей, котораго немедленно смѣнили; однако же флотъ векорѣ пошерялъ еще другое сраженіе подъ начальствомъ самого Капишанъ-Паши. Сіе не препятствовало Ибрагиму, сосредоточившему войска свои, шѣсье осадить Миссолонги и учинить при новые присупа, 28 Февраля, 1 и 2 Марша, въ которыхъ Турки и Египтяне пошеряли 500 человекъ, а Греки завоевали вѣшнія ихъ башшарен. Между шѣмъ, увеличивался недоспашокъ въ съешныхъ и боевыхъ припасахъ въ Миссолонги, и когда Ибрагиму удалось, послѣ опчаяннаго сопрошвленія, овладѣть островомъ Василыды, а векорѣ пошомъ 13 Марша и островомъ Анашолико, то безъ вѣшней помощи не было спасенія для города, все болѣе и болѣе шѣсьняемаго. Не смощря на то, геройскій гарнизонъ опшразилъ еще два присупа, 23 Марша и 6 Апрѣля; и когда уже нельзя было болѣе помышлять о защищеніи, и шрехдневный голодъ ужасно измучилъ ихъ, шогда оба начальника, Ношо Боццари и Киццо Тцавелла, рѣшились оспавить городъ, и, въ сопровожденіи женъ своихъ, неожиданно пробѣшся ночью сквозь Турецкій лагерь. По-

слѣдняя защита города предоставлена была шарцамъ и раненымъ, которые, въ минушу крайности, должны были поднять порохомъ на воздухъ Миссолонгскія развалины. 22 Апрѣля въ 8 часовъ вечера, растворились вороша священнаго для Греціи города. Но къ величайшему удивленію, готовившійся выйти гарнизонъ увидѣлъ непріятелей, расположенныхъ въ боевомъ порядкѣ. Сей видъ не усстрашилъ Грековъ: они бросились на шипки и башарен Египтянъ, и послѣ ужаснаго кровопролитія, въ которомъ пало множество героевъ и большая часть женъ и дѣтей ихъ, они сломали всѣ ряды непріятелей, спаслися въ горы, отдохнули часа два, и отправилась въ числѣ 1800 человекъ въ Салону, откуда переведены были въ Навплію. 23 Апрѣля Турки вошли въ Миссолонги, покинутый защитниками; но и здѣсь должны были на жизнь и смерть сразиться съ оставшимися, которые наконецъ, посредствомъ проведенныхъ по различнымъ направленіямъ минъ, подняли себя на воздухъ вмѣстѣ со многими входившими въ городъ Турками. Въ сей день и въ предшествовавшую ему ночь, Турки лишились еще 5000 человекъ, и въ рукахъ ихъ осталась громада пепла, которая болѣе прославляетъ

геройство Эллиновъ, чѣмъ блистательнѣйшій побѣдный памятникъ.

Греческое Народное Собраніе въ Піадѣ, на мѣсто смѣненнаго стараго Правительства, избрало два Временныя Правленія, Исполнительную Депузацію и Законодательное сословіе Народнаго Собранія, которыхъ 29 Апрѣля имѣли торжественный въѣздъ въ Навплію. — Колокошрони были утверждены въ качествѣ Главнокомандующаго, а Маврокордато удаленъ. Народное Собраніе рѣшилось просить Англійскаго Посланника, чтобы онъ примирилъ оное съ Портою, подъ условіемъ признанія Греціи, и такъ какъ Деметрій Ипсиланни изъявилъ свое несогласіе на сіе посредничество, то его объявили неспособнымъ ни къ какому почестиному званію. — Идра была позорнымъ великихъ безпокойствъ: тамъ просило народъ пропитьсѣ опъезду богатыхъ жителей. — Вся надежда Грековъ обращена была на экспедицію Лорда Кокрена, написавшаго вызовъ на брань къ Вице-Королю Египетскому; къ нему долженствовали присоединиться экспедиція Американскихъ военныхъ кораблей и 2000 человекъ вспомогательнаго войска подъ начальствомъ Генерала Лаллемана. Вся вспомогательная сила должна была состоять изъ разныхъ Ан-

гайскихъ большихъ пароходовъ съ Перкинсовскими 68 фуншовыми пушками, нѣсколькихъ небольшихъ военныхъ кораблей, 4 Американскихъ пароходовъ и 2 Американскихъ фрегатовъ о 64 пушкахъ, которые, вмѣстѣ съ 30 Эллинскими бригами и множествомъ мелкихъ военныхъ кораблей и брандеровъ, сославили бы флотъ, ошъ кошораго, по мужеству и искусству Греческихъ, Англійскихъ и Американскихъ мореходцевъ, подъ начальствомъ Адмирала, каковъ Кокренъ, можно было ожидать удивительнѣйшихъ послѣдствій. — Однако же сія надежда все еще не исполнилась. Правда, что Лордъ Кокренъ уже 12 Мая опшправился изъ Фальмута, но все еще не прибылъ въ Грецію, и въ концѣ года находился въ Марсели. При построении Англійскихъ пароходовъ, сдѣланы были такія важныя ошибки, что надобно было значительнѣе исправить или даже совершенно перестроить ихъ; одинъ пароходъ *Картерія* (Посшоянство) прибылъ въ Навилію и купленъ Греческимъ Правительствомъ, однако же постройка и прочихъ нынѣ продолжается съ бѣльшею поспѣшностію. Въ Нью-Йоркѣ изгошовлено было прекрасное 74 пушечное военное судно и гошовилось къ опшлытію; и если война не

прекратится, то Лордъ Кокренъ, который уже теперь служить страшилищемъ для Турокъ и Египтянъ, безъ сомнѣнія вскорѣ появится въ Архипелагъ и приметъ начальство надъ Эллинскимъ флотомъ; но вѣроятно, что Англійскіе Министры уведомили его о намѣреніи великихъ Державъ предупредить дальнѣйшую вражду, и эшимъ легко объясняется его бездѣйствіе. Въ слѣдствіе жалобъ, принесенныхъ многими Европейскими Державами, а бѣлье всѣхъ Австрією, на увеличивающіеся морскіе разбои, которые конечно по бѣльшей части производимы были подъ Греческимъ флагомъ Склавонцами, Киликіянами и другими прибрежными жителями Средиземнаго моря, Народное Собраніе, для прекращенія оныхъ, издало прокламацію. Также объявило оно, и вѣроятно зашѣмъ, чтобы не показать разногласія съ правилами Европейскихъ Державъ, ходатайствующихъ въ пользу Греціи, гошовность свою къ принятію со временемъ Монархическаго образа правленія. По завоеваніи Миссолонги, Ибрагимъ-Паша, коего войско весьма уменьшилось, пробылъ нѣсколькое времени въ бездѣйствіи, и пошомъ обратился свои нападенія прошиву храбрыхъ Майнотовъ, никогда еще непобѣжденныхъ и

защищаемых своими горами, пошомковъ древнихъ Спаршанцевъ, но прижды былъ ими ошраженъ съ большою пошерю. Въ то же время Сераскирь Решидъ - Паша двинулся съ 10,000 человекъ войска къ Аѣшиамъ; тамошняя крѣпость защищаема была храбрымъ Гурою. Здѣсь Французскій Полковникъ Фавье далъ ему нѣсколько сраженій, въ коихъ войска, обученныя Европейской тактикѣ, весьма оплщились опъ необразованныхъ войскъ Греческихъ. Гура былъ убитъ во время вылазки изъ Аѣнской крѣпости, и храбрый Гризиоши засунулъ его мѣсто. Между тѣмъ удалось подкрѣпить Аѣнскій гарнизонъ, и предположено до крайности защищать Акрополисъ, а если оный не можеть болѣе держаться, взорвать его на воздухъ. — Карашассо опустошала островъ Эвбею или Негропонъ, куда уже передъ тѣмъ Фавье предпринималъ экспедицію, что бы тѣмъ принудить Омера - Пашу, вмѣстѣ съ Решидомъ ушѣсяившаго Аѣны, возвращишься въ Пашалыкъ свой. Въ Канди так же продолжались сраженія съ непокоренными еще Горцами. Трижды Капишанъ - Паша пышался сдѣлать высадку на островъ Самось, и прижды прешерпѣлъ поражение опъ Адмирала Сахшурѣ; въ одномъ изъ сихъ

сраженій, мужественный Канари тяжело раненъ. Такъ и въ семь году Турецкій флотъ долженъ былъ возвратишься въ Дарданеллы, не покоривъ ни одного острова. Онъ готовился къ новому походу, равно какъ и Египетскій, кошорый долженъ былъ доставить Ибрагиму подкрѣпленіе войскомъ и разными припасами, въ коихъ онъ имѣеть крайнюю нужду; за первымъ наблюдаеть Сахшурѣ, за вторымъ Коландруццо, а между тѣмъ можеть прибыть по крайней мѣрѣ часть Кокреновой экспедиціи, если, какъ выше сказано, великія Европейскія Державы не предупредять всякаго дальнѣйшаго предпріятія прошиву Греціи. — Нынѣ, по достовернѣйшимъ извѣстіямъ, живущъ въ Моревъ 700,000, въ Сѣверной Греціи 800,000, въ Архипелагѣ 300,000 душъ. Государственный доходъ Греціи простираеться до 8,500,000 франковъ; Государственный долгъ въ 1825 г. сосставлялъ 25 милліоновъ франковъ. — 30 Мая умеръ знаменитый Германъ, Архіепископъ Папрасекій, кошорый въ Апрель 1821 года подалъ первый знакъ къ возстанію, продолжающемуся нынѣ уже шестой годъ. — Междоусобные раздоры вспыхнули снова съ такою силою, что въ концѣ Октябрю, въ самой столицѣ, Навплин, замокъ Паламиди,

занятый Сулюшами, копорые въ городѣ играють ролю господъ, и укрѣпленіе Бурци при въѣздѣ въ гавань, сѣдалище членовъ Правленія, перестрѣливались между собою. Аѣнскія древности, преимущественно изящное произведеніе Пареемона, весьма пошерпѣли ошъ бомбардировки; однако же говорятъ, что Сераскирь, въ сраженіи 3 Октябрия, былъ совершенно разбитъ и преслѣдуемъ на 7 миль ошъ Аѣниъ. — Въ Константинополь все еще продолжается состояніе безначалія; считають, что съ 23 Октябрия до половины Ноября, казнено около 6000 человекъ, не включая нѣсколькихъ тысячъ ушопленныхъ.

(Продолженіе впереди.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

Политическая Экономія.

15. Une nation doit-elle être exclusivement agricole? Par N. Demidoff, Conseiller d'Etat actuel etc. etc. (*Долженъ ли какой либо народъ исключительно заниматься земледѣліемъ?* (Соч. Н. Демидова, Двѣстств. Спаш. Совѣши. и пр. и пр.) С. П. б. 1827 года. Въ шипогр. Депарш. Народнаго Просвѣщенія, 34 стр. въ 8. (См. No 34 Сѣв. Пчелы.)

Изящная Словесность.

16. Пиндаръ, переведенный съ Греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ, съ примѣчаніями Переводчика. Часть I. С. П. б. 1827. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 285 стр. въ 8.
(Благодаря шрудамъ Г. Маршнова, мы скоро будемъ имѣть полное собраніе Грече-

скихъ Классиковъ, копорые уцѣляли отъ
пльни вѣковъ и отъ книжнаго пожара Але-
ксандрійскаго. Переводъ Пиндара соста-
вляетъ 21 часть сего собранія. Трудъ по-
хвальный и полезный, ибо симъ, незнающіе
Греческаго языка знакомятся съ лучшими
произведеніями Поэтовъ, Орашоровъ и Бы-
тописателей древней Эллады; а учащіеся
языку сему, находятъ вѣрное пособіе къ ура-
зумнѣю мѣснѣ затруднительныхъ, что еще
болѣе облегчается примѣчаніями, коими по-
чтенный Прелагатель обогатилъ свои пе-
реводы.)

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(*Окончаніе.*)

Ю л і й к ѣ Ф е л и к с у .

Туть было еще нѣсколько спрокъ, но
я не могъ разобрать ихъ; онѣ спершы сле-
зами. И эти слезы служашъ ощепашкомъ
чувствованій сердца нѣжнаго, числаго...
Ахъ, Феликсъ! по прочтеніи сего журнала,
мысли мои о свѣтѣ и людяхъ совершенно
перемѣнились!... Я въ шакомъ смященіи...
не знаю, какъ явиться къ Принцу... Боже
мой! что такое значить жизнь наша, какъ
не беспрестанное, горестное бореніе съ за-
блужденіями, проспунками и раскаяніемъ?..

Какъ отецъ мой былъ опекуномъ Юлія,
то я увѣренъ шеперь, что прекрасная и
несчастливая шешушка, копорая часто пи-
сывала къ машушкѣ и за копорую машуш-
ка заспавляла меня молишься, должна бытъ
не дная кто, какъ Графиня Юлія. Ахъ! Фе-

ликсъ , если бѣ ты могъ понять , что такое еще я предполагаю!.. Сердце мое такъ полно... Я шепчу въ догадкахъ и заключеніяхъ... О другъ мой! ежели бы предчувствія мои меня не обманули!..

На другой день.

Было уже поздно, когда Принцъ прислалъ за мною. Я нашелъ его сидящаго на софѣ. У ногъ его, по обыкновенію, лежала вѣрная собака. Когда я вошелъ, онъ устремилъ на меня взоры свои, какъ будто бы желая узнать изъ глазъ моихъ, какое впечатлѣніе произвело во мнѣ чтеніе журнала Юліи, и по видимому, онъ скоро угадалъ движеніе моего сердца. „Садись, милый Юлій,“ сказалъ онъ пошомъ: „я долженъ многое рассказать тебѣ.“ Я сѣлъ возлѣ него. Онъ задумался: казалось, ему очень горько было приводить себя на память все прошедшее. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ склонилъ голову на грудь мою и началъ говорить слѣдующее:

„Не знаю, до какой степени можно иногда вѣрять могуществу злаго духа; но, нельзя ошвергать истины, что иногда, какая-то необходимая сила можетъ влечь насъ ко злу. Кажется, что злобный геній роетъ

землю подъ ногами нашими и — мы попадаемъ въ бездну. Что было бы съ нами, если бы милосердая десница Предвѣчнаго не управляла врагами нашими такъ, что они спановятся орудіемъ къ собщенному нашему избавленію?..“ Принцъ замолчалъ, взявъ мою руку и, прижимая ее къ груди своей, продолжалъ: „я былъ оупъ природы крошкаго и нѣжнаго характера; но, долгоевременное пребываніе мое въ странѣ, гдѣ я совсѣмъ почти не видалъ женщинъ, непрерывныя занятія военными дѣлами, и собщенныя усилія мои содѣлали на вѣкъ, какъ я думалъ, сердце мое неприсупнымъ любви: возвращаясь въ отечество, я зналъ ее полюкко по названію, но, при первомъ взорѣ на Юлію, сердце мое не могло проповосшояшь силъ ея: я покорился и — вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ спокойствія шу, кошорой, до шого времени, могущество страсти совершенно было еще неизвѣстно. Юлія меня любила, и сердце мое, увѣренное въ нѣжныхъ ея чувстввахъ, не должно было бы питать никакихъ подозрѣній; однако я былъ чрезвычайно ревнивъ: самая невинность ея, опкровенность и совершенное незнаніе обычаевъ свѣтскихъ, наиболѣе возбуждали во мнѣ эпу гибельную страсть. Сообщники Герцога спарались умножать ее во мнѣ;

*

злбия, завидливая Баронесса Габріель непримѣнно раздувала пламя ревности въ моемъ возмущенномъ воображеніи; даже и машушка моя, обманувшись ложными догадками, внушеніями окружающихъ ее, и самымъ участіемъ своимъ въ положеніи Юліи, думала, что есть какое нибудь тайное сношеніе между Герцогомъ и ея молодою Шшашь-Дамою, и что будто Юлія только потому и казалась внимательною къ моей нѣжности, чтобы удобнѣе скрывать существенную стращь свою. Долгое время боролся я съ этою мыслию; часто Юлія успокоивала меня однимъ словомъ, и съ каждымъ днемъ, я привязывался къ ней болѣе. Чтобы быть совершенно удостовѣреннымъ въ истинѣ чувствъ ея, я предложилъ ей соединиться со мною тайнымъ бракомъ: она согласилась. Это меня совершенно успокоило: я блаженствовалъ; но вскорѣ злобный гений, меня пресѣдовавшій, возбудилъ во мнѣ подозрѣніе и къ тому, что она рѣшилась такъ скоро на дѣло, о кошоромъ надлежало бы хоть нѣсколько ей подумать. Спрашная любовь моя къ женѣ дѣлала меня ревнивымъ до бѣшенства; сердце мое терзалось сомнѣніемъ; я часто впадалъ въ ужасную задумчивость, надъ кошорою брать мой всегда вздввался съ жесточайшею злобою. Мы

очень рѣдко видались съ Юліею на единѣ: разъ ввечеру я узналъ отъ Баронессы Габріель, что Герцогиня призывала ее къ себѣ, и что послѣ продолжительнаго разговора, Юлія вышла отъ нее, рыдая. „Графиня нездорова, прибавила она, мы сегодня ее не увидимъ.“ Слова ея повергли меня въ смущеніе; уже покушался я немедленно пойти къ Юліи, но машушка, подзававъ меня къ себѣ, какъ будто нарочно удерживала разговоромъ, и мученіе мое было неизяснимо. Но какъ описавъ шебѣ мое чувство, когда Баронесса, подойдя ко мнѣ, сказала въ полголоса: „успокойсье, Ваше Высочество; Графиня конечно лучше, она приняла Герцога; онъ и шеперь у ней.“ Съ ужасомъ посмонрѣлъ я вокругъ себя: Герцога въ самомъ дѣлѣ не было въ залѣ. Пламя ревности снѣдало мое сердце; я былъ виѣ себя, молчалъ и закрывъ лице руками, предавался ужаснѣйшимъ мыслямъ, и даже совсемъ не примѣчалъ, что происходило вокругъ меня. Герцогъ возвратился; машушка удалилась, а послѣ того и все общество разсѣялось. Почувствовавъ наконецъ, что въ залѣ сдѣлалось тихо, я взглянулъ: одинъ только брать мой оснавался со мною.

„Карль,“ сказалъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею холодноспію: „пора уже кон-

чпшъ всю эту комедію. Безразсудная спрасшь скоро сведеть себя съ ума: мы стремились къ одному предмету и почши уже спали ненавидшь другъ друга, и за что жъ? За гордую, въшреную кокешку, кошорой хощьлось шолько, я думаю, выйши за кошораго нбудь изъ насъ!... Теперь моя опасность миновалась; умй и шы послѣдовашь моему примѣру: люби, будь счастливъ, наслаждайся и — ничего даље! Прекрасная Юлія исполнила весь мои желанія; право я уже гошовъ уступитъ ее тебѣ: и въ доказательство истинны словъ моихъ, отдаю тебѣ швой поршрешъ, кошорый получилъ отъ нея въ замѣнъ моего собшвеннаго.“ Съ этими словами отъ подалъ мнѣ поршрешъ. Отъ природы я не слишкомъ былъ склоненъ къ гнѣву, и во всю жизнь мою не испыывалъ такого бѣшенства, въ какое повергли меня его слова. Кровь закипѣла въ жилахъ моихъ: я вскочилъ, шопшаль ногами поршрешъ свой и обнаживъ шпагу, бросился на Герцога. Съ холодноштію опдалилъ отъ оружіе, управляемое дрожащею отъ гнѣва рукою. — „Опомнись, брашь! что ты дѣлаешь?“ сказалъ отъ, и — услышавъ это названіе, я безъ чувствъ упалъ къ ногамъ его. Когда пришелъ я въ себя, никого не было со мною въ комнатѣ; дверь заперта была двойнымъ

замкомъ. Не могу объяснишь тебѣ, въ какомъ положеніи я тогда находился: оно походило на безчувственность. Вскорѣ ударило 12 часовъ; я услышалъ спукъ кареты, осшановившейся у подъзда. Вдругъ отворяющся двери; входитъ военный чиновникъ и подаетъ мнѣ прочиташъ повелѣніе Герцога, чшобы я немедленно ѣхалъ въ замокъ Шарфшшейнъ. Я повиновался, почши не понимая, чего отъ меня шребуютъ: душевное спраданіе мое дѣлало меня ко всему равнодушнымъ. Я потерялъ уваженіе ко всемъ людямъ вообще: мое бѣшенство, и все шѣ, кошорые умѣли во мнѣ возбудитъ его, были шому причиною. Въместѣ съ шѣмъ я презирала самого себя и даже Юлію, кошорую любилъ шакъ спрасшно. Нечувствительно ослабѣли во мнѣ и моральныя и физическія силы: жизнь моя, въ это время, не могла называться существованіемъ. По ненависти моей къ людямъ, лишеніе свободы казалось мнѣ благодѣаніемъ: нѣсколько дѣтъ провель я въ шакомъ состояніи. Но што, кошорое за нимъ послѣдовало, было еще ужаснѣе: съ возвращеніемъ здоровья, несчастіе мое сдѣлалось для меня ошущительнымъ: ненавистъ къ брату, равно какъ и ко всему шому, что было причиною нашей ссоры, умножилась въ сердцѣ моемъ въ шы-

сячу красть болѣе прежняго. Безпрестанно помышлялъ я, какъ бы освободиться изъ неволи и опомститься Юліи. Всякое средство къ достиженію сихъ желаній казалось мнѣ позволительнымъ; я готовъ былъ рѣшиться на все; мысли мои несказанно меня перезали: ни днемъ, ни ночью, не имѣлъ я покою. Мученіе мое усиливалось, и наконецъ, прирота ослабѣла. Я сдѣлался очень больнъ; думаю, что смотритель сообщилъ о томъ Герцогу: ко мнѣ явился Докторъ. Я не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и спрашивалъ, чтобы, вмѣсто нихъ, не дали мнѣ яду. Не смотря на заключеніе, жизнь была мнѣ драгоценна; я утѣшалъ себя надеждою, что участь моя со временемъ переменится. Она въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась, и эта перемѣна была гораздо прочнѣе для будущаго, нежели та, какую произвела бы свобода. Болѣзнь моя миновалась; но выздоровленіе было продолжительно, и въ это время удобнѣе мнѣ было разсуждать о непріязненныхъ чувствахъ, которыми предавалась душа моя. Я помышлялъ о братѣ моемъ, о преступномъ моемъ покушеніи на жизнь его, и часто благословлялъ Всевышняго, Котораго милосердая десница поддерживала меня на краю бездны; сердце мое смягчалось отъ раскаянія; я примирился со

всѣми, даже и съ Юліею. Воспоминаніе о ней, вмѣсто того, чтобы приводить меня въ бѣшенство, какъ это было прежде, сдѣлалось для меня пріятнымъ; я покорился участи своей, какъ наказанію, справедливо мною понесенному. Вскорѣ я почувствовалъ, что спокойствіе снавилось не чуждо душѣ моей, и чтобы не перять его, я старался удалять отъ себя воспоминаніе о прошедшемъ, которое казалось мнѣ ужаснѣйшимъ сномъ.

Тогда попросилъ я смотрителя замка доставить мнѣ, для развлеченія, какое нибудь живописное; мнѣ принесли сего попугая. Лишь только посадили его въ клетку, онъ закричалъ: *прости, прости, прощай, прощай!* что вы уже слышали: Я еще и до сихъ поръ не знаю, кто и съ какимъ намѣреніемъ выучилъ его говорить эти слова; но мнѣ казалось, что сама виновная и раскаивающаяся Юлія умоляла меня ими о снисхожденіи и прощалась со мною навѣки. Слыша крикъ попугая, я всегда былъ распроганъ, какъ бы ея голосомъ, кошорой и безъ того отзывался безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Тогда же вспомнилъ я о флейшѣ, звуки кошорой приводили некогда въ умиленіе мою возлюбленную, и потребовалъ ее. Къ величайшему удивленію моему, вмѣстѣ съ флейшою

я получила почти и все вещи, оспававшіяся въ моемъ кабинетѣ; въ шомъ числѣ все свои бумаги, ношы и самую маску, кошорая живо напомнила мнѣ минушу, когда Юлія, въ одеждѣ царицы волшебниковъ, какъ благодѣтельный геній, явилась очамъ моимъ! Съ восторгомъ разложилъ я все въ моей комнатѣ. — Чрезъ нѣсколько дней увидѣлъ я у себя и вѣрнаго Поллукса. Ласки его и радости, имъ изьявляемая, чрезвычайно меня распрогали. Въ шѣ минушы мнѣ казалось, будто слышу шайный голосъ, зывающій ко мнѣ изъ глубины сердца: когда Богъ одарилъ и живошнихъ шакими нѣжными чувшвами, шо какъ можно сомнѣвашься, чтошбы люди, существа разумныя, не питали въ себя любви и дружбы, врожденныхъ имъ и гошовашихъ для нихъ, если бы не прешаствовали спрасши, предвкусеніе шого блаженштва, какого ождаемъ въ вѣчности? Увѣрять, что любовь есть даръ небесъ, кошорый уничтожитъ могушь шолько пороки, я снова обрѣлъ ее въ сердцѣ моемъ вмѣшть съ добродѣтелью. — Уже я былъ шободень ошъ всѣхъ заблуждений, ошъ всего, шакъ сказать, чувшвеннаго. Мнѣ казалось, что Юлія, загладивъ прошедшія слабосши свои, могла принадлежать мнѣ въ вѣчности; мысль сія украшала для меня уединеніе. Съ

шѣхъ поръ я сдѣлался совершенно убѣжденнымъ въ истиннѣ религіи и благодарилъ Бога за Его ко мнѣ милосердіе; желаніе возвращенія въ свѣшъ уменьшалось во мнѣ постепенно.

Тушъ братъ мой прислалъ сюда себя; не знаю, съ чего онъ взялъ, будто я ищущи средствъ получишь свободу: онъ удвоилъ спражу. Не правда ли, что опредѣленіе шебя къ надзору за мною, есть шакже дѣло милосердія Божія? Твой отецъ былъ родшвенникомъ и опекуномъ Юліи; швое имя, швое лице пробудило въ душѣ моей тысячу воспоминаній; мнѣ хотѣлось о многомъ говорить съ шобою, но онашася вѣрнѣшся незнакомцу, присланному сюда моимъ братомъ, я спарался превозмочь эшо желаніе, и однако чувштво, сильнѣйшее самаго благоразумія, влекло меня къ шебъ непоняшнюю силу; скоро я замѣшилъ, что оно было взаимно, и радосшно предался ему. Небо опредѣлило, чтошбы чрезъ шебя я былъ выведенъ изъ заблуждений и убѣдился въ невинности безцѣнной моей супруги!... Теперь скажи, не извѣшно ли шебъ чтошнибудь объ эшой несчастной? жива ли она, гдѣ находишся, и не можешь ли шы ее увидѣшь? Ошъ швоего отвѣтна зависить мое благополучіе: ахъ! не медди, говори, жива ли

Юлія?... Не скривай отъ меня ничего, юный другъ мой! Незвѣстность объ ея участи несказанно шерзаетъ мое сердце!...“

Онъ приспально смотрѣлъ на меня...

Что могъ я сказать ему?... Однѣ догадки, предположенія, и ничего болѣе. Однако я сообщалъ ему все, что пришло мнѣ на мысль: о несчастной пешушкѣ моей, жившей въ Англіи, о крестьянкѣ съ игрушками, и о сѣбной дамѣ, видѣнной мною въ сосѣдствѣ. Вечеромъ, весьма уже поздно, разговоръ нашъ прерванъ былъ Леонардомъ, придворнымъ Докторомъ, который не бывалъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ.

„Не вы ли, Юлій, послали за нимъ? сказалъ Принцъ: „Кажется, я васъ просилъ...“

— „Нѣтъ, я не смѣлъ васъ послушаться.“

„Такъ вѣрно браня мой досаждалъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ, любезный Докторъ,“ сказалъ Принцъ, обращаясь къ Леонарду и дружески подавалъ ему руку. Докторъ оцѣпенѣлъ. Увидя Принца въ положеніи, кошорое не показывало ни малѣйшаго разспроиства ума, онъ чрезвычайно изумился.

„Что за чудо!...“ вскричалъ наконецъ Докторъ, садясь возлѣ Принца и взявъ его за руку: „опъчего произошла въ васъ, Принцъ, такая перемѣна? Пульсъ вашъ бьется, какъ

у самаго здороваго молодого человѣка; нѣтъ впрочемъ внушрешняго жара...“

Принцъ улыбался: „Избавьте же меня, любезный Докторъ, отъ этой юности; въ ней опасны заблужденія; дайте мнѣ такое лекарство, отъ кошорого бы кровь не слишкомъ усшремлялась къ сердцу, пошому что нынѣ мое сердце ищетъ только спокойствія.“

Вскорѣ Докторъ вспалъ и началъ раскланиваться съ Принцемъ. Послѣдній удерживалъ его ночевать, или хотя посидѣть еще немного; но Леонардъ никакъ не соглашался. — „Я не могу,“ говорилъ онъ: „оспаивать васъ долѣ; меня ждутъ при Дворѣ; здоровье Герцога весьма разспроилось со времени ма-скарада, бывшаго во дворцѣ Вашего Высочества. Съ шѣхъ поръ,“ прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: „какъ ему привидѣлся извѣстный вамъ сонъ. Мнѣ кажется, что вы были для Принца самымъ лучшимъ Докторомъ; я бы желалъ, чтобы и мои попеченія о Герцогѣ имѣли такой же успѣхъ. Прощайте, прощайте, не удерживайте меня; больная пріятельница ожидаетъ меня къ себѣ; я не хочу оспаивать ее долѣ въ незвѣстности; она живетъ въ такомъ уединеніи...“

— „А, такъ вы посѣтили меня мимоходомъ и намѣрены пушиться далѣе?...“ сказалъ Принцъ. „Просите, Ваше Высоче-

ство,“ отвѣчала Докторъ: „въ самомъ дѣлѣ Герцогъ не посылалъ меня къ вамъ; мнѣ самому захотѣлось узнать, каково здоровье ваше, довольны ли вы новымъ смопршпелемъ; и я очень радъ, видя, что у васъ все какъ нельзя лучше... Не скрою отъ васъ, что ѣхавши сюда, я имѣлъ въ виду и другое... Мнѣ нужно бытъ не подалеку отсюда,“ прибавилъ онъ, значительно помахивая на Принца.

— „Не здѣсь ли въ соседствѣ живешь ваша большая пріятельница?“ спросилъ съ удивленіемъ Принцъ.

„Точно такъ,“ отвѣчалъ Докторъ: „несчастная слѣпа, но все еще очень хороша собою: по словамъ ея, звуки флейшы вашей составляютъ все ея наслажденіе...“

Принцъ измѣнился въ лицѣ и горестно смошрѣлъ на Доктора.

Леонардъ продолжалъ: „она говоритъ, что эта музыка, напоминая ей прошедшее счастье, какъ бы обращаетъ его въ пріятную существенность; но какъ уже нѣсколько времени флейша ваша молчитъ, по бѣднjacka сдѣлалась больна, и очень опасно. Живущая съ нею спарушка, которая любитъ ее съ величайшею нѣжностію, рассказавъ мнѣ все это, убѣдила меня посѣтить несчастную. „Не можете ли вы,“ говорила

она припомъ: „скажешь ей, отъ чего не слышно болѣе звуковъ флейшы Шарфштейнскаго арестанта: если это продолжится, ей не прожить долго... Признаюсь, Принцъ, я за пѣть только и заѣхалъ къ вамъ, чтобы уведомить ее объ истинной причинѣ вашего молчанія.“

— „Кто она такая?“ возразилъ Принцъ,

„Она Англичанка,“ отвѣчала Докторъ. „Много уже лѣтъ прошло, какъ она купила замокъ, который находился отсюда на четверть мили, поселилась въ немъ и нигуда не выезжаетъ. Ее зовутъ Мисприсъ Дамби; я думаю, что она вдова. Назадъ пому нѣсколько лѣтъ, меня позвали къ ней для леченія глазной боли; но было уже поздно, я не могъ помочь: она ослѣпла, и по видимому отъ частыхъ слезъ. Она тиха, любезна въ обращеніи и съ удивительнымъ терпѣніемъ сноситъ свое положеніе. Вошь все, что я могу сказать о ней, и хотя называю ее своею пріятельницею, но право, въ почтении ничего объ ней не знаю: она очень мало говоритъ со мною въ отношеніи къ самой себѣ; просила только никому не говорить о ней, и даже не бытъ у нее до пѣтъ поръ, пока сама не придетъ за мною.“

Принцъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. „Это она! это она!“ вскричалъ онъ, об-

ливаясь слезами и приложивъ руку мою къ груди своей, которая сильно подымалась: „сердце мое говоритъ мнѣ, что это Юлія!... Юлій, любезный Юлій, ради Бога, веди меня къ ней, мнѣ должно ее увидѣть!... Г. Леонардъ! возьми меня съ собою!...“

— „Невозможно, милосливый государь; жалю, что долженъ вамъ отказать, но право, я не смѣю... Да и эшошь молодой человекъ, кошорому вы вѣрены, подвергнулся бы гнѣву вашего брата... Но нельзя ли вамъ увидѣть ее изъ окошка?... Нѣтъ ли ее, по обыкновенію, на эшихъ горахъ?...“

Принцъ схватилъ флейшу, и подбѣжавъ къ окну, посѣпшино открылъ его. Небо было безоблачно и луна освѣщала горы. „Точно, вошь она,“ вскричалъ Докшоръ, подойдя къ окошку: „она, она, я узнаю ее по бѣлому платью, вошь прошивъ насъ, смотрише, смотрише!... Ахъ! она ждепъ музыки, кошорая ее оживляетъ...“ Принцъ упалъ на колѣни у окошка, нѣсколько разъ прикладывая флейшу къ устамъ своимъ, но — сильное движеніе занимало у него духъ и — флейша производила шолько неспройные звуки. Я не могъ сносить долѣ эшого прогашельнаго зрѣлища; „побудше здѣсь до моего возвращенія,“ сказала я тихо Леонар-

ду, пожавъ ему руку, и выбѣжалъ изъ комнаты. По знаку, мною поданному, мосьъ былъ поднятъ; я направилъ пушь свой на горы, и вмигъ очутился предъ несчастною. Она сидѣла обратясь лицомъ къ замку и по видимому, съ воспоргомъ внимала звукамъ флейшы, кошорыхъ шоль давно уже не слышала. — Юный проводникъ ея находился въ нѣшкшоромъ разшояніи. — „Юлія,“ вскричала я: „Графиня Блендгейтъ!...“

— „Боже! кто зоветъ меня?“ сказала она въ испугъ и хотѣла вскочить съ мѣста, но едва поднялась, какъ зашаталась и гошова была унасть. Я поддержалъ ее; пошомъ, обхвашивъ ее руками, посѣпшилъ сойти съ горы съ эшимъ бременемъ, кошорое, по чувсшвамъ, волновавшимъ мою душу, казалось мнѣ весьма легкимъ. „Спунай за нами,“ закричалъ я проводнику ея, горько плакавшему: „спунай, ты не будешь въ шомъ раскаывашься.“ Онъ повиновался, и дорогою упрашивалъ меня, не дѣлашь зла доброй гошожѣ и самому ему. Уже мы приблизились къ Шарфшшейну, Юлія была почти безъ чувсшвъ. Я опасался внести ее въ шакомъ положеніи къ Принцу и хотѣлъ было ишши прежде въ свою комнату; какъ вдругъ на подъемномъ мосту, вижу Принца, поддерживаемаго Леонардомъ: онъ былъ едвали не

шакъ же слабъ, какъ и Юлія. Съ помощію телескопа, доставленнаго ему съ другими его вещами, онъ видѣлъ, какъ взошелъ я на гору и какъ пошомъ понесъ Юлію. Принцъ пошчасъ бросился къ намъ на встрѣчу, но внутреннее движеніе заставило его остано- виться. „Это она! это она!“ вскричалъ я, приблизясь къ Принцу.

На груди любезнаго, въ его объятіяхъ, Юлія пришла въ чувствва. Нѣжные звуки его голоса, когда онъ съ любовью произно- силъ ея имя, замѣнили для нея недоспашокъ зрѣнія. Феликсъ, любезный Феликсъ! какъ могу описать тебѣ это зрѣлище!... Лю- бовники, супруги, помившіеся столько лѣтъ въ разлукѣ, наконецъ соединились!... „Карль, любезный Карль мой!“ вошь все, что по- шоряла Юлія.

Въ молчаніи смотрѣлъ на нее Принцъ. „Милая, несчастная супруга моя!“ сказалъ онъ наконецъ: „сколько ты спрадала!... Эпи глаза...“ онъ покрывалъ ихъ поцѣ- луями. „Ахъ! я была причиною слезъ твоихъ: можешь ли ты просишь меня?...“

— „Нѣжный другъ,“ ошвѣщствовала она, улыбаясь: „милосердый Богъ не погасилъ въ сердцахъ нашихъ чувствъ нѣжности взаим- ной: ахъ, теперь прошедшее несчастіе мое кажется мнѣ только сновидѣніемъ!... Такъ,

Карль, я спѣла, но вижу себя, и все ша- кимъ же, какъ видѣла въ первый разъ моей жизни!...“

Теперь, Феликсъ, нѣсколько словъ о соб- ственномъ моемъ счастіи. Предчувствіе ме- ня не обмануло: священные узы соединяють меня съ ними!... Я сынъ ихъ, плодъ ихъ любви и шайнаго брака. Принцъ предша- вилъ меня супругъ своей, какъ сына опеку- на ея, Генерала Винфельда, присланнаго Гер- цогомъ для надзора за нимъ, и сдѣлавшагося орудіемъ ихъ соединенія. „Сынъ моего опе- куна!“ вскричала Юлія, съ шрудомъ перево- дя дыханіе: „ахъ, Карль! Это нашъ сынъ!... Юлій! Юлій! ты здѣсь!... Я совершенно счастлива!...“

— „Сердце меня не обмануло“ сказалъ мой родишель, обнимая насъ обоихъ. О, Фе- ликсъ! какъ изъяснишь тебѣ шо, что я шогда чувствовала!... Ахъ, человекъ еще и на земли можешь вкушашъ райское бла- женство!...

Машушка объяснила намъ, что еще оставалось для насъ неизвѣстнымъ. Оп- крывши опекуну своему шайный бракъ ея съ Принцемъ Карломъ, она не скрыла опъ него и своего положенія, заклиная не оста- вить ее безъ помощи. Генераль ужаснулся,

поропилъ ее отъѣздомъ, и взялъ съ неѣ кляшву хранишь о шомъ шайну.

Въ Англіи, въ одной ошдаленной деревнѣ, подь именемъ Мисприсъ Данби, разлученной съ мужемъ, находящимся въ морской службѣ, машушка произвела меня на свѣшъ. Мнѣ было около двухъ лѣшъ, когда Графъ Винфельдъ назначенъ былъ отъ Двора Посланникомъ въ Неаполь: онъ написалъ къ машушкѣ о желаніи своемъ взять меня къ себѣ для воспитанія, пока еще не могъ я запоминшь мѣсна своего рожденія. Я заливался слезами, когда нѣжная, добрая машъ моя рассказывала мнѣ, какъ горько ей было со мною разстаться; но собственная польза моя и ея кляшва пребовали отъ нея сей жершвы. Она ввѣрила меня бывшей съ нею въ Англіи пріятельницѣ своей, Г-жѣ Нагеліи, которая привезла меня къ Графу, а пошомъ поѣхала обратно къ любезной своей подругѣ съ шѣмъ, чшобы уже никогда не ошавляшь ее. Всѣ считали меня сыномъ Графа Винфельда; съ нимъ возвратился я на его родину. Изъ Неаполя вызвали его для пріяніа начальства надъ войсками, по случаю войны, и шупъ вскорѣ постигла его смерть на полѣ сраженія. Вдова его обращалась съ мною съ шюю же нѣжностію, какъ и при жизни его; она переписывалась

съ машушкою, и ее - шю, какъ я и угадывалъ, называла Графиня моею шешушкою.

Ошправляясь съ Принцессою въ Англію, она меня ошавила, какъ я уже шевѣ писалъ, у Священника; она видѣлась съ машушкою, успокоила ее на счетъ меня и засшавила ее возобновить общаніе, сохраняшь все эшо вшайнѣ до самой смерти Герцога. Между шѣмъ, когда умерла Графиня, Юлія, не въ сосшояніи будучи сносишь долѣе раздуку со мною и съ несчастнымъ супругомъ своимъ и не имѣя при шомъ средшвъ получашъ о насъ извѣстія, рѣшила въ возвратишь въ свое отечество. Горесшь перемѣнила чертш лица ея, и она надѣялась, чшо ее никто не узнаешъ; къ шому же она вознамѣрилась проводить дни свои въ совершенномъ уединеніи. Маршенъ, камердинеръ Принца, былъ единшвеннымъ ея повѣреннымъ. По ея желанію, онъ купилъ для нея замокъ, въ кошоромъ жила она до сего времени, и гдѣ ушѣшдали ее шолько звуки флейшы. — Сей инструментъ доставленъ былъ Принцу вѣрнымъ Маршенемъ, шакже какъ собака его и пугай, выкормленный самою Юліею. Еще прежде, нежели поселилась она въ развалившемся зданіи, ея желаніе увидѣшь меня услалось до шакой степеня, чшо она не могла перевозмочь его, и явилась къ намъ

въ деревню въ видѣ продавицы игрушекъ, чѣмъ тебѣ уже извѣстно. Спусти много времени, Герцогъ, почтивъ меня сыномъ умершаго Генерала, велѣлъ помѣстить въ военное училище и опредѣлять попомъ въ гвардію. И такъ, Феликсъ, чрезъ неизяснимыя пути Провидѣнія, я сдѣлалъ спрашемъ моего отца и попомъ орудіемъ соединенія его съ супругою. Кто, послѣ сего, осмѣлился сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ?...

Теперь, милый другъ, ты спросишь меня, чѣмъ изъ всего этого послѣдуешь, и что должно произойти ошъ сего непредвидѣннаго приключенія? Думаю, что ничего; мы только просимъ небо, чѣмбы оно дозволило намъ долѣе наслаждаться настоящимъ нашимъ благополучіемъ. Мы всѣ примирились съ судьбою: башюшка, нашедши супругу и сына, почишаешь себя совершенно счастливымъ, и не желаешь свободы, кошорую не иначе получишь можешь, какъ разлучившись снова съ Юліею, или подвергнувъ ее опасности и безпокойству путешествія; при слабомъ здоровьѣ, ей нуженъ покой, кошорымъ гораздо удобнѣе можешь наслаждаться она въ своемъ жилищѣ, нежели въ городѣ; къ тому жъ Принцъ ни за что не согласился, чѣмбы я обвиненъ былъ въ томъ, что забылъ долж-

ность свою и спосѣшествовала бѣгству арестанта, порученнаго моему надзору. А сама я, имѣя такихъ родителей, ничего болѣе не желаю, какъ только проводить съ ними всѣ дни жизни моей, ушѣшая ихъ любовію моею и ласками. Докшоръ Леонардъ, будучи свидѣтелемъ всего происшедшаго, обѣщавъ Принцу умолчать о томъ предъ Герцогомъ, успокоилъ его, и стараніемъ своимъ продолжилъ пребываніе мое въ Шарфштейнѣ. Одинъ только смотришель замка могъ бы измѣнить намъ, но я вознамѣрился не выпускать его изъ виду; онъ будешь имѣвъ все, выключая свободы, кошорую и безъ того не могъ пользоваться, находясь здѣсь; да правду скажешь, онъ и заслуживаешь наказаніе, за строгое обхожденіе съ башюшкою. И такъ все идетъ у насъ по прежнему: Юлія слыветъ путешествіемъ въ развалинахъ, Принцъ Государственнымъ арестантомъ въ Шарфштейнѣ, а я, — я посредникъ между ими, гений, ихъ соединяющій!... Добродушный нѣмой, совершенно намъ преданный, заступаешь иногда мое мѣсто, и водишь мамушку на горы, или въ комнату ея супруга. О Феликсъ! что могу еще сказать тебѣ?... Развѣ то, что нынѣ удовольствія свѣтскія ничего уже для меня не значать. Не могу изяснить тебѣ чувствъ

моихъ , но желалъ бы , чшобы ты могъ по-
нимашъ все шо , что я ощущаю!...

Спустя нѣсколько времени.

Небо не всегда бываетъ безоблачно ;
жизнь человѣческая не можешь продолжашь-
ся безъ неудовольствій Коварный смо-
пришелъ ускользнулъ изъ подъ спражи : онъ
обманулъ бдительность нашу и умѣлъ вос-
пользоваться выходомъ , ему только извѣ-
стнымъ : нушь , имъ избранный , намъ совер-
шенно неизвѣстенъ : изъ побѣга его могушь
произоиши для насъ ужасныя послѣдствія...
Безъ сомнѣнн , онъ донесеть Герцогу обо
всемъ , что случилось , и обвинишь меня въ
глазахъ его ; я долженъ ожидать того , и —
уже приготовился !... У меня одна надежда :
рассказашъ все самой Герцогинѣ ; правда ,
она опасается Герцога , но — она же лю-
била столько сына своего Карла , и конеч-
но обрадуется онъ всего сердца , узнавъ ,
что онъ находишся въ здоровомъ разсудкѣ и
украшенъ добродѣтелями еще болѣе , чѣмъ
прежде . Но допусшашъ ли меня съ нею ви-
дѣться?... Если бы я могъ бышь увѣренъ ,
что только самъ спрадашъ буду , но — мнѣ
неизвѣстно , какая участь ихъ ожидаешь!...
Нѣшь , нѣшь , не хочу думать и безпокоишь-

ся о будущемъ : только Всемогушй можешь
имъ управлншь.... Боже ! соедини насъ ско-
рѣе шамъ , если люди еще разлучашъ насъ
здѣсь!... Просши , Феликсъ , я отправляю къ
тебѣ эшѣ строки съ челоувкомъ , совер-
шенно мнѣ преданнымъ.

Ф е л и к с ь к ъ Ю л и ю .

Изъ столицы.

Спѣшу увѣдомишь тебя , любезный другъ ,
черезъ своего же посланнаго , о происше-
ствнн , которое безъ сомнѣннн будетъ тебѣ
прнншно , и конечно вскорѣ сдѣлаешь извѣ-
стнымъ и повсюду . Докторъ Леонардъ былъ
у меня и сообщилъ мнѣ о томъ , прося , что-
бы я тебя приготовилъ . Юлнй ! Небеса
мстншъ за угнетенную невинность!.. Гер-
цогъ сошелъ съ ума!...

Онъ былъ нездоровъ , какъ говорилъ Лео-
нардъ , съ самаго того времени , когда у не-
го сдѣлалась лихорадка при возвращеннн изъ
маскарада , и когда онъ послалъ тебя къ
Принцу для лучшаго за нимъ надзора . Съ
тѣхъ поръ лице его доказывало , что какой-
но ужасъ владѣешь его душою ; онъ сдѣлаеш
еще задумчивѣе и безпокойнѣе прежняго ,
часто приходилъ въ ярость и , по болѣшей

части, бывалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Назадъ тому съ недѣлю, онъ заснулъ въ креслахъ, запрешивъ окружающимъ его войти, пока онъ не позвонитъ; почему, даже и въ сумерки, никто изъ людей не смѣлъ податься къ нему свѣчь.

Во время его сна, какой-то человекъ высокаго роста, блѣдный и худощавый, въ сѣромъ плащѣ, вбѣжалъ во дворецъ по заднему крыльцу, мимо часовыхъ, которые, въ темнотѣ, приняли его за самого Герцога, и прокравшись черезъ тайную дверь въ спальню его, прошелъ опшуда въ кабинетъ. Тутъ Герцогъ пробуждается, видитъ незнакома и принимаетъ за своего брата, который вѣроятно, предсавлялся ему во снѣ. „Это онъ! это онъ!“ вскричалъ Герцогъ: „онъ пришелъ опмститься за себя: онъ убьетъ меня! Помогите! помогите!“ Смотришеля замка (шъ конечно догадываешья, что это былъ онъ) спѣшишь успокоить его, называя себя по имени и объясняя все, что случилось въ Шарфштейнѣ; спрахъ Герцога умножается: „не ушелъ ли онъ? не здѣсь ли? Несчастный! зачьмъ шъ опсавиль его?“ восклицаешь онъ. Опцѣнѣвшій шарикъ приходитъ и самъ опъ сихъ словъ въ чрезвычайный ужась, шеряетъ разсудокъ и спрашный хохотъ ихъ обохъ, сопровожда-

емый судорогами, оканчиваешь се ужасное зрѣлище.

Камердинерь слышалъ все это изъ ближней комнаты. Испугавшись, онъ не осмѣлился итти въ кабинетъ одинъ, а позвалъ нѣсколькихъ людей, пославъ одного изъ нихъ къ Докшору; когда явился и сей, они все вмѣстѣ, со свѣчами, вошли къ Герцогу. Леонардъ былъ весьма встревоженъ состоянїемъ, въ кошоромъ нашель и его и смотришеля замка; все средшва, имъ упошребленныя къ приведенію ихъ въ разсудокъ, опсались щещины; бшшеншво ихъ возобновлялось каждую минушу, и наконецъ, они оба, упошвившись, внаи въ нѣкошорый родъ усыплѣнїя. Леонардъ не опсавлялъ ихъ; онъ надѣялся, что сей сонъ будетъ имъ полезень, но надежда его не исполнилась; по пробужденїи, бшшеншво ихъ возобновилось съ новою силою, и ясно доказывало неизлечимое сумасшесшвїе.

Докшоръ долго скривали о шомъ опъ Герцогини, но наконецъ принуждены были объявить ей, въ какомъ положенїи Герцогъ. „Великій Боже!“ вскричала она: „шеперь онъ шакоть же, какъ и Карлъ!“ Леонардъ опспѣшишь сказашь ей, что Принцъ находшся въ совершенномъ разсудкѣ, и что онъ никогда и не шерялъ его. Съ шрудомъ могла

она шому повѣришь. Прежде, Герцогиня часто изъявляла желаніе его увидѣшь, но Герцогъ всегда увѣрялъ ее, что Принцъ, въ безуміи, не узнаеть ее, и что сама она не въ состояніи будешь перенести такого зрѣлища, и пошому желаніе ея оставалось безъ исполненія. Слова Доктора послужили ей нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Положеніе старшаго ея сына ясно показывало ей наказаніе, посланное ему самимъ небомъ за угнетеніе брата. Теперь ожидайте къ себѣ Герцогиню; она нестерпиво жадаеть увидѣшь сего спрадальца и по возможности наградишь за все прешеръзное: ты долженъ приготоновишь къ шому Принца.

Но, Юлій, не его шолько одного жадаешь видѣшь Герцогиня; Леонардъ предложилъ ей прочиташъ журналъ, кошорый ты прислалъ ко мнѣ; она знаеть, что найдешь въ Шарфштейнѣ невѣстку, лишившуюся зрѣнія отъ слезъ горести и любви, что найдешь памъ и внука; она эшо знаеть, и — забывая все прошедшее, спѣшишь прижать вась къ маперинскому сердцу.

Теперь вьсьмъ уже извѣстно, что сумасшесствіе Принца Карла было ложное. Верховный Совѣтъ избралъ его для управления Государшвомъ въ продолженіе болѣзни Герцога, и вскорѣ опшправитъ Депушатовъ въ

зѣмокъ Шарфштейнъ: предупреди о шомъ Принца, и скажи ему, что вьсь его подданные сердечно ему преданы.

Герцогъ находится все въ одномъ положеніи, и никого не узнаеть; для него готовляшь во дворцѣ особенныя комнашы, гдѣ помѣспяшь и смошришеля.

О Юлій! можеть ли человекъ проникать въ судьбы Всевышняго и въ гореспныхъ случаяхъ жизни сей говоришь: „все уже для меня кончилось! Я не имѣю болѣе никакой надежды!...“ Безумный! зачьмъ приходишь ты въ ошчаяніе?... Десница Божія и самое зло можеть обратишь для тебя во благо!... — Прощай, Юлій! мы скоро увидимся: надьюсь, что сынь моего Государи побудешь навсегда другомъ Феликсу.

З а к л ю ч е н і е.

Герцогиня съ восторгомъ спѣшила въ Шарфштейнъ. Она прѣхала и нашла сына своего вмѣстѣ съ Юліею. Сія послѣдняя хотѣла бросишься къ ногамъ ея: „ты должна бышь у моего сердца, дочь мол,“ сказала Герцогиня, обнямая ее: „для чего не могу возвращишь тебѣ зрѣнія, какъ возвращаю мою нѣжностъ!...“ — „Милая матушка!“

возразила Юлія: „не лишите сего чувства моего сына, и — для меня ничего не нужно больше!...“ Между шѣмъ Карль подвель Юлія къ Герцогинѣ: „ему,“ сказалъ онъ: „по соизволенію небесъ, мы обязаны нашимъ благополучіемъ.“ — „Я это знаю,“ отвѣчала Герцогиня: „и вмѣстѣ съ любовью пишу къ нему сердечную благодарность!...“

На другой день явились Государственныя Депутаты. Карль общалъ своей матери не отказываясь ошъ почестей, къ копорымъ призывало его Провидѣніе. Хотя и было ему очень трудно, даже непріятно, возвращаться въ свѣтъ, но онъ чувствовалъ, что долженъ повиноваться судьбамъ Вышняго и нещись облагъ народа, ему ввѣряемаго. Вмѣстѣ съ своею матерью онъ возвратился въ столицу, гдѣ былъ принятъ со всеми знаками живѣйшей радости.

Никшо не могъ убѣдить Юлію переселиться шуда же. Ей казалось, что небо, лишивъ ее зрѣнія, шребовало ошъ нее, чтобы она проводила остальныедни жизни своей въ уединеніи: она прожила еще 15 лѣтъ среди горъ и лѣсовъ: любовь и дружба улаждали ея существованіе. Супругъ ея, сынъ и свекровь часто посѣщали ее, удивлялись ея набожности, шершнѣю и съ каждымъ свиданіемъ любили ее болѣе. Иногда звуки

флейшы, раздающейся въ Шарфшпейнѣ, возвѣщали ей о пріѣздѣ любезнаго, и сердце ея билось сильнѣе обыкновеннаго. Карль сохранялъ къ ней всегда равную нѣжность: часто, изъ разговоровъ ея онъ почерпалъ силу и швердосшь, столь нужныя для его званія, и Юлія, лишенная зрѣнія, поддерживала его на пуши, ведущемъ къ небесамъ.

Юлій, добродѣтелями своими, пріобрѣлъ всеобщую любовь и вмѣстѣ сожалѣніе, что законы не дозволяли ему наследовать родительскаго шрона. Герцогъ умеръ въ сумашествіи. Когда скончалась и Герцогиня, то Принцъ Карль не могъ болѣе противостоять желанію раздѣлять уединеніе Юліи; владѣнія его должны были, послѣ его смерти, присоединиться къ Имперіи; онъ уступилъ ихъ еще при жизни своей, съ договоромъ, чтобы сынъ его, именуемый Графомъ Бленгеймъ, управлялъ дѣлами въ званіи Генераль-Губернатора. Юлій исправляла должность свою примѣрно и оплчилъ себя какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, шакъ и на войнѣ; всѣ любили и уважали его, какъ бы владѣтельнаго Герцога, а при помѣ онъ былъ свободенъ въ выборѣ сердца. Женясь на сестрѣ друга своего Феликса, въ союзѣ съ нею былъ онъ совершенно счастливъ. Можно угадать, что вѣрный Маршенъ и

пѣмой служитель замка Шарфштейна получили достойную награду за преданность ихъ и усердіе.

Е. М. . . . ва.

II.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

БИТВА АРКОЛЬСКАЯ.

Фельдмаршалъ Альвинци вступаетъ въ Италію съ прѣтвѣю арміей. Хорошее состояніе Французскихъ войскъ; общее мнѣніе всѣхъ народовъ Италіи желаетъ имъ успѣха. — Сраженіе при Бренцѣ (5 Ноября); Вобуа въ безпорядкѣ осматриваетъ Тироль. — Ропотъ и различныя чувствованія, поселившіяся между Французскими солдатами. — Ночный походъ арміи на Ронко; армія переправляется тамъ чрезъ Аджъ по мосту, построенному на плашкодахъ (14 Ноября); она вступаетъ съ побѣдою въ Верону, Венеціанскими воротами, на правомъ берегу рѣки (18 Ноября).

§ 1.

Въ слѣдъ за всѣми курьерами, привозившими въ Вѣну извѣстія объ успѣхахъ Эрц-Герцога Карла, являлись курьеры отъ Вурмзера, сообщавшіе извѣстія только объ уронахъ. Дворъ провелъ весь Сентябрь мѣсяцъ въ сихъ переходахъ отъ радости къ печали. Удовольствіе, которое чувствовали отъ отъ побѣдъ, слабо вознаграждало его

за уныніе, поселяемое поперями. Германія была спасена, но Италія пошеряна; войско, охранявшее сію границу, исчезло. Многочисленный его штабъ, пресарьѣый Полковонецъ и нѣкоторые осматки, пѣмъ только спаслись, что заперался въ Маншу, кошорая, бывъ доведена до крайности, нуждаясь въ всемъ и спавъ добычею осеннихъ лихорадокъ, въ скоромъ времени должна была отворить свои ворота побѣдителю. Императорскій Надворный Совѣтъ почувствовалъ необходимость чрезвычайныхъ усилій; собралъ двѣ арміи, одну въ Фріуль, а другую въ Тироль, вручилъ начальство надъ оными Фельдмаршалу Альвинци и предписалъ ему идти на защиту Маншуи и на освобожденіе Вурмзера.

§ 2.

Невыгодное положеніе армій Самбро-Маасской и Рейнской долженствовало вскрыть бывъ почувствовано въ Италіи. Если бы отъ сін армій не удерживались на правомъ берегу Рейна, то необходимость требовала, чшобъ онъ послали значительные отряды для усиленія арміи Италійской. Директорія много обѣщала, и мало исполняла; однако жъ она отправила двѣнадцать баталіоновъ, взятыхъ отъ Вандейской арміи, ко-

порые и прибыли въ Миланъ, въ печеніе Сеншября и Окшября мѣсяцевъ; нарочно, во время похода, ихъ раздѣлили на двѣнадцать колоннъ. Всѣ были въ шомъ мнѣнн, что каждая изъ сихъ колоннъ состояла изъ цѣлаго и весьма комплекснаго полка, что было бы очень значительнымъ вспоможеніемъ. Правда, что солдату Французскому не было нужды въ сей увѣренности: онъ былъ полною довѣрїа къ своему Полководцу и къ собственному превосходству; ему хорошо плашили, его хорошо одѣвали и кормили; артиллерїа была хороша и многочисленна; конница имѣла отличныхъ лошадей. Народы Италїи съ участіемъ смотрѣли на успѣхи арміи Французской: ихъ выгоды, ихъ независимость была связана съ оными; они столь же были убѣждены въ превосходствѣ Французскихъ войскъ надъ Нѣмецкими, какъ и въ превосходствѣ ихъ вождя, побѣдителя Болё и Вурмзера, надъ Фельдмаршаломъ Альвинци. Съ Юля мѣсяца этого года, мнѣніе весьма уже перемѣнилось. Тогда, при вѣсти о прибытіи Вурмзера, вся Италїа ждала отъ него побѣды; теперь же никто не сомнѣвался, что побѣды будутъ на спорѣ арміи Французской. Общій духъ народовъ, обитающихъ за рѣкою По, какъ шо, Болонцевъ, Моденцевъ и Реджійцевъ, былъ

таковъ, что они сами собою могли опротивить войско Папы, если бѣ оно вступило въ ихъ земли, и шѣмъ выполнило свои угрозы.

§ 3.

Въ началѣ Окшября, Фельдмаршалъ Альвинци былъ еще съ своею арміею при Изонцо; но въ концѣ этого жѣ мѣсяца, онъ перенесъ главную свою кварширу въ Конеліано, за Піаву; Массена, споя въ Бассано, наблюдалъ за его движеніями. Давыдовичъ собралъ въ Тиролѣ 18-ши тысячный корпусъ, включая въ шо число Тирольскую милицію. Дивизионный Генераль Вобуа прикрывалъ Тренпо, занимая Лависъ 12-ши тысячнымъ своимъ корпусомъ. Дивизїа Ожеро, кавалерійскїй резервъ и главная кваршира Французской арміи были въ Веронѣ. Намѣреніе Альвинци было соединиться въ Веронѣ съ Давыдовичемъ, а опшолѣ ишши на Маншуу. Нюбря 1-го, онъ навелъ два моста на Піавѣ и съ шремя колоннами взялъ направленіе на Бреншу. Массена, угрожая ему ашпакою, принудилъ его распянуть всю свою армію, и когда узналъ, что она состояла болѣе нежели изъ 40,000 человекъ, шо снялъ свой лагерь въ Бассано, перешелъ черезъ Бреншу и приблизился къ Виценцѣ; Наполеонъ пришелъ шуда также съ дивизїей Ожеро и своимъ резервомъ, а 6-го числа на разсвѣтѣ,

пошелъ дасть сраженіе Альвинци, который слѣдовалъ за движеніемъ Массены. Альвинци перевелъ главную свою кватриру въ Фоншениву; авангардъ его, подъ командою Генерала Липшя, спалъ на правомъ берегу Бренпы въ Карминьяно, впереди лѣваго крыла, коимъ начальствовалъ Генераль Провера. Правое крыло его арміи, подъ командою Кваздановича, спяло въ позиціи между Бассано и Виченцою. Генераль Мипровски командовалъ обсервационнымъ корпусомъ въ пѣсиныхъ Бренпскихъ, а Генераль Гогенцоллернъ резервомъ. Массена пошелъ въ ашпаку на самомъ развѣшѣ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы, прогналъ авангардъ, Кваздановича, Липшя и дивизію Проверы на лѣвый берегъ Бренпы, убивъ и взявъ въ плѣнъ много людей. Наполеонъ, съ дивизіей Ожеро, пошелъ на Кваздановича, выгналъ его изъ Ленове и отшиснулъ до Бассано. Было четьре часа по полудни; важнѣйшее намѣреніе Наполеона было перейти черезъ мостъ и въ этотъ же самый день занять городъ; но когда подоспѣлъ Гогенцоллернъ, то Наполеонъ велѣлъ резервной своей бригадѣ итти на подкрѣпленіе ашпаки моста. Башальонъ изъ 900 Кроашовъ, бывъ отпрѣзанъ, бросился въ деревню на большой дорогѣ; какъ скоро передовая колонна резерва

показалась и хотѣла пройти чрезъ селеніе, то ее приняли сильнымъ огнемъ; надобно было подвести гаубицы. Деревня была взята, Кроашы испреблены; но это шло два часа, и когда резервъ прибылъ къ мосту, ночь уже наступила; должно было оплозить до слѣдовавшаго дня занять моста.

Вобуа получилъ повелѣніе ашпаковать непріятельскія позиціи на правомъ берегу Лависа. Перваго Ноября онъ ашпаковалъ позиціи Сан-Микеле и Соголиано. Непріятель былъ силенъ и защищался съ великою неустрашимостію. Успѣхъ Вобуа былъ неполонъ и покушеніе его въ слѣдующій день не было счастливымъ; наконецъ, бывъ самъ ашпаковать, онъ былъ выпѣсненъ изъ позиціи своей при Лависѣ и принужденъ отшавить Треншо. Собравъ свое войско, занялъ онъ позицію въ Калліано; но Лаудонъ, искуснымъ маневромъ на правомъ берегу Адига, съ своими Тирольцами отбилъ его отъ берега и занялъ Номи и Торболу. Его намѣреніе, кажешся, было итти на Монтебальдо и Риволи. У Вобуа не оставалось ни чловѣка на правомъ берегу, и онъ ничѣмъ бы не могъ вопрошиться сему маневру, который, если бы былъ выполненъ непріятелемъ, то подвергнулъ бы великой опасности корпусъ Вобуа и всю армію. Извѣ-

спія о семъ прибылн во Французскую главную кварширу въ два часа по полуночи. Ничего было медлншъ: должно было какъ можно скорѣе бѣжать къ Веронѣ, споль сильно угрожаемой, оставивъ прежнее предположеніе и всѣ мысли о диверсіи. Сіе прежнее предположеніе Главнокомандующаго было то, чшобы, опшолкнувъ Альвинци за Піаву, пробраться въ шѣнины Бреннскія и опрѣзашь Давыдовича. Полковникъ Виньоль, человекъ весьма надежный, опсправленъ былъ въ Верону, чшобы собрать тамъ всѣ войска, кошорья найдешъ, и итши на Коронну и Риволи. Онъ нашель шамъ одинъ батальонъ 40 полка, шолько чшо пришедшій изъ Ванден, успрашилъ онымъ первыхъ непріятельскихъ спрѣлковъ, кошорые появились на Короннѣ. На другой день, Жуберъ прибыль въ сію важную позицію съ 4ю легкою бригадою; шогда ничего уже было болѣе боляшья. Въ эшо же время, Вобуа навель мосны на Адиджъ, снова перешель на правый берегъ и заняль съ сильнымъ опспрядомъ позицію при Короннѣ и Риволи.

Французская армія, во весь день 7 Ноября, шла ошь города Виченцы, кошорый, былъ свидшелемъ одержанной ею победы, не могъ себѣ изьяснить сего опспушательнаго движенія. Альвинци, съ своей шпоро-

ны, началъ опспушашь въ шри часа ушра, чшобы перейти чрезъ Піаву; но вскорѣ онъ извѣспился чрезъ свою легкую кавалерію объ опспушленіи Французскихъ войскъ, возвратился на Бреншу и на другой же день перешель сію рѣку, дабы слѣдовашь за движеніями своего непріятеля. Наполеонъ при-скакаль къ дивизіи Вобуа, велѣль ей собраться на лощинѣ Риволійской и сказалъ: „Солдашы, я не доволенъ вами; вы не дока-„зали мнѣ ни дисциплины своей, ни швер-„дости, ни храбросши; ни на какой пози-„ціи нельзя было васъ собрать; вы преда-„лись нушному спрашу. Вы дали выгнашь „себя изъ шакнхъ позицій, гдѣ горешь хра-„брецовъ остановила бы цѣлую армію. Сол-„даты 39 и 85-го полковъ, вы не Французы!“ Генераль Начальникъ Главнаго Шшаба, велше написашь на ихъ знаменахъ: *Они уже „не годятся быть въ Италійской арміи!“* Сія рѣчь, произнесенная спрогимъ голосомъ, испоргла слезы изъ глазъ снхъ спарыхъ воиновъ; законы дисциплины не власны были сдержашь ихъ горесныхъ восклицаній; многіе гренадеры, имѣвшіе знаки оплнчія на оружіи, вскричали: „Генераль! насъ „обнесли передъ вами; поставьше насъ въ „авангардъ, и увидише, достойны ли 39 и „85 полки бышь въ Италійской арміи.“

Произведя такимъ образомъ желаемое дѣйствіе, онъ сказалъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе. Оба сіи полка, чрезъ нѣсколько дней попомъ, покрыли себя славою.

§ 4.

Не взирая на неудачи, кошгоры Альвинци претерпѣвъ на Бреншъ, его дѣйствія были увѣичаны блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Онъ овладѣвъ всею Тиролемъ и спрсною между Бреншою и Адиджемъ. Но ему оставалось еще самое трудное: перейши силою Адиджъ въ виду Французской арміи и соединишь съ Давидовичемъ, пройдя по шрупамъ храбрыхъ воиновъ, поставленныхъ на пуши къ Веронѣ. Большая дорога изъ Вероны въ Виценцу лежишь на три мили вдоль по Адиджу, до Вилла-Новы, откуды перпендикулярно сворачиваешь влѣво и идешь прямо къ Виценцѣ. Въ Вилла-Новѣ, небольшая рѣчка Альпоъ перерѣзываетъ ее и протекая чрезъ Арколе, впадаетъ въ Адиджъ близъ Альбаредо; влѣво онъ Вилла-Новы находящая возвышенности, извѣстныя подъ названіемъ позиціи Кальдіеро; занявъ ихъ, можно прикрышь Верону и бышь въ готовности къ нападению въ пыль на непріятеля, маневрирующаго внизъ по Адиджу. Когда зашища Моншебальдо была обезпечена и под-

ки Вобуа снова ободрился, по Наполеонъ рѣшился заняшь Кальдіеро, какъ мѣсто, дающее болѣе выгодъ въ дѣйствіяхъ оборонительныхъ и болѣе силы его положению. Ноябрь 11, въ два часа по полудни, армія перешла мосты Веронскіе; бригада Вердье, бывъ впереди, опрокинула авангардъ непріятельскій, захватила въ плѣнъ нѣсколько сотъ человекъ и къ ночи заняла позицію у подошвы Кальдіеро. Огни биваковъ, донесеніе вѣрныхъ людей и показанія военнопленныхъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній Альвинци: онъ рѣшался выдержать битву и спать пвердою ногою въ сихъ превосходныхъ позиціяхъ, примкнувъ лѣвымъ крыломъ своей арміи къ болотамъ Аркольскимъ, а правымъ къ горѣ Оливешпо и деревнѣ Колоньоль. Сія позиція хороша въ двоякомъ смыслѣ — и при нападении, и при оборонѣ. Онъ прикрылъ себя нѣсколькими шанцами и грозными башшарейми. Съ разсвѣтомъ дня, Французы разсмошрѣли непріятельскую боевую линію: лѣвое крыло ея было неопразимо, правое, казалось, слабо было прикрышо. Чшобы воспользовашься сею ошибкою, Массенъ вѣдно было ишши съ своею дивизіею заняшь одинъ холмъ, кошорый выходилъ изъ праваго крыла непріятельскаго и кошорого Авспрійцы заняшь

не догадались. Бригадный Генераль Лонэ (Lanau) неуспрашимо взошел на сіе возвышеніе съ оспрядомъ спрълковъ; но слишкомъ высупивъ впередъ, онъ не могъ бытъ во время подкрѣпленъ дивизією, кошорая, взошедъ на вершину, задержана была рвомъ. Лонэ былъ сбишь и взяшь въ плѣнь. Непріятель, узнавъ свою ошибку, шомъ же часъ поправиль свою позицію; невозможно уже было ашпаковать его съ надеждою успѣха. Между шѣмъ переспрълка завязалась по всей линіи и продолжалась во весь шомъ день. Дождь лиль ручьями; земля шакъ ошь него расшворилась, чшо Французская аршиллерія не могла сдѣлать никакого движенія, шогда, какъ аршиллерія Австрійцевъ, бывъ въ позиціи и выгодно посшавлена, производила свое дѣйсшвіе. Непріятель многократно покушался самъ ашпаковать, но былъ сильно ошражаемъ. Обѣ арміи провели ночь на бивакахъ, каждая въ своей позиціи. Дождь шель во всю ночь и шакъ сидень, чшо на другой день по утру, главнокомандующій Французскихъ войскъ призналь за лучшее возвращишь въ свой лагерь предъ Вероною. Уронъ въ семь дѣль, съ обѣихъ шсторонъ былъ равный; непріятель, по праву, приписывалъ себѣ побѣду; аванпосты его приблизились къ Сан-Микеле, и положеніе

Французовъ сдѣлалось испинно кришпчешкимъ.

§ 5.

Вобуа прешерпѣль важныя потери; у него ошавалось шолько 8,000 человекъ. Обѣ другія дивизіи, храбро дравшіяся на Бреншѣ, послѣ неудачной своей попышки на Кальдiero, имѣли не болѣе 13,000 человекъ подъ ружьемъ. Мысль о силѣ непріятельской, была въ головѣ у каждаго. Солдаты Вобуа, въ оправданіе своего ошешупленія, говорили, чшо они дрались одинъ на проишь. Непріятель, конечно, былъ шакже съ потерей; но онъ былъ сильнѣе числомъ и захваниль земли на большое разшояніе. Онъ высчитывалъ въ свою выгоду малое число Французовъ, и пошому не сомнѣвался болѣе, чшо освободишь Маншу и завоюешъ Ишалію. Въ радости своей, онъ съ намѣреніемъ явно собиравъ и спроиль множешво лѣшницъ, грозя, чшо возьмеш Верону присшупомъ. Гарнизонъ Маншуи пробудиль ошь усыпленія: онъ дѣлалъ частныя вылазки, безпрешанно шревожилъ осаждавшихъ, кошорыхъ едва было ошь 8 до 9,000, для содержанія въ осадѣ 25-ши штысячнаго гарнизона, въ кошоромъ, правда, ошь 10-ши до 12-ши штысячъ было больныхъ. Французы не были уже въ состояніи шидѣ весши войны наступаш-

шельной; съ одной стороны они были удерживаемы позиціею Кальдіеро, съ другой шпиннами Тирольскими. Но если бы даже позиціи непріятели позволяли дѣлать прошивъ него покушенія, шо превосходное число его было очень извѣстно; должно было ему предоставивъ самому на что нибудь рѣшиться, и терпѣливо ждать, что онъ предпримешь. Погода была самая дурная: всѣ движенія дѣлались по козлю въ грязи. Битвы при Кальдіеро и въ Тироль, весьма ослабили духъ Французскаго солдата: онъ все еще чувствовалъ превосходство свое въ равномъ числѣ, но ни какъ не надѣялся, что можешь бороться съ числомъ споль превосходнымъ. Многіе изъ сихъ храбрыхъ воиновъ были ранены по два и по три раза, современн испуленія ихъ въ Италію. Къ сему присовокупилось неудовольствіе. „Мы не можемъ одинъ дѣлать дѣло за всѣхъ,“ говорили они: „Армія Альвинци, стоящая здѣсь, есть ша самая, передъ копорою арміи Рейнскал и Самбро-Маасская ошесунили; а онъ обѣ сидитъ шеперь безъ дѣла; почему же мы шолько за нихъ работаемъ? Если насъ разобьюшь, шо мы, какъ бѣглецы, бросимся на Альпы безъ всякой чести; если же, напрошивъ, мы побѣдимъ, шо къ чему послужитъ эша новая побѣда? Про-

„шивъ насъ выспавитъ и другую армію, шакою жѣ какъ Альвинціева; шакъ какъ и самъ Альвинци слѣдовалъ за Вурмзеромъ, какъ и Вурмзеръ слѣдовалъ за Больё; а въ эшой неравной борьбѣ, всѣ шаки мы же будемъ задавлены.“ Наполеонъ отвѣчалъ: „Намъ оспаешся сдѣлать еще одно усиліе — и вся Италія наша. Неприсятель конечно многочисленнѣе насъ, но половина его войскъ сосоставлена изъ новобранцевъ; разъ его побьемъ — Маншуа падеть, мы всѣмъ овладѣемъ и шруды наши кончатся; ибо не шолько Италія, но и общій миръ — въ Маншуѣ. Вы хопите ишши на Альпы: эшого вамъ нельзя сдѣлать; съ пустыхъ и холодныхъ биваковъ шамошнихъ голыхъ ушесовъ, вы могли завоевать прелесшныя долины Ломбардин; но съ веселыхъ и цвѣшущихъ биваковъ Италіи, вамъ нельзя уже возвращишься на снѣга. Къ намъ подошло подкрѣпленіе, другія въ дорогѣ; шѣ, копорые не хопяшь бишься, пусть не ищуть больше вздорныхъ предлоговъ: разбейте Альвинци, и я вамъ отвѣчаю за будущее.“ Сии слова, повшоренныя всѣми людьми ишшино-храбрыми, пробудили ошвагу въ сердцахъ и мгновенно поселили совѣтъ иныя чувствованія. За минушу предъ симъ, армія, въ уныніи, хотѣла ошсунуть; шеперь же

въ упоеніи, просилась ипши впередь. „Ишпайскимъ ли солдашамъ шерпѣливо сносить оскорбленія и вызовы зпшхъ невольниковъ.“ Когда же узнали въ Брешии, Бергамѣ, Миланѣ, Кремонѣ, Лоди, Павии и Болоньи, что армія прешерпѣла пошерю, то раненые и больные вышли изъ госпиталей еще не совсемъ выздоровѣвъ, чтобы занять мѣста свои въ спрю; раны многихъ изъ сихъ храбрыхъ воиновъ еще почили кровь. Трөгашельное сіе зрѣлище наполняло душу умилениемъ.

§ 6.

Наконецъ, 14-го Ноября къ ночи, лагерь Веронскій спалъ подь ружье. Три колонны выступили въ походъ въ величайшемъ молчаніи, прошли городъ, перешли Адиджъ шрема мостами и построились на правомъ берегу. Часъ выступления, направленіе, принятое какъ бы для респиреды, безмолвіе, хранимое войскомъ, привыкшимъ всегда звѣщашъ, когда идешъ на бой, положеніе дѣль — словомъ, все показывало, что Французы ошспунающъ. Сей первый шагъ къ ошспуленію по необходимости влекъ за собою сншше осады Мантуи и предвѣщаль пошерю Ишаліи. Тѣ изъ жпшелей, которые полагали въ успѣхахъ Французовъ надежду будущей, лучшей участи, съ безпокойствомъ

и сжатимъ сердцемъ слѣдовали за движеними сей арміи, уносившей съ собою все ихъ надежды. Однако жъ армія, вмѣсто того, чтобы взять дорогу на Пескьеру, вдругъ поворошила вѣво, пошла вдоль по Адиджу и до разсвѣта прибыла въ Ронко; Андреосси уже оканчивалъ наводимый шамо мостъ. Съ первыми лучами солнца, она съ удивленіемъ увидѣла, что однимъ поворотомъ вѣво, она была уже на другомъ берегу. Тогда офицеры и солдашы, кошорые во время преслѣдованія Вурмзера, проходили сими мѣстами, — начали ошгадывашъ намѣреніе своего Полководца: онъ хочеть обойши Кальдiero, кошораго не могъ взять съ фронта; не могли съ 13,000 человекъ сражашъ въ ошкрытомъ полѣ прошивъ 40,000, онъ переносишь свое поле битвы на дороги, окруженные пространными болотами, гдѣ число ничего не можеть сдѣлашь, но храбрость передовыхъ колоннъ рѣшишь все. Надежда побѣды прояснила тогда души всѣхъ воиновъ, каждый обѣщался превзойши себя въ содѣйствіи споль превосходному и смѣлому плану. Кильмень оставался въ Веронѣ съ 1,500 челов. разныхъ полковъ, заперъ ворота и спрого запрешилъ всякія сообщенія внѣшнія; непріатель вовсе не зналъ о семъ движениі. Мостъ въ Ронко наведенъ былъ

на правомъ берегу Альпона, почши на чеп-вершь Фр. милн ошь его успья: эшо было предмешомъ кришникъ для воиновъ, не сподль искусныхъ. Двьшвинешельно, если бы мосшь былъ поспроенъ на лъвомъ берегу, противъ Альбаредо, шо 1) армія увидѣла бы передъ собою просиранную равнину, чего начальникъ ея хошьль избѣгнушь; 2) Альвинци, занимавшій высоты Кальдіеро, могъ бы, по-славъ опряды войскъ на правый берегъ Альпона, прикрышь маршь колонны, которую бы опрядилъ къ Веронѣ; ошь бы занялъ силою сей городъ, слабо защищенный, и соединился бы съ Тирольскою арміей; дивизія Риволійская, попавшись между двухъ огней, принуждена бѣ была опшунитъ къ Пескьерѣ, и цѣлая армія находилась бы въ великой опасносши, шога, какъ наведши мосшь на правомъ берегу Альпона, Французы приобрѣтали неоцѣненные выгоды: 1) что завлекали непріятеля на при дороги, лежація въ обширномъ болошь; 2) что могли бышь въ сношеніи съ Вероною, посредствомъ плошины, пролегающей вверхъ по Адигу чрезъ деревни Порчилъ и Гамбіоне, гдѣ была главная кваршира Фельдмаршала Альвинци, шакъ, что непріятель не могъ бы занять никакой позиціи, ниже прикрышь какою либо естешвенною преградою движеніе войскъ,

которыя бы послалаь аштаковать Верону. Сія аштакъ спановилась чрезъ сіе вовсе невозможною, пошому что вся Французская армія напала бы съ шылу на аштакующихъ, шога какъ городскія стѣны удержали бы ихъ съ фронша. Три дороги сходящяся у мосша въ Ронко: первая, лъвая, идеть на Верону вверхъ по Адигу, чрезъ деревни Біонде и Порчилъ, гдѣ выходитъ на равнину; вшорал, средняя, ведеть въ Вилла-Нову и проходитъ чрезъ деревню Арколе; здѣсь вепрьчаешся на Альпонѣ небольшой каменный мосшь; шрешья дорога пролегаешъ внизъ по Адигу, и ведеть въ Альбаредо. Ошь Ронко до Порчила разстояніи 3,600 саженой, ошь Порчила до Кальдіеро 2000, а ошь Кальдіеро до Вероны 3 Франц. милн (*). Ошь Ронко до Арколе, 2,200 саженой; ошь Аркольскаго мосша до Вилла-Новы 3000; ошь Ронко до успья рѣки Альпона 100 саженой, а ошкуда до Альбаредо 600 саженой.

§ 7.

Три колонны пошли по симъ шремъ дорогамъ: лъвая вверхъ по Адигу до конца болоша, къ деревнѣ Порчили, ошкуда ей видны были колокольни Веронскія; шога

(*) Около 13 версть. *Прим. Перев.*

уже неприятелю невозможно было итти на сей городъ. Средняя колонна пошла къ Арколе, куда спрълки Французскіе пробрались до самаго моста, не бывъ замѣчены; два баталіона Кроашовъ съ двумя пушками, споджали шамъ на бивакахъ, охраняя шылъ арміи и наблюдая за ошрядами, кошорые гарнизонъ въ Леняго могъ бы выслать въ поле, ибо крѣпость сія была ошшуда шолько въ шрехъ Фр. милехъ на право. Мѣста между Арколе и Аджемъ не были оберегаемы; Альвинци удовольшвовался шолько шѣмъ, что велѣлъ шамъ разѣзжать гусарскимъ пашрулямъ, кошорые по шри раза въ день проѣзжали по площинамъ, лежащимъ на болотѣ при берегахъ Адига. По дорогѣ изъ Ронко въ Арколе встрѣчается Альпонъ, на 1200 саженой ошъ мѣста; ошшуда она идетъ на 10,000 саженой вверхъ по правому берегу сего малаго ручья до каменнаго моста, кошорымъ перпендикулярно поворачивающъ на право, въ самую деревню Арколе. Кроашы споджали на бивакахъ, правымъ крыломъ примкнувъ къ деревнѣ, а лѣвымъ къ устью; передъ глазами у нихъ была плосина, ошъ кошорой ошдѣлены они были шолько ручьемъ; начавъ спрълять, они приняли съ фланга колонну, кошорой голова была уже почти въ Арколе; она послѣшно подалась на-

задъ до шого мѣста, гдѣ плосина не выдается уже фланга лѣвому берегу. Ожеро, раздраженный симъ попятнымъ движениемъ своего авангарда, бросился на мостъ съ двумя баталіонами гренадеровъ; но бывъ принявъ сильною ружейною спръльбою съ фланга, ошшупилъ къ своей дивизіи. Альвинци, бывъ извѣщенъ о сей ашшакѣ, сначала ея не понялъ; однако жъ, на развѣствѣ, съ ближнихъ колоколенъ могъ видѣть движеніе Французовъ. Разосланные для рекогносцированія его гусары, были приняты ружейными выспрълами на всѣхъ площинахъ и преслѣдованы конницею; шогда для него ясно было, что Французы перешли черезъ Адигъ и находились у него въ шылу. Ему казалось безразсудшвомъ подумать, чтошъ можно было шакимъ образомъ пушшишь цѣлую армію въ непроходимыя болота; онъ думалъ, что это были легкія войска, зашедшія съ сей спорони, чтошбы его шревожить и прикрышь настоящую ашшаку, кошорая ошкроется по дорогѣ Веронской. Однако же, когда разосланные имъ рекогносцировки донесли ему, что около Вероны все было шихо, шо онъ счелъ за нужное выгнать изъ болотъ сіи легкія войска; онъ ошрядилъ одну дивизію на линію Аркольскую, подъ командою Мишровскаго, а другую на лѣвую плосину,

подъ начальствомъ Проверы. Около девяти часовъ утра, онъ жарко пошелъ въ ашпакъ; Массена, кошорому ввѣрена была лѣвая плотина, допустил непріятеля вступити на нее, побѣжалъ на него скорымъ шагомъ, врѣзался, побилъ у него много людей и взялъ много въ плѣнъ. То же было и на Аркольской плотинѣ: какъ скоро непріятель прошелъ за поворотъ оной, Ожеро бросился на него также скорымъ шагомъ, смилъ его, захватилъ военнопленныхъ и пушки; болото было покрыто трупами. Занятіе Арколе сдѣлалось непременно нужнымъ: ибо ополъ, выстуивъ въ тылу непріятеля, можно было занять мостъ въ Вилла-Новъ, на Альпонъ, чрезъ кошорый оснавался ему единственнѣйшій путь къ отступленію, и тамъ можно бѣ было утвердиться прежде, нежели онъ былъ бы запертъ; но Арколе держалась противъ многихъ ашпакъ. Наполеонъ захотѣлъ лично извѣдать послѣднее усиліе: схватилъ знамя, взбѣжалъ на мостъ и поставилъ его тамъ; колонна, кошорою онъ командовалъ, взошла уже на половину моста, когда фланговѣй огонь и прибытіе свѣжей непріятельской дивизіи помѣшали сей ашпакъ; передовые гренадеры, оставленные хвостомъ колонны, приостановились; но бывъ увлечены бѣгущими, не хотѣли

разстаться съ своимъ Генераломъ: схватили его за руки, за плащъ и пошацили сквозь дымъ, по трупамъ и раненымъ; его ешোকнули въ болото, гдѣ онъ увязъ до поясницы и былъ среди непріятелей: гренадеры увидѣли своего Генерала въ опасности, вскрикнули: „солдаты! впередъ, на защиту Генерала!“ — и вмигъ сіи храбрые люди бросились бѣгомъ на непріятеля, ошиснули его за мостъ — и Наполеонъ былъ спасенъ. День сей былъ ознаменованъ жертвами воинской доблести. Ланнъ прискакалъ изъ Милана, раненый при Говерноло и еще спраждающій отъ раны; онъ спалъ между непріятелемъ и Наполеономъ, прикрылъ его своимъ шоломъ, получилъ шри раны, и все не хотѣлъ его оставить. Мвиронъ, Адъютантъ Главнокомандующаго, былъ убитъ, заслоня собою своего Генерала. Смерть геройская и умилительная! Белльяръ и Вишьоль были ранены, когда снова повели войска впередъ. Храбрый Генераль Робертъ былъ убитъ: эшо былъ воинъ, закаленный въ болахъ. Генераль Гьё (Guicux) переправился въ Альбаредо чрезъ Адикъ съ своею бригадою на противъ. Арколе была взята съ другой стороны; въ эшо время, Альвинци, извѣстясь о настоящемъ видѣ дѣла, понялъ всю опасность своего положенія; онъ поспѣшно

оставилъ Кальдіеро, снялъ свои баштарен и опослалъ за мостъ всѣ свои парки и резервы. Французы, съ вершины колокольной въ Ронко, печально смотрѣли, какъ сія добыча отъ нихъ уходила; и уже при видѣ суевѣрныхъ движеній непріятеля можно было судить о всей обширности и слѣдствіяхъ намѣренія Наполеонова. Всякъ видѣлъ, что могло произойти отъ столь глубокаго и смѣлаго соображенія. Непріятельская армія, шоропливымъ своимъ уходомъ, избѣгала конечнаго испребленія; уже къ четверть часамъ утра, Генераль Гѣб могъ итти въ Арколе лѣвымъ берегомъ Альпона; деревня была взята безъ выстрѣла: но тогда въ ней почти уже не было нужды; это дѣло опоздало шестью часами; непріятель занялъ уже свою естественную позицію; Арколе была уже не что иное, какъ средній пунктъ между фронсами обѣихъ армій, тогда какъ утромъ въ день битвы, деревня сія была въ штыку непріятеля. Со всѣмъ тѣмъ, важныя послѣдствія увѣчали день сей: Кальдіеро была очищена, Верона была въ опасости, двѣ дивизіи Альвинціевой арміи были разбины съ значительною потерей; многочисленные колонны военнопленныхъ и множество професевъ побѣды прошли сквозь лагерь и наполнили воспоргомъ солдатъ и

офицеровъ; каждый снова получилъ увѣренность и чувство побѣды.

§ 8.

Между тѣмъ Давыдовичъ съ Тирольскимъ корпусомъ напалъ на Корону и занялъ ее; онъ сползъ въ Риволи. Вобуа сползъ на высотахъ Бассолино; Кильмень, избавленный отъ всякихъ опасеній съ лѣваго берега очищеніемъ Кальдіеро, обращалъ свое вниманіе на сѣвны Веронскія и на правый берегъ; но если бы Давыдовичъ пошелъ на Вобуа и принудилъ его броситься къ Маншувъ, то снялъ бы блокаду сего города и ошрѣзала рещираду главной кварширъ и всей арміи, находившихся въ Ронко. Отъ Риволи до Маншуй 13 Франц. миль, отъ Ронко дѣсять, весьма худыми дорогами; должно было на разсвѣтъ спать въ такомъ положеніи, откуда бы можно было подкрѣпить Вобуа, прикрывать осаду Маншуй и сношенія арміи, и разбины Давыдовича, кошорый въ печеніе дня подвинулся впередъ. Для успѣха въ семь намѣреній, нужно было расчесать часы. Главнокомандующій, находясь въ неизвѣстности о томъ, что происходило днемъ, могъ предполагать и предполагалъ, что все шло худо со стороны Вобуа, что сей послѣдній былъ вышѣсненъ и сползъ между Ровербелою и Каспель-Но-

во. По сему Главнокомандующій вывелъ войска изъ Арколе, спившей столько крови, перешелъ съ арміею на правый берегъ Адижа, а на лѣвомъ оставилъ только бригаду съ нѣсколькими пушками, и велѣлъ, чтобы солдаты ужинали въ семь положеніи. Въ случаѣ, когда бы непріятель пошелъ на Риволи, должно было снять мостъ на Адижъ, скрыться ошъ Альвинци и подоспѣть во время на помощь Вобуа. Наполеонъ оставилъ въ Арколе разведенные на бивакахъ огни и велѣлъ пикетамъ безпрестанно подкладывать въ нихъ дровъ, дабы Альвинци ничего не замѣнили. Въ чепыре часа ушра, армія спала подъ ружье; но въ ту же минуту прискакала офицеръ ошъ Вобуа и донесъ, что сей Генераль въ шесть часовъ вечера былъ еще въ своей позиціи на высотѣхъ Бассолино, и что Давыдовичъ не шрогался съ мѣста. Сей Генераль командовалъ прежде корпусомъ въ арміи Вурмзера; онъ помнилъ данный ему урокъ, и не хотѣлъ пуспиться на удачу. Однако жъ Альвинци, извѣстясь около шрехъ часовъ ушра обшступательномъ маршѣ Французовъ, велѣлъ занять Арколе и Порчиль, а днемъ ошправилъ двѣ колонны на двѣ площадки. Началась перестрѣлка въ двухъ сплахъ саженьяхъ ошъ моста въ Ронко; Французы пе-

решли мостъ въ ашпаку, напали на непріятеля, врзались въ него и гнали до конца болота, которое наполнилось прупами Авшпрійцевъ; знамена, пушки и военнопленные были трофеями сего дня, въ кошорый двѣ свѣжія Авспрійскія дивизіи были разбиты. Подъ вечеръ, Главнокомандующій, по шѣмъ же самымъ причинамъ и соображеніямъ, какъ и наканунѣ, сдѣлалъ такое же движеніе: совокупилъ всѣ свои войска на правомъ берегу Адижа, на лѣвомъ же оставилъ только авангардъ.

§. 9.

Альвинци, введенный въ обманъ шпюномъ, увѣрившимъ его, будто бы Французы шли къ Маншуъ и оставили одинъ авангардъ въ Ронко, снялся съ лагеря еще до разсвѣта. Въ пять часовъ ушра, во Французской главной кварширѣ узнали, что Давыдовичъ не дѣлалъ никакого движенія, и что Вобуа былъ въ той же позиціи. Армія снова перешла за мостъ; головы колоннъ обѣихъ армій встрѣтились на половинѣ площади; битва была упорна, нерѣшима нѣсколько минутъ; 75й полкъ былъ разорванъ; пули долетали даже на мостъ. Главнокомандующій велѣлъ 32 полку залечь въ небольшомъ ивовомъ лѣску, вдоль по площади, и у самага края моста; полкъ сей во время вспалъ на

ноги, пустил огонь, пошелъ въ шпыки и опрокинулъ въ болошо скашую во всю ея длину колонну, состоящую изъ 3,000 Крошовъ; они все шамъ погибли. Массена, на лѣвомъ крылѣ, шерпѣлъ неудачи; но онъ пошелъ впереди своего войска, вошкнувъ свою шляпу на шпагу вмѣсто знамя, и производилъ ужасное кровопролитіе въ дивизіи, прошивъ него пославленной. Послѣ полудня, Главнокомандующій разсудилъ, что настало время кончить дѣло, ибо, если бѣ Вобуа былъ разбишь въ эшопѣ же день Давыдовичемъ, то онъ принужденъ бы былъ въ слѣдующую же ночь итти на помощь къ нему и къ Маншуѣ. Тогда Альвинци пошчасъ бы пошелъ на Верону и похитилъ бы славу и послѣдствія победы; все выгоды, пріобрѣтенныя въ три дня, были бы ушрачены; тогда какъ если бы Наполеонъ прогналъ Австрійцевъ за Вилла-Нову, то могъ бы итти на помощь къ Вобуа чрезъ Верону. Онъ велѣлъ сдѣлать вѣрный счетъ военнопленныхъ, исчислилъ пошери непріятеля и удостовѣрился, что сей послѣдній уменьшился въ эти три дня болѣе нежели 25,000 человекъ, и что опшныи наличныя его силы въ сраженіи будущъ малымъ чымъ болѣе преша прошивъ Французовъ. Онъ велѣлъ выйти изъ болошъ и ашпаковать непріа-

теля на равнинѣ. Трехдневныя сіи происшествія такъ измѣнили мысли обвѣхъ армій, что побѣда была почти вѣрною. Армія перешла мостъ, наведенный на ушь Альпона; Эллио, Адьюшантъ Главнокомандующаго, имѣлъ порученіе поспроить другой, и былъ убитъ. Въ два часа по полудни, Французская армія была въ боевомъ порядкѣ, лѣвымъ крыломъ въ Арколе, а правымъ по направленію къ Поршо-Леньяго; передъ нею стоялъ непріятель, примыкая правымъ крыломъ къ Альпону, лѣвымъ къ болошамъ; онъ совершенно заснулъ дорогу въ Виченцу. Генераль-Адьюшантъ Лорсе (Lorges) вышелъ изъ Леньяго съ 6 или 700 человекъ пѣхоты, четырьмя пушками и 200 ч. конницы, чтобы обойти болоша, въ кошорыя непріятель упирался лѣвымъ крыломъ своимъ. Около прехъ часовъ, въ то время, когда опрядъ сей пошелъ впередъ, когда завязалась сильная перепалка по всей линіи и стрѣлки вступили въ бой, эскадронный командиръ Геркуль (Hercule) получилъ приказъ итти, съ 25 *вожатыми* (*) и 4 шрубачами, сквозь

(*) У всякаго Главнокомандующаго или Начальника корпуса во Франціи, сверхъ Шшаба изъ Офицеровъ, были солдаты-Кавалерисшы, онъ 50 человекъ до двухъ эскадроновъ. Ихъ называли *вожатыми* (guides): они были одѣшы иногда какъ гусары, ино-

просишки, и напашь на край лѣваго крыла непріятельскаго, тогда, какъ гарнизонъ Леньяго начнешь спрѣлѣшь въ него съ пылу. Сей офицеръ выполнилъ это движеніе весьма хорошо и много способствовало успѣху битвы: линія была разорвана, непріятель началъ ошесупань; Фельдмаршалъ Альвинци построилъ ошь 6 до 7,000 человекъ въ нѣсколько колоннъ *уступами* (п *échelons*) въ пылу своей арміи, дабы штьмъ обезпечить артиллерійскіе парки и свое ошесупленіе; въ дѣлѣ у него было не болѣе людей, какъ и во Французской арміи; во весь вечеръ его провожали съ битвою, при чемъ онь много пошерялъ военнопльнными. Французская армія провела ночь въ своей позиціи. Не взирая на придневныя побѣды, для Генераловъ и высшихъ чиновъ ошавалось загадкою: какой приказъ Главнокомандующій ошдасшь къ завпрешнему дню? Все думали, что онь, удовольствовавшись ошдленіемъ непріятеля, не пущитца на равнины Виченціанскія и возвратицца въ Верону лѣвымъ берегомъ Адига, чтобъ ошшлоъ ишши на Давыдовича и заняшь Кальдіеро, какъ сіе было первою цѣлію его маневра. Но не-

гда какъ конные егеря (*chasseurs à cheval*); они обегали главную кватршу. *Прим. Изд.*

пріятель столько пошерялъ въ сѣи при днѣ и людей и бодрости, что его уже не къ чему было бояшьца на ровномъ мѣстѣ. Съ наспуленіемъ дня узнали, что онь ошесупилъ къ Виченць; армія погналась за нимъ, но, дошедь до Вилла-Новы, одна конница продолжала его преслѣдовать, пѣхота же ошановилась для сожданія донесеній о шомъ, какъ держался арріергардь арміи. Главнокомандующій вошелъ въ монастырь Санъ-Бонифачіо; церковь онаго заняша была подъ лазарель; ошь 4 до 500 раненыхъ были въ ней, шакъ сказашь, навалены, большая часть изъ нихъ уже померли, ошь чего зданіе было наполнено мершвеннымъ зловоніемъ. Главнокомандующій съ ужасомъ ошесупилъ назадъ, какъ вдругъ услышалъ, что его зовущъ по имени. Два несчастные солдата шрое супокъ лежали между мершвыми, безъ пици, безъ перевязки; они уже ошчалывались о себя, когда снова призваны были къ жизни воззрѣніемъ своего Генерала; шущъ имъ оказали всякую помощь. Узнавъ, что непріятель, въ величайшемъ безпорядкѣ, нигдѣ не ошавался, и что арріергардь его былъ уже за Моншебелло, Бонапарше поворошилъ вѣво, на Верону, дабы напашь на Тирольскую армію. Обѣздные пашрули поймали ошциера Главнаго Штѣба, посланнаго къ

Альвинци опть Давыдовича: онъ вѣхаль съ горь, и думаль, что находишься между своими войсками. Изъ найденныхъ при немъ депешъ узнали, что непріятельскія войска уже при дня не имѣли между собою сношеній, и что Давыдовичъ ничего не зналъ о происходившемъ. Альвинци потерялъ въ три дня при Арколе, 18,000 человекъ, въ томъ числѣ 6,000 военноплавленными, 4 знамя и 18 пушекъ.

§. 10.

Армія Французская вошла побѣдоносною обратно въ Верону, Венеціанскими ворошамъ, чрезъ три дня послѣ шайнаго своего отхода выхода ворошамъ Миланскими. Трудно изобразить удивленіе жителей; даже самыя явные враги не могли подавить своего удивленія, и вмѣстѣ съ преданными Французской сторонѣ поздравляли побѣдителей. Но армія не остановилась въ городѣ: она перешла чрезъ Адигъ, пошла на Давыдовича, который 17 числа наступилъ на Бассолино и прогналъ Вобуа къ Кастель-Ново. Массена пошелъ на Кастель-Ново, соединился съ Вобуа и напалъ на Риволи. Ожеро пошелъ лѣвымъ берегомъ Адига, на Дольче, взялъ 1500 человекъ, два запасные жюста, 9 пушекъ и знашную часть обоза:

но все сіи важныя успѣхи были приобрѣтены не безъ урона. Армія болѣе прежняго имѣла нужду въ опдыхъ: безразсудно было бы вести ее въ Тироль и расшануть до Треншо. Должно было думать, что Маншу отворишь свои вороша побѣдителямъ прежде, чѣмъ Австрійскій Генераль успеетъ набрать новую армію: гарнизонъ сей крепости былъ доведенъ до половинной порціи; много изъ него бѣжало, госпитали были набишны больными; все возвѣщало близкую сдачу. Смертность была шамъ чрезвычайно велика, болѣзни каждый день похищали больше людей, нежели сколько нужно было для одержанія важной побѣды.

Съ Фр.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМА НА КАВКАЗЪ,
О ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАХЪ И ИСКУССТВАХЪ.

Письмо третье.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я слишкомъ распространился о Московскомъ Телеграфѣ, и думаю, что ты, читая данное мое посланіе, не разъ прошептала любимую свою Французскую поговорку: *Le jeu ne vaut pas la chandelle*. Согласенъ; однако жъ, въ обменъ на Французскую твою поговорку, позволю припомнить тебѣ афоризмъ Латинскій: *difficile est veritatem non dicere*. Впрочемъ, даю тебѣ слово, что не буду тебя снова вводить въ подобное искушеніе, и съ возможною красноречіемъ буду тебѣ говорить объ остальныхъ Журналахъ.

Новости Литературы, издававшіяся Г. Воейковымъ, были и въ 1826 году таковы же, какъ и въ предшествовавшемъ: большую часть прозы составляли въ нихъ вялые переводы съ иностранныхъ языковъ. Сказавъ только: *вѣ�ры*, я надѣюсь, что выразился слишкомъ умеренно. Нѣкто, подписывавшійся въ *Новостяхъ* Г. Воейкова,

личнымъ мѣстоименіемъ я, перекладывала Поэмы Байрона съ превосходныхъ стиховъ на такую прозу, которая, сказано Русскою поговоркою, въ душу нейдетъ. Переводы изъ которыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ Поэтовъ были не лучше, и печатались, можно сказать, безъ оглядки. Такъ напр. въ одной изъ нихъ находишь: „звѣзды блистали „на голубомъ сводѣ, какъ блески на черномъ плащѣ вдовы Сивильской (вдовушки).“ Стихи въ этихъ *Новостяхъ* были несравненно лучше прозы: здѣсь встрѣчались стихотворенія Пушкина, Баратынскаго, Ѳ. Глинка и другихъ отличныхъ Поэтовъ. За то рѣдко что изъ нихъ можно было назвать *новостью*: большая часть была перепечатана изъ печатныхъ книгъ, а изъ короты и *третьимъ тисненіемъ*. Въ числѣ такихъ новостей, Г. Издашеля заново помѣстилъ (въ Юньской книжкѣ Н. Л.) собственное свое посланіе къ Жуковскому, писанное въ 1813 году, посланіе, для котораго слишкомъ бы довольно было и одного изданія.

Всего любопытнѣе въ *Новостяхъ* Литературы статья Г. Издашеля, подъ заглавіемъ: *Екатеринославъ*; она перешла изъ 1825 года въ 1826-й, и не кончилась еще въ семь послѣднемъ; почему должно надѣяться,

что Г. Издатель ошпечатаешъ ее вторично въ нынѣшнемъ своемъ Журналѣ, *Славянинъ*. Начало сей спашьи заключаешъ въ себѣ иѣчто похожее на пушешествіе, т. е. поверхностныя описанія и т. п.; это бы все иѣчего; всякій пушешественикъ смощрять на предметы съ своей точки зрѣнія, съ своей *высоты*. Но Сочинишело показалось, что спашья его слишкомъ корощка, и пошому, за недоспашкомъ собшвеннаго запаша, онъ разсудиль за благо дополнишь ее чужимъ. Привязка его къ нынѣшней временной охощь до изсѣдованій истощрическихъ, весьма замысловата: онъ говоришь, что шеперь „наспощашельно пребуюшь онъ пушешественика познаній въ древноспашяхъ, розыска о развалинахъ, курганахъ, городищахъ; спашшисшическихъ таблицахъ, ландшафтѣ, видошъ; что онъ обязащъ опрышь иѣсколько древшихъ монешъ, испощковашъ надгробныя надписи, обяшнись происхождение ізыка, сходство его съ Санскритскимъ, или по крайней мѣрь, съ Финикійскимъ, изложись свое мнѣніе о переселеніи народовъ вообще, и о жипельяхъ страны, имъ описываемой, въ особенності; предшавишь иѣсколько проэкиовъ объ улучшеніи рукомесль, шорговли и промышленности. . . . Поспашаюшь (продолаешъ

„Г. В.), сколько умѣю, угодишь вкусу моихъ современниковъ; вызову изъ могилъ священичныя шѣии Геродота и Неспора, Коптскаго Багрянороднаго и Спращона; выпишу краснорѣчивыя спращицы изъ Исторіи Карамзина, ученыя наблюденія изъ пушешествій Палласа, Гюльденштерна, Зуева; приведу въ свидѣтели истинны сошшій, мною изложенныхъ, Боилана, Лерберга, Полушина. . .“ Кто жъ эти жестокие современники, которые пребуюшь онъ Г. В. такой компиляціи? Не лучше ли бы имъ самимъ перечишашъ все это, нежели заспавишь его рышься въ кингахъ? — Какъ бы то ни было, но онъ выполниль пребование современниковъ и началъ свои истощрические *розыски* почти шакже, какъ *maître l'Intimé* (*) свою судную рѣчь:

Avant la naissance du monde.

Дамскій Журналъ, издав. Княземъ Шаликовымъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ шѣхъ жестокихъ нападокъ, какіе на него дѣланы были въ одномъ Журналѣ. У насъ часто опощающя прошивъ какого-либо сочиненія или періодическаго изданія, не сѣлавъ сначала самому себѣ весьма еште

(*) Въ Расшновой Комедіи: *Les Plaideurs*.

свѣннаго вопроса: какаѣ цѣль Сочинителя или Издашеля? Примѣняя сей вопросъ къ Дамскому Журналу, можно ошвѣчать, не зачинаясь: чшо главная цѣль сего изданія — извѣстія о новыхъ модахъ (съ рисунками самыхъ модъ), а вторая по ней — доспавившъ читательницамъ своимъ легкое и пріятное чшеніе. Можешъ бышь, по мнѣнію спрогихъ кришниковъ, Издашель и не совсѣмъ достигъ сей послѣдней цѣли; но шупь онашь должно судишь и осуждашь по сравненію. Просмапривая однородныя съ симъ изданія Французскія: Le Journal des modes, le Petit Courrier des Dames Парижскія, и Le Journal des Dames, издаваемый въ Фракфуртѣ, вижу, чшо они наполняются шакими спашьями, когорыя ничѣмъ не лучше помѣщаемыхъ въ Московскомъ *Дамскомъ Журналь*. Чшо же касается до главной цѣли — модъ, шо можно рѣшишельно сказашь, чшо въ Дамскомъ Журналь извѣстія о нихъ переводятся на Русскій языкъ гораздо лучше и вразумительнѣе, а картинки лучше бываюшь выгравированы и раскрашены, нежели въ Московскомъ Телеграфѣ. По крайней мѣрѣ, здѣсь не встрѣчаешъ шакихъ зашѣйливыхъ диковинокъ, какъ напр. *Грипусе* и ш. п.

Вотъ вся моя правда о Журналахъ за 1826 годъ. Теперь, знаю, ты пошребуешъ ошь меня полнаго извѣстія о книгахъ, вышедшихъ въ шомъ же году; помню и неоднократныя швои словесныя и письменныя шребованія, чшобъ извѣстія мои были представляемы въ шкошоромъ систематическомъ порядкѣ, дабы, какъ говоришь ты, съ перваго взгляда видѣшь успѣхи наши въ Словесности и въ разныхъ отрасляхъ знаній человеческихъ. Гошовъ по возможности исполнишь швое желаніе; но скажу тебѣ напередъ: не ожидай ни полнаго исчисленія, ни полнаго ошчена обо всѣхъ книгахъ, вышедшихъ съ 1-го Января 1826 по 1-е Января 1827 года. Я буду говоришь тебѣ шолько о шомъ, чшо почему либо ошалоось въ моей памяти. Начну съ Литерашуры.

Ты вѣрно замѣнилъ, чшо въ обыкновенномъ порядкѣ и ходѣ вещей, всегда бываюшь или случайныя или преднамѣренныя чершы, явшвенно опличающія одну эпоху ошь другой. Сии опличительныя чершы равно свойственны и міру физическому, и міру нравственному, и ими-шо и можно и должно означать эпохи, для различенія ихъ въ ряду временъ. Примѣняя это правило къ нашей Литерашурѣ, я назову минувшій годъ — годомъ *собранія хорошихъ сочиненій*;

ибо, принимая въ уваженіе ежегодную скудость нашего книжнаго запаса, онъ былъ относительно богатъ таковыми изданіями. Ты самъ можешь это видѣть изъ слѣдующаго исчисленія. Въ печеніе 1826 года, вышли въ свѣтъ: *Стихотвореніе Александра Пушкина*, — *Басни Крылова*, въ 7-ми книгахъ, — *Апологи въ четверостишіяхъ, И. Д.*, — *Сочиненія въ прозѣ Жуковскаго*, изданіе второе, дополненное всѣмъ шѣмъ, что было вторично помѣщено въ Альманахахъ съ 1823 по 1826 годъ, — *Сочиненія Александра Измайлова*, въ прозѣ и стихахъ *Басни и Сказки*, его же, — *Опыты Солиценной Поэзіи и Опыты Аллегорій, Ф. Глинки*. Въ Москвѣ вышла 6-я часть *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности*, составлявшаяся при тамошнемъ Университетѣ. Въ отдѣленіи прозы: тамъ есть спашья, весьма заслуживающія вниманіе. Прибавимъ ко всѣмъ симъ собраніямъ, хотя по заглавію — *Собраніе Новыхъ Русскихъ Стихотвореній и Собраніе нов. Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ* и служащихъ дополненіемъ къ *Образцовымъ*. Ты давно уже знаешь эти *Образцовыя*, знаешь и то, что смѣшанный Собирашель хотѣлъ представити чинашелямъ своимъ об-

разцы всего въ Русской Литературѣ: и хорошаго, и средшвеннаго, и дурнаго. Тамъ же правиломъ руководствовался онъ и въ сихъ двухъ томахъ своего Собранія, особливо въ части стихотворной. Издашли Сѣверной Пчелы замѣтили очень забавный его анахронизмъ въ выборѣ спашей прозаическихъ, а именно: что онъ принималъ 1770 и 1772 годы за 1821 и 1823; ибо ограничась въ заглавіи сими двумя послѣдними годами, помѣстилъ въ самой книгѣ спашьи, появившіяся въ двухъ первыхъ. Съ удовольствіемъ назову тебѣ *Досуги Сельскаго Жителя*, крестьянина Ф. Сабункина, стихотворенія, въ которыхъ простой языкъ природы, пріятыми и плавными стихами передалъ намъ впечатлѣнія и чувствованія сельской жизни, однообразной и скудной для равнодушнаго жителя столицъ, разнообразной и обильной для Поэта и наблюдателя правды.

Изъ отдѣльныхъ стихотворныхъ произведеній, въ прошломъ году появилось также нѣсколько прекрасныхъ. Пушкинъ напечаталъ 2 главу *Евгенія Онегина*, и, скажу тебѣ откровенно, эта впрочемъ глава правится мнѣ болѣе первой, хотя въ ней и менѣе движенія, менѣе картинъ разнообразныхъ. За то въ ней самая вѣрная, жи-

вая картина закоснѣлыхъ сельскихъ помещиковъ, съ ихъ предразсудками и шѣсными понятіями, съ ихъ пересудами и жирными объдами. — Барашинскій издалъ небольшую Поэму: *Эда*, въ кошорой ешь весьма хорошія картины Финляндіи; вмѣстѣ съ нею, перепечашалъ онъ свои *Пиры*, о коихъ нѣчего напоминать тебѣ: я не забылъ, что ты многія мѣста изъ нихъ знаешь наизусть, и что нѣкоторые стихи, какъ напр.

„Какъ не любить родной Москвы?

„И гуль пошѣхи колокольной,

твердишь за пословицу. — Жандръ напечаталъ свое подражаніе Шиллеровой *Семель*; ты помнишь, думаю, ошрывки изъ нея, напечатанные лѣтъ за десять предъ симъ, кажешся, въ Сынѣ Ошечества? Тамъ было много сильныхъ и прекрасныхъ стиховъ; въ цѣломъ ихъ, разумѣея, и того болѣе. *Козловъ* издалъ *Абидосскую Невѣсту*, кошорую можно также назвать подражаніемъ: красота Бейроновы часно замѣнены другими; но сіи послѣдніи часно имѣють достоинство изобрѣшенія. Желательно, чтобъ у насъ почаще *хоть подражали* Бейрону такимъ образомъ. — Для чего, послѣ всѣхъ сихъ отличныхъ произведеній, долженъ я, въ силу даннаго тебѣ слова, упомянуть о какой-то стихопворной *Нилѣ* и объ *Ужас-*

ныхъ гостей, въ кошорыхъ нѣтъ ни занимательнаго вымысла, ни сносныхъ стиховъ, ни чистоты языка?

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

IV.

С Л О В Е С Н О С Т Ь:

Бесѣда у Вальтера Скотта.

(Изъ *Путешествія Нишо* (*).

... I would rather take my wine
With you than aught (save Scott) in your proud city.
Lord Byron, Don Juan.

Ни съ кѣмъ (кромя Скотта) не выпилъ бы
я стаканъ вина такъ охотно, какъ съ вами.

Не многіе Поэты, при жизни своей, наслаждались народною любовью въ такой степени, какъ Сиръ Вальсеръ Скоптъ! въ Шотландіи, во всякомъ домѣ найдешь, если не всѣ его шворенія, то по крайней мѣрѣ

(*) Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ былъ прежде напечатанъ небольшой ошрывокъ изъ этого письма, заимствованный изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: теперъ предлагаемъ оное вполне.
Изд.

нѣкоторыя ихъ части; имяго, всеми знаемое, приобщается ко всему, что въ Единбургѣ есть національнаго; не смотря на это, за недоспашкомъ соперниковъ, у него есть завистники и хулишели. Виги упрекають его, одни въ томъ, что онъ одѣлъ ложнымъ поэтическимъ цвѣтомъ Спуршовъ; другіе въ томъ, что все заключенія его клонятся въ пользу вышшняго Правительства; жаркіе и мрачные Пресбитеріи не спавяютъ ему въ преступленіе то, что онъ оклеветалъ основателей ихъ Церкви. Здѣсь, Скопшъ слышетъ анти-либеральнымъ приверженцемъ Министровъ; пашъ человѣкомъ невѣрующимъ; утверждають, что если бы *смотръ* (Review) не зависѣлъ отъ его книгопродавца Констабля, то Единбургскіе Аристархи были бы строже въ своихъ критикахъ, и не столько расчлншительны въ похвалахъ этому чловѣку, конорій снова поставилъ Шотландію на снечень народовъ, непрестанно занимая Европу изображеніемъ *Шотландіи независимой*. Въ самомъ дѣлѣ, и Поэмы и Романы его суть не что иное, какъ піишческія неодобренія акта *соединенія*, а эта лещъ пріятнѣе всѣхъ прочихъ ласкаетъ народную гордость; мудрено ли же, что благодарный народъ любилъ славу Скопша, какъ свою собствен-

ную? Когда онъ появлялся въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ, вокругъ него поднимается одобришельный говоръ, и не разъ единодушныя рукоплесканія привѣтствовали въ Театрѣ Пѣвца Шотландіи. Похвалы сего рода должны заглушить въ его ушахъ жужжаніе нѣсколькихъ полишическихъ и либературныхъ насѣкомыхъ. Хвалятъ или бранятъ его, но ничье имя не произносится такъ часто въ Шотландіи, и его прежде всѣхъ, желають видѣть иностранцы.

Если бы меня не увѣрили, что Сиръ Вальтеръ Скопшъ также замѣчательнъ по своей обходительности, какъ и по дарованіямъ, то я не знаю, какъ бы превозмогъ врожденную свою застычивость и осмѣлился прийти къ нему. Я думалъ, правда, что имѣю нѣкоторыя права на его вниманіе, и что между нами существуетъ уже родъ *умствениаго* сношенія; но эти-то самыя права лишили меня по временамъ смѣлости. Мнѣ приходила на умъ Италіанская пословица: *traduttore traditore*. Не дерзко ли было съ моей стороны заставитъ говорить въ прозѣ *Марміона* и *Госпожу Озера*? Мога ли мнѣ служить *рекомендательнымъ письмомъ* эта проза, набросанная наскоро въ минушы крашкаго досуга? — Другаго, впрочемъ, у меня и не было: я повѣрилъ

моимъ пріятелямъ, которые говорили, что и этого довольно. Наконецъ я рѣшился: ибо уѣхашь, не выдавъ Вальшера Скопша... куда же бы годилось мое путешествованіе? Ученый и любезный Профессоръ Томсонъ звалъ меня къ себѣ завтракать въ десять часовъ утра. Въ девять я пустился по великолѣпнымъ проспектамъ улицы Георгія, ограничивающейся съ одной стороны красивою колонною Лорда Мельвилля, а съ другой церковью Св. Георгія, которая бы могла быть болѣе вѣрнымъ подражаніемъ церкви Ап. Павла въ Лондонѣ. Недалеко отъ сего храма, улица замка (Castle-street) пересѣкаетъ улицу Георгія; на лѣво величественно возвышается старая цитадель, которую въ Единбургѣ глазъ встрѣчаешь часто, а на право является море, коего зыбкая лазурь поражаетъ взоры во многихъ частяхъ города, не смотря на то, что дома всякій день сплываются между старымъ городомъ и берегомъ. Въ этой-то чрезвычайно живописной улицѣ (Castle-street) живешь Вальшеръ Скопшъ. Не безъ смущенія взоселъ я на лѣшницу и дернулъ за шнурокъ звонка, чинная на мѣди молодка имя и званіе Поэты: Сиръ Вальшеръ Скопшъ, *Баронетъ*. — Ошворяющъ... Сиръ Вальшеръ Скопшъ дома.

Я бы могъ, по примѣру Тристрама-Шанди, остановить васъ въ корридорѣ, чтобы дать вамъ время разсмотрѣть чистоту покоевъ, голубую съ желтымъ диврею напудренныхъ лаковъ — признакъ доспащочнаго состоянія; но я все это замѣнилъ уже послѣ, и въ кабинетѣ, въ который ввели меня, увидѣлъ только человека, сидящаго у конпорки въ упрямомъ рединготѣ. То былъ Вальшеръ Скопшъ; онъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ и съ непринужденною пріятностію взялъ и развернулъ записку, которую я ему подаю, записку, въ которой пріятель его, книгопродавецъ Ленгъ, писалъ въ шести строкахъ, что молодой Французскій Докторъ (скажешь мое имя) желаетъ съ нимъ познакомиться и предсавить ему экземпляръ нѣкоторыхъ Поэмъ его, имъ переведенныхъ. Вы догадываетесь, что какъ ни мало надобно времени на прочтеніе такой записки, но я все успѣлъ разсмотрѣть между пѣть черпы и всѣ движенія физиономіи Вальшера Скопша. Отъ того ли, что я вообразилъ, будто мое приношеніе ему пріятно, или отъ того, что въ первый разъ, когда я его встрѣнилъ, успалось отъ ходьбы, потъ и пылъ неизмѣнили черпы его, только въ этотъ разъ показалось мнѣ, что голова его дѣйствительно

имѣеть по величественное спокойствіе, которому удивляемся мы въ бюсть его, работы Шанири, и когда онъ съ учпивою улыбкою попросилъ меня сѣсть, въ этой улыбкѣ дѣйствительно было нечто привлекательное. — „Я вижу, сударь, что я вамъ нѣсколько обязанъ: я за честь почишаю бытъ извѣстнымъ во Франціи.“

— „Васъ намъ знаютъ, любятъ и уважаютъ,“ ошвѣчалъ я: „но потому, что ваши сочиненія читаютъ и на природномъ вашемъ языкѣ. Слабый переводъ мой помогъ, можетъ бытъ, нѣкоторымъ читателямъ понять, другихъ заславилъ угадашь васъ; но онъ васъ недостоинъ; однако жъ, если бы вамъ угодно было принять его онъ меня, въ знакъ глубочайшаго уваженія, по я бы за счастье почелъ предсавить вамъ его.“

Сиръ В. С. „Много благодаренъ вамъ: это будеть также пріятно женѣ моей. Позвольте познакомить васъ съ нею; надѣюсь, что вы останешесь съ нами позавтракать.“

— „Извините, я ошозванъ къ Профессору Томсону.“

Сиръ В. С. „Такъ я надѣюсь, что вы къ намъ въ другой разъ пожалуете, и тогда

будеть наша очередь? Долго ли вы думаете пробытъ въ Шотландіи?“

— „Полтора или два мѣсяца. Одно изъ желаній моихъ уже исполнилось, я видѣлъ *your own romantic town* (*) и ея Поэма, но мнѣ хотѣлось бы также осмотрѣть мѣста, которыхъ воспѣлъ онъ:

*From lone Glenartney's hazel shade
E'en to the path of Bealmaha.*

Сиръ В. С. „Вы уже знаете имена нашего отечества?“

— „Европа выучила ихъ въ *Госпожѣ Озера*. Мнѣ хочется осмотрѣть всѣ мѣста, описанныя въ этой Поэмѣ; но я бы вамъ очень благодаренъ былъ, если бы вамъ угодно было научить меня.“

Тутъ Вальсеръ Скопшъ въ немногихъ словахъ описалъ всѣ лучшіе виды въ Графствѣ Першскомъ. Вошелъ человекъ, и онъ, прося меня подождать, вышелъ минушь на пять. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы оглядѣть убранство кабинета, и долго сморѣлъ на *черепъ*, лежавшій на камнѣ. Я не могъ сначала угадашь, настоящій ли это черепъ, или модель, прекрасно сдѣланная: какъ Анатомистъ, я хотѣлъ раз-

(*) Стихъ изъ Марміона: вашу романтическую весь....

смотрясь его ближе, но В. С. вошел и замѣшивъ еще нѣмое выраженіе моего любопышства, первый началъ говорить:

„Эта модель головы Роберта Брюса, одного изъ героев Шотландіи.“ И при сихъ словахъ, сказанныхъ иностранцу, въ глазахъ В. С. блеснула искра энтузіазма; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Онъ продолжалъ:

„Имя Брюса, имя Валласа производящъ у насъ дѣйствіе волшебное: они полу-боги нашихъ героическихъ временъ; независимая Шотландія гордится ихъ памятью. Они герои не только людей просвѣщенныхъ, но и народа. Баллады составляютъ большую часть Шотландской Литературы, а въ эпикъ Балладахъ воспѣваютъ Брюса и Валласа. Робертъ Борнсъ, Поэтъ-простодинь, также воспѣвалъ Валласа и Брюса въ концѣ прошедшаго вѣка. Вы не можете вообразить, какъ мы шоржесшвовали, когда нѣсколько лѣтъ назадъ нашли могилу и кости Брюса; этому открытію обязанъ и симъ *слѣпкомъ*. Это случилось въ 1818 году, когда въ Думферлинѣ рыли рвы для фундамента новой церкви. Опрыли могилу, кошорой положеніе совершенно соотвѣсшвовало описанію старинныхъ нашихъ лѣтописцевъ, Барбура и Фордюна. Гробъ былъ

обитъ желѣзными обручами, кошорыя ржавчина совсѣмъ почши съѣла; въ свинцѣ во многихъ мѣстахъ были дыры. Нашли часни основа челоуѣка въ шесть фуновъ два дюйма вышиною...“

— „Ростъ героев Гомеровыхъ!...“

Сиръ Вальнеръ Скопшъ улыбулся, слыша это замѣчаніе и продолжалъ:

„Тѣло было обернушо камкою чрезвычайно тонкою и зашканною съ золопомъ, кошорой еще оспаенся нѣсколько доскушкоть. На головѣ были признаки чего-шо, вѣроятно короны; въ свинцовомъ гробѣ былъ еще дубовый, а въ немъ уже лежало тѣло, но дерево было почши все изъѣдено червями; изъ него вынули нѣсколько гвоздей; кругомъ шамъ и сямъ нашли куски мрамора, вѣроятно оспаики памяшника. Я, какъ и многіе другіе, ходилъ на поклоненіе эпому гробу. Всякій смотрѣлъ съ почшеніемъ на благородные оспаики Короля Роберта Брюса.“

— „Вы уже тогда издали *Лорда остро-вова* (*).“

В. С. „Да, эта Поэма вышла въ 1813 году.“

(*) Поэма, въ кошорой Робертъ Брюсъ играешъ главную роль.

— „Эта Поэма почти болѣе всѣхъ меня занимала; описаніе Гебридскихъ острововъ — картина дикая, но высокая.“

В. С. — „Въ изображеніи историческихъ происшествій мнѣ много помогъ старинный Поэсъ Бербуръ.“

— „Вы обновили героическія лѣтописи вашей отчизны; вы возвратили гербу потомковъ вашихъ вѣнчезей весь блескъ, которымъ сіялъ онъ въ вѣка рыцарства. Жаловались на ваше молчаніе. Вашъ драматическій абрисъ *Галидоне Гилль* (*), также твореніе, исполненное народности; мы бы хотѣли, чѣмъ оно было длиннѣе. Надѣюсь, что вы не откажетесь еще отъ Поэма? „

В. С. — „Не знаю. Я ужъ и по ихъ много издалъ.“

— „Мы любимъ также и *вашу прозу*.“ Я коснулся чувствительной струны; но я далъ себѣ слово не говорить о Романахъ, чѣмбы не сдѣлался нескромнымъ. Я пошчасъ прибавилъ: — „Я было думалъ перевести вашу Жизнь Свифта; я увѣренъ, что она понравится во Франціи.“

В. С. — „Я думаю, что вамъ бы лучше перевести сначала *Жизнь Драйдена*;

(*) Онъ тогда шолько что вышель.

этомъ предметъ можешь быть прилипимъ для большаго числа чинашелей.“

— „Я знаю и ее, и чиналъ съ удовольствіемъ и пользою. Въ этомъ сочиненіи заключается лихерашурная исторія четверти вѣка. Получилъ книгу, я раскрылъ оглавленіе и увидѣлъ имя Мольера; я пошчасъ ошыскалъ мѣсто, въ которомъ вы ошдаеше полную справедливость его генію.“

В. С. — „Мольеръ и Драйденъ оба подражали Плавшю *Амфитриону*. Драйдену было выгоднѣе: онъ подражалъ и Плавшу и Мольеру. Сказать мимоходомъ, Лапинскій Поэсъ менѣе всѣхъ соблюдаетъ единство мѣста. Въ Лапинской піесѣ Геркулесъ родился: Мольеръ и Драйденъ шолько приготовили его рожденіе за девять мѣсяцевъ.“

— „Наши Французскіе Аристархи почитаютъ Плавша варваромъ. Боало на него намѣкаешъ эшимъ стихомъ:

Le latin dans les mots brave l'honnêteté.

В. С. — „Драйденъ также ея не уважаетъ: въ одномъ мѣстѣ, говоря о Французской цекопливости, онъ приводитъ слова Моншана (*). . . . но Драйденъ и его со-

(*) Nous ne sommes que cérémonie; la cérémonie nous emporte et laissons la substance des choses.

временники были ужь слишком неразборчивы. Въ его время нашъ Театръ долженъ былъ бы успѣдиться благоприличія Театра Французскаго. Амфипріонъ Мольера образецъ испинно забавнаго. Драйденъ грубъ и низокъ, въ пѣхъ мѣсахъ, гдѣ Мольеръ ошпроумень. Мольеръ рѣшился только вымолвить слово двусмысленное, а Драйденъ выскажетъ все прямо.“

— „У Драйдена много Поэзій въ роляхъ Юппитера.“

В. С. — „Да, онъ обогатилъ своего Амфипріона побочною инпригою, кошую бы Мольеръ охотно призналъ своею, инпригою между Меркуриемъ и Федрою, женою Созія. Но онъ признаетъ Мольера своимъ учителемъ.“

— „Онъ былъ не шакъ справедливъ къ Расину, и вы почти соглашаетесь съ его

Nous avons appris aux dames à rougir, oyant seulement nommer ce quelles craignent aucunement à faire. Nous n'osons appeller à droit nos membres et ne craignons pas de les employes à toutes sortes de débauches, etc.“ Мы до крайности церемонны; думаемъ только о наружности и забываемъ сущность вещей. Мы научили дамъ краснѣть, когда только говорятъ о томъ, чего онъ совсѣмъ не боится дѣлать. Мы не смѣемъ называть членовъ нашихъ по имени, а не смрашимся упошреблять ихъ на всѣхъ родахъ разврата и пр.“

мнѣнемъ, когда онъ смѣется надъ излишнею совѣспливостію *Господина Ипполита* (*), который не смѣетъ обвинить своей махи (**).“

В. С. — „Я не сказалъ своего мнѣнія объ этомъ мѣстѣ; я только назвалъ положеніе Ипполита въ этомъ случаѣ скользкимъ, затруднительнымъ (knotty), но написалъ стихи Расина, чшобы чшшатели могли судить сами.“

— „Но въ другомъ мѣстѣ, смѣшное хвастовство Драйденовыхъ героевъ вы приписываете тому, что онъ подражалъ Французскимъ Трагедіямъ.“

В. С. — „Римованныя Трагедіи или героическія піесы Драйдена, выходцы съ Театра Французскаго. Во Франціи Лудовика XIV, какой-то пышный церемоніаль,

(*) Выраженіе Драйдена.

(**) А R I S T E.

..... Pourquoi? par quel caprice
Laissez vous le champ libre à votre accusatrice?
Eclaircissez Thésée.

H I P P O L I T E.

Hé! que n'ai-je point dit?
Ai-je dû mettre au jour l'opprobre de son lit? etc.

вопреки общимъ нравамъ народа, овладѣлъ Театромъ; Поэты заботились не о томъ, чтобы заставить героевъ своихъ говорить натурально, а о томъ, чтобы не нарушить закона церемоннаго благоприличія, налагаемаго присуствомъ *Великаго Монарха*. Чувствованіями заимствовались у Скюдери и Ла-Кальпренеда. Разговоръ сообразовался съ придворнымъ этикетомъ. Великій даръ Корнеля и Расина исправилъ множество недѣлностей въ этой системѣ; но планъ былъ ложный, и къ несчастію, ихъ спихи приучили Французовъ къ слогу, который бы безъ нихъ впалъ въ презрѣніе...“

— „У насъ, во Франціи, есть, какъ и у Англичанъ, свои литературные предразсудки; однако жъ мы всякій день болѣе и болѣе уснуаемъ новымъ идеямъ. Въ отношеніи къ нововведеніямъ Искусство Драма-тическое ошталовало; но оно сдѣлаешь со временемъ уступки... Въ нашей Словесности произошелъ переворотъ важный; въ этому много способствовало; но и у насъ въ Литературѣ есть также великій человѣкъ, который теперь въ Лондонѣ.“

В. С. „Виконтъ де Шамобрианъ?“

— „Онъ представитель и Франціи политической и Франціи литературной.“

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы В. С. прибавилъ что нибудь къ имени знаменитѣйшаго изъ нашихъ Писателей; но это имя послужило ему только переходомъ къ другому: къ имени женщины, которую въ Англіи болѣе знаютъ и болѣе хвалятъ, потому что мнѣнія ея и въ Политикѣ и въ Литературѣ, ближе къ мнѣніямъ Англичанъ. Онъ сказалъ мнѣ:

„Здѣсь Баронъ Спаль; онъ мнѣ сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ. Вы его знаете?“

— „Видывалъ иногда у Г. Гизо, одного изъ самыхъ глубокихъ нашихъ публицистовъ и человека весьма знающаго въ новѣйшихъ Литературахъ.“

В. С. „А знали ли вы Госпожу Спаль?“

— „Я былъ еще очень молодъ, когда ее видѣлъ въ обществѣ; но около нее было множество народа: я слышалъ и понималъ развѣ только двѣ ея фразы.“

В. С. „Говорятъ, что она была удивительна въ разговорахъ, удивительнѣе, нежели въ швореніяхъ, хотя она часто думаетъ и пишетъ, какъ мужчина.“

— „Я много слышался объ очаровательности ея импровизацій у Г-жи Гизо.“

В. С. „Она владычествовала въ литературномъ мірѣ. Сынъ ея кажется мнѣ человѣкомъ примѣчательнымъ: онъ, какъ ино-

спранецъ, говоришь по-Английски съ нѣкоторымъ совершенствомъ. Не было ли дочери у Г-жи Спаль?"

— „Была — и женщина очень умная; она вышла замужъ за Герцога Бролио (Broglio), одного изъ начальниковъ нашей оппозиціи въ Палатѣ Перовъ.“

В. С. „Полишка сильно занимаетъ васъ во Франціи, и она присвоиваетъ себѣ всѣхъ вашихъ людей съ дарованіемъ.“

— „Она отвлекаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ Словесности, собственно такъ называемой, но за то направляетъ мысли ихъ къ цѣли болѣе важной и благородной. Вы вѣдь ѣздили въ Парижъ?"

В. С. „ѣздилъ въ 1815 году; но я мало видѣлъ Францію. Въ то время всякій иностранецъ долженъ былъ казаться ей непріятелемъ: семейства запирались у себя дома. Я въ Парижѣ жилъ больше съ Англичанами и Нѣмцами, нежели съ Французами.“

— „Думаете ли вы съѣздить къ намъ оняшь?"

В. С. „Не надѣюсь.“

— „Въ то время не было и сна чело-вѣкъ, которымъ бы извѣстно было ваше имя; теперь его также знаютъ и любятъ, какъ имена лучшихъ нашихъ Авторовъ,

Васъ бы приняли съ удовольствіемъ и удивленіемъ.“

Сиръ В. С. скромно улыбнулся. Я прибавилъ:

„Намъ мало вашихъ *Писемъ Павла*. Впрочемъ безприсраспные Французы почитаютъ замѣчанія ваши довольно безприсраспными; но намъ бы хотѣлось, чшобы вы насъ знали и думали о насъ лучше.“

Мнѣ часто случалось слышать, что *Письма Павла* соч. Вальпера Скопша, называютъ сборищемъ клеветъ на Францію. Нѣкоторые Журналы оцѣнили ихъ такимъ образомъ, и многіе люди удовольствовались эшимъ гошовымъ мнѣніемъ, не прочитавъ ихъ сами. Не говорю, чшобы это сочиненіе было правдиво во всѣхъ своихъ подробностяхъ: видѣвъ многое поверхностно, Авторъ часто судилъ ошибочно; поживъ у насъ не долго, онъ также не могъ отбросить нѣкоторыхъ предразсудковъ *Англичанина и торя*. Но онъ отдастъ справедливостъ многимъ Французскимъ добродѣтелямъ, между шѣмъ, какъ большое число его соошечественниковъ совсѣмъ не признаетъ ихъ въ насъ. Английскіе путешественники въ эпоху отношеніи насъ не избаловали, и, по сравненію съ другими, Павелъ еще довольно уважаетъ насъ. *Письма Павла*

часто смѣшивали съ *Повѣдкою въ Парижѣ въ 1815 году* соч. какого-то Джона Скопша, безстыднаго клеветника, который въ послѣдствіи былъ убитъ на дуэли, поссорившись съ Г. Локкаромъ, зятемъ В. Скопша.

Возвращаюсь къ *нашему разговору*.

Сиръ Вальсеръ повспорилъ мнѣ, что онъ не надѣется быть скоро во Франціи; — пишуъ онъ сдѣлалъ нѣсколько учтивыхъ вопросовъ, относившихся до меня. — Я ушелъ отъ него и опсправился къ Профессору Томсону.

Приводя сей разговоръ и слѣдующіе, я долженъ откровенно признаться, что пользуюсь моими записками, писанными въ шотъ же самый день, и болѣе убавляю, нежели прибавляю. Но вообще сообразовался я съ извѣстными, печатными мнѣніями В. Скопша, чтобы не ошибиться и не приписать ему словъ, которыхъ бы онъ никогда не сказалъ. Когда слишкомъ сокращенныя записки мои неполны, я ихъ оставляю, чтобы быть правдивымъ. Быть можетъ, что я, неизмѣняя смысла фразы, иногда ее округливалъ, для того, чтобы замѣнить выраженіе при разговорѣ, которое можно иногда передать читателю не иначе, какъ лишнимъ эпитетомъ или шпорою, изъяснительною фразою.

Р. С. Прибавлю здѣсь еще, что Френологическія Шотландскія Общества много занимались головою Роберта Брюса (*). Г. Вилльямъ Скопшъ напечаталъ въ актахъ (Transactions) одного изъ сихъ Обществъ записку объ отношеніяхъ, существующихъ между характеромъ знаменитаго Короля Брюса и развитіемъ его мозговыхъ органовъ. Онъ нашелъ всѣ шишки, объясняющія и жизнь и каждое изъ дѣяній его.

Вопль Ода, сочиненная, въ порывѣ энтузіазма Рюбертомъ Борнсомъ, въ воспоминаніе сраженія при Боннокбургѣ. Ода сія сдѣлалась народною пѣснейю.

Брюсъ говоритъ въ ней рѣчь своему войску.

Scots wha hae with Wallace bled etc.

— „Шотландцы, проливавшіе кровь свою съ Валласомъ — Шотландцы, которыхъ Брюсъ часно водилъ или на кровавый опдыхъ, или на славную побѣду; привѣтствую васъ, Шотландцы!

„Наспалъ день, наспалъ часъ! смотрише — тѣсняшъ первые ряды непріятелей, близящся воины Эдуардовы. — Эдуардъ, цѣпи и рабство!

(*) Докторъ Шпурцгеймъ и его система въ большой модѣ въ Шотландіи.

„Кшо измѣнишь чести? Кшо ляжешь
въ гробъ робкаго? Кшо захочешь бышь не-
вольникомъ? Измѣнники, робкіе, обрати-
шись и бѣгите!

„Вы, облажающіе мечъ свободы за Ца-
ря и Шотландію, бейтесь свободные, или
свободные гибните. — Впередъ, за мной,
Каледоняне!

„Злосчасіями и скорбію пришѣсен-
ныхъ, цѣпями дѣшей вашихъ — клянись
пролишь кровь свою до капли. — Но дѣши
ваши будешь . . . будешь независимы.

„Понизьше надменнаго похитителя;
свобода будешь наградою каждаго удара. —
Впередъ! Победа или смерть!“

Вы догадаетесь, что быспроша стихо-
сложенія увеличиваетъ дѣйствіе сей пѣсни.

Пер. — изъ,

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Минута вдохновенія.

Весна, весна! суровыхъ дней
Съ лица земли слетѣли непогоды. . . .
Уже я зрю: цвѣтъ радужный лучей
Вънчашь чудный ликъ природы!
Одѣлась лакомъ гладь луговъ,
Бѣжитъ ручей волной серебристой,
Благоухаетъ воздухъ чистый
И въ шипинѣ цвѣшающихъ дубровъ
Пѣвецъ зацолкалъ голосистый!

У Невскихъ поселясь бреговъ,
Вкушу ль опять небесную любовь,
И наслажусь ли я гармоніей созданья?
Лельѣ, ласкай, мечта очарованья,
Счастливецъ вновь!

И я горю, въ прекрасный мигъ забвенья,
Тобой, души восторгъ божественный, святой!
Твоей волшебной красошей
Одуревленъ даръ пылкой пѣснопѣня!
Настроивъ звонкую свирѣль —
Уединенія въ тиши благословенной —
Пою, пою, — и сладостная трель
Какъ нектаръ, какъ огонь любви священный
Возносишь духъ Поэта умиленный!

Николай Лутковскій.

Э Л Е Г И Я.

Души возвышеннаго чувства,
 Любви въ то время я не зналъ,
 Когда, впервые, безъ искуства
 Владѣть цѣвицей начиналъ.
 Невинныхъ сердца впечатлѣній
 И дѣтскихъ игръ и наслажденій
 Мнѣ сладокъ первый былъ напитокъ;
 Но непонятны были встрѣчи,
 Ни ласки милыя, ни рѣчи
 Богошворимыхъ вѣнъ дѣвъ.

Николай Лутковскій.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1826 года.

(Продолженіе.)

Британская Монархія, какъ мы уже сказали, только по географическому положенію своему можешь быть причислена къ Европѣ, но по вѣдшимъ отношеніямъ, пространству владѣній и морской силѣ, при-

надлежитъ, ко всѣмъ частямъ свѣша, и по-
 тому мы изъ оной составляемъ переходъ
 къ другимъ главнымъ частямъ нашего шара. —
 Крипическое положеніе торговыхъ и де-
 нежныхъ оборотовъ, сладшіе безмѣрныхъ
 спекуляцій, о коихъ мы упомянули въ обо-
 зрѣніи прошедшаго года, продолжалось еще
 и въ началѣ нынѣшняго года, и имѣло весь-
 ма вредное и опасное вліяніе на фабричныя
 округа; въ самомъ бѣдственномъ состояніи
 находились работники на шелковыхъ фа-
 брикахъ. — Въ продолженіе сихъ крипиче-
 скихъ обстоятельствъ открыты были 3
 Февраля засѣданія Парламента. Въ рѣчи Ко-
 роля упомянуто было о господствующемъ
 недоспашкѣ въ деньгахъ, происшедшемъ не
 ошъ внутреннихъ и не ошъ вѣднихъ по-
 литическихъ причинъ, и поданъ былъ со-
 вѣтъ поставившъ вѣрнѣйшее основаніе для
 коммерческихъ средствъ Государства. Ка-
 сательно вѣднихъ сношеній сказано „что
 Король постоянно и неутомимо старает-
 ся примирять *противоборствующія другъ
 другу выгоды*, и какъ въ Старомъ, такъ и
 въ Новомъ Свѣшѣ, преклоняетъ къ миру и
 держашся онаго.“ Еще было говорено въ
 сей рѣчи о признаніи Португаліею незави-
 симости Бразиліи, о торговыхъ условіяхъ
 съ Франціею и Ганзейскими городами, о дру-

жесивенномъ и торговомъ договорѣ съ Колумбійскою Республикою, о надеждѣ вскорѣ приобрести оружіемъ славный миръ въ Остѣ-Индіи, также изъявлено было желаніе объ улучшеніи сословія Ирландіи, въ которой торговля и ремесла оказываютъ успѣхи, и объявлено, что Государственный доходъ совершенно опвышествовалъ ожиданіямъ. Въ Верхней Палатѣ Лордъ Кингъ пошчасъ попробовалъ пересмотрѣть законъ о хлѣбѣ, но Графъ Ливерпуль, признавъ достаточность оныхъ вообще, сказалъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствѣхъ конечно ни одинъ Министръ въ настоящее засѣданіе не будетъ требовать онаго. Онъ напомнилъ о предсказанныхъ имъ въ прошедшее засѣданіе слѣдствіяхъ излишнихъ спекуляцій, и предложилъ, какъ главное средство къ предупрежденію на будущее время подобныхъ бѣдствій, вмѣсто мелкихъ ассигнацій, пустить въ ходъ звонкую монету, и согласился съ Англійскимъ Банкомъ объ ограниченіи ѣкопаторыхъ изъ его привиллегій. То же самое говорили и Министры Каннингъ и Гускисонъ. Канцлеръ Казначейства сдѣлалъ предложеніе, чтобы Нижняя Палата занялась мѣрами въ отношеніи къ Банкамъ и банковымъ ассигнаціямъ, и чтобы обращеніе ассигнацій менѣе пѣши-фушоваго достоинства

продолжалось не долѣе 5 Февраля 1829 года. По двухдневномъ продолжительномъ и сильномъ преніи противу оппозиціи, въ кошоромъ Гг. Пиль, Каннингъ и даже Броутгамъ говорили въ пользу ршенія Министровъ, сіи послѣдніе наконецъ одержали верхъ. Въ Верхней Палатѣ поднесъ Графъ Ливерпуль билль, кошорымъ грамота привиллегій Англійскаго Банка была измѣнена въ ѣкопаторыхъ спашьяхъ. Также удалось Министрамъ, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдить Банкъ въ выдачѣ въ заемъ 4 милліоновъ фуншовъ подъ залогъ шоваровъ. Пошомъ Г. Барингъ объявилъ, что онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ слѣдствіе доспохвального поступка Англійскаго Банка, довѣріе и сбытъ возстановились въ торговлѣ, а Г. Пирсъ прибавилъ, что никто изъ купечества, къ чему онато, не пребуешь опъ Банка болѣе шого, сколько ему необходимо нужно. Такимъ образомъ и сіе великое бѣдствіе подало Англійскому духу общественной пользы, основанію величія Британніи, случай показаться во всемъ своемъ блескѣ. Спошь же челоѣколюбиво и благоразумно было единодушное ршеніе Парламенша на предложеніе Министра Колоній, чтобы законно улучшить судьбу невольниковъ. 13 Марша, Канцлеръ Казначейства предложилъ Нижней Палатѣ

финансовый отчетъ, который былъ удовлетворительнѣе, нежели какъ того можно было надѣяться. Весь годово́й доходъ проспирался до 57,043,000 ф. ст., расходъ же только до 56,328,421 ф. ст.; при семъ Министръ замѣнилъ, что въ теченіе семи лѣтъ, онъ предлагалъ уменьшенія податей, которыя составляють около 8 милліоновъ ф. ст. — Рѣчь и отчетъ его были приняты съ громкимъ рукоплесканіемъ. Г. Пиль предложилъ исправить Уголовный Уставъ, преимущественно относительно къ наказанію воровства, ибо онъ утверждалъ, что нынѣ существующіе 98 часто противорѣчащихъ одно другому постановленій, которыя должны бытъ замѣнены однимъ общимъ и яснымъ закономъ. Г. Гускисонъ, въ превосходной и сильной рѣчи, распространился на счетъ вредныхъ дѣйствій системы запретительной, которая, безъ выгодъ для Правительства, пишлетъ безразличность, обманъ и клятвопреступленіе, и объявилъ, что онъ твердо намѣренъ не оставлять принятой нынѣ системы. Англійскіе Министры ознакомили важнѣйшіе вопросы, конхъ удовлетворительное рѣшеніе отчасти уже прежде шщечно было испытано, отчасти было невозможно, отчасти же было еще слишкомъ рано, какъ

напр. уравненіе правъ Ирландіи, биль о хлѣбѣ и ш. п., до слѣдующаго Парламентскаго собранія, въ которомъ они ожидали, что фабриканты и купечество, и вообще торговая и демократическая стихія получатъ болѣе вѣсу, чѣмъ въ послѣднемъ, гдѣ, не смотря на великодушный образъ мыслей Министровъ, земледѣльская и аристократическая имѣли сильный перевѣсъ. Поэтому Маркизь Ландсдоунъ, Лордъ Грей, и Сиръ Франсисъ Бордешъ отсовѣтовали Ирландскимъ Каполикамъ подавать въ сіе засѣданіе прошеніе объ уравненіи правъ. Основная фабрикъ и происшедшая отъ того праздность и мятежныя волненія 100,000 рабочихъ, въ большихъ мануфактурныхъ округахъ, которые могли бытъ укрощены только съ помощію военной силы и не безъ кровопролитія, побудили Г. Каннинга уже 1-го Мая учинить предложеніе, чтобы позволено было продавашъ для внутренняго употребленія иностраннѣйхъ лѣтъ, находящейся нынѣ въ Королевскихъ магазинахъ; оное и было немедленно принято. Но большаго шрудя сиюяло ему доставить благосклонный пріемъ шпорому продолженію своему, чтобы Министрамъ, по окончаніи засѣданія, довѣрено было на собственную отвѣтственность, дозволить ввозъ нужнаго количества хлѣба.

Однако же Министры успели до того, что имь предославлено было на совѣснѣ, позво- лишь ввезти до 500.000 четвершей хлѣба, плаши, въ случаѣ нужды, пошлины по 12 шиллинговъ съ четверти, полагая срокомъ ввозу два мѣсяца. — 31 Мая, Парламентъ былъ закрытъ Королевскою Коммисіею, кошорая объявила, что нынѣшній Парла- ментъ распущенъ и долженъ быть созванъ новый, къ кошорому немедленно и начались выборы.

Король и знаменитый Министръ его, Каннингъ, въ печеніе сего года спрадали опасными болѣзненными припадками. Здо- ровье Герцога Йоркскаго подавало поводъ къ сильнѣйшимъ опасеніямъ. Герцогъ Кларан- скій также не очень здоровъ. Наслѣдіе прес- шола нѣкогда перейдешъ къ Принцессѣ Але- ксандръ Викторинѣ Кенской, род. 24 Мая 1819 года, кошорой нынѣ 7 лѣтъ ошъ роду. Выборы новаго Парламента вообще произ- ведены были къ удовольствію Министровъ; шщечно пресловуемые Коббешъ и Гуинъ искали голосовъ. Такъ какъ шорговые обо- роты все еще не приходили въ лучшее со- стояніе, фабрики все еще находились въ бездѣйствіи и жашва была не обильна, шо 1 Сеншября положено было ошкрытъ новылъ засѣданія Парламента, и позво-

лишь ввозъ различнаго жлша за 40 дней до ошкрытія Парламента. Съ шѣхъ поръ сно- ва увеличилась дѣятельность на фабрикахъ. 21 Ноября Король лично ошкрылъ новый Парламентъ и объявилъ въ рѣчи своей, что Парламентъ созванъ преимущественно для того, чтобы позволить необходимый ввозъ нѣкоторыхъ родовъ жиша. 24 Ноября, Г. Гускисонъ пребовалъ двухъ рѣшеній: первое ошносилось къ снятію съ Минист- ровъ ошвѣщенности въ томъ, что они самовольно поступили на основаніи поста- новленія Совѣта ошъ 1 Сеншября; второе касалось позволенія ввозить иностранный хлѣбъ съ плашою означенной въ вышепомя- нушомъ постановленіи пошлины. Оба пред- ложенія были приняты, послѣднее съ назна- ченіемъ срока 15 Февраля. Послѣ Новаго года, Парламентъ просшраніе займешся за- конами о хлѣбѣ.

И въ семь году Великобританія прини- мала живое участие въ великихъ политиче- скихъ сношеніяхъ въ Европѣ и внѣ оной. Особенно важно было вышепомянутое пу- шешествіе Герцога Веллингтона въ Петер- бургъ, за кошорымъ Герцогъ Девонширскій послѣдовалъ въ качествѣ Чрезвычайнаго По- сла на Коронацію въ Москву. Пушешествіе Министра Каннинга въ Парижъ, 15 Сеншя-

бря, о которомъ составляли сколько предположений, относилось частію къ Греческимъ, частію къ Португальскимъ дѣламъ, на которыя Англійское Министерство оказало рѣшительное вліяніе. Съ Соединенными Штатами Северной Америки Англія, какъ мы о томъ скажемъ ниже, имѣла переговоры о весьма важныхъ предметахъ, которые легко могли бы подать поводъ къ разрыву дружественныхъ связей. Она состояла также въ тѣсныхъ связяхъ съ Юго-Американскими Штатами; торговой договоръ съ Бразиліею не могъ бытъ утвержденъ, и шестию старалась Англія примирить Бразилію съ Соединенными Штатами Ла-Платы. Въ Гаити отправлены были Консулы, а Г. Доукисъ Посланникомъ на Конгрессъ Панамскій. — Война съ Бирманами, какъ мы дальѣ упомянемъ, была счастливо окончена. Въ Адмиралтействѣ господствовала великая дѣятельность: въ началѣ года построены были 96 военныхъ кораблей, въ числѣ коихъ 15 трехпалубныхъ. Рѣшено было отправить Капитана Парри съ новою экспедиціею для непосредственнаго приближенія къ северному полюсу, и преимущественно для осмотра восточнаго берега Шпицбергена. Капитанъ Франклинъ отправлялся на открытія оствъ рѣки Макензи. Майоръ Ле-

енгъ дѣлалъ важныя открытія во внутренности Африки; новая экспедиція, подъ начальствомъ Капитана Кинга, отправилась въ Южное море, преимущественно для открытія южнаго мыса Америки. — Исполненное предпріятіе усроенія подводнаго пути подъ Темзою благополучно подвигалось впередъ, и должно бытъ окончено въ теченіе двухъ лѣтъ. Парламентъ утвердилъ построение чугунной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Опыты надъ Перкинсовымъ паровымъ орудіемъ были учинены въ присутствіи Герцога Веллингтона, и удалсь сверхъ ожиданія. — Безпрерывно умножаешся народонаселеніе необъятнаго Лондона, въ которомъ, въ 1826 году, считалось 21,026 умершихъ и 25.634 родившихся.
(*Окончаніе впрдѣ.*)

VII.
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

Словесность.

Альманахи на 1827 годъ.
17. *Съверные цѣбты на 1827 годъ. Изда-
ны Барономъ Дельвигомъ. С. П. б., въ*

шипогр. Департ. Народн. Просвѣщенія, 1827., 348 стр. въ 16 долю листа.

(Альманахъ сей уже шрешій годъ появился въ свѣсъ, и заслужилъ въ полной мѣрѣ одобреніе всѣхъ любителей легкаго и пріятнаго чтенія. Въ нынѣшнемъ году, можемъ смѣло сказать, что онъ есть *первый* по богатству, разнообразію и достоинству спашей, его составляющихъ, особливо въ оцдѣленіи стиховъ, равно какъ и по красотѣ изданія. Всѣхъ, помѣщенныхъ въ немъ спашей, 59; изъ нихъ 10 прозаическихъ и 49 стихошворныхъ. Одно могли бы мы замѣнить почтенному его собирателю: то, что онъ прозу оцдѣлилъ опъ стиховъ. Въ Альманахъ, какъ въ Англійскихъ садахъ, все должно быть нечаянностію, чтобы читатель встрѣчалъ, не ожидая, прозу или стихи, повѣсти или спашью нравственную, ошривокъ изъ Поэмы или пѣсенку, и все сіе въ нѣкошоромъ пріятномъ безпорядкѣ, въ коемъ, при наружномъ отсутствіи всякой системы, должна соблюдаться главная цѣль Альманаховъ — разнообразіе. Но видя два оцдѣленія въ Альманахъ, читатель напередъ уже знаетъ, что здѣсь искашь должно прозы, а тамъ стиховъ. Намъ кажется, что и для самаго изданія сіе смѣшеніе прозы и стиховъ удобнѣе. Кромѣ заглавной

виньешки, въ семь году къ *Свернымъ Цѣбтамъ* приложены савдующія картины: портретъ Г. *Взрика*, выгравированный Г. Гаршманомъ въ уменьшенномъ видѣ съ того, который имъ самимъ написанъ; *видъ крепости Св. Ангела въ Римѣ* писанный съ натуры Г. *Щедринымъ*, а съ его картины срисованный Г. *Лагеромъ* и выгравированный Г. Ческимъ; и картина, представляющая *Рыбаковъ*, къ Идилліи Г. Гнѣдича, рисованная Г. *Воробьевымъ* и гравированная Г. *Галактіоновымъ*).

18. *Литературный Музеумъ на 1827 годъ Владимира Измайлова. Изданіе А. Ширлеса.* М. въ шипогр. С. Селивановскаго, 1827. 320 стр. въ 16 д. съ листкомъ пошъ.

(Многіе изъ читающихъ нашихъ соотечественниковъ изъявляли сожалѣніе о томъ, что въ Альманахахъ Русскихъ перестали печатать опченны о текущей Словесности нашей за предшествовавшіе годы. Г. Измайловъ пополнилъ сей недосшатокъ: въ началѣ своего Альманаха, помѣстилъ онъ *Обозрѣніе 1826 года*, въ которомъ исчисляеть все, вышедшее въ печать за прошлый годъ и заслуживающее вниманія. Сужденія его изложены въ духъ безприспрашной

и благомыслящей кришки. — Всѣхъ прозаическихъ спашей въ *Литературномъ Музеумѣ* помѣщено 9, въ числѣ коихъ два отрывка, изъ *Карамзина*; прочія сочин. *В. Измайлова*, *Ө. Глинки*, *В. Пушкина*, *Кн. Вяземскаго*, *Иванчина-Писарева* и *Сомова*; стихотвореній 27, соч. *И. И. Д.*, *А. Пушкина*, *Жуковскаго*, *Гильдича*, *В. Измайлова*, *В. Пушкина*, *Боратынскаго*, *Кн. Вяземскаго*, *Ө. Глинки*, *М. Дмитриева*, *Д. Глыбова*, *Раича*, *Иванчина-Писарева*, *Г-жи Готовцевой* и *Филимонова*. Нѣкопорья сочиненія въ прозѣ и стихахъ даюшь сему Альманаху достоинство хорошей и пріятной книги и мѣсто между лучшими Альманахами сего года.)

Конецъ сто двѣнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Густавъ Ваза, (Оконч.)	3
2. Свѣтъ Гарема	27
3. Ареспаншь	105
	(Прод.) . . 213
	(Оконч.) . 309
II. Военное Искусство.	
Исторія Артиллеріи, (Прод)	60
III. Военная Исторія.	
Битва Аркольская	340
IV. Отечественная Словесность.	
Письма на Кавказѣ, (Прод.)	372
V. Словесность.	
Бесѣда у Вальшера Скопша	381
VI. Стихотворенія.	
1. Цвѣты	98
2. Старой кокеткѣ	99
3. Новый Нарциссъ	100
4. Подражаніе 113 Псалму	198
5. Ювь	279
6. Минута вдохновенія	401
7. Элегія	402

VII. КРИТИКА.

1. Замѣчаніе на книгу: Военное Краснорѣчіе 73
(Оконч.) . 155
2. Апши-Журналистика 174
3. На статью Геерена о Рамайянь . . . 258

VIII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

- Обозрѣніе происшествій 1826 года 92
(Прод.) . 201
(Прод.) . . 291
(Прод.) . . 402

IX. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 100

210

307

411.